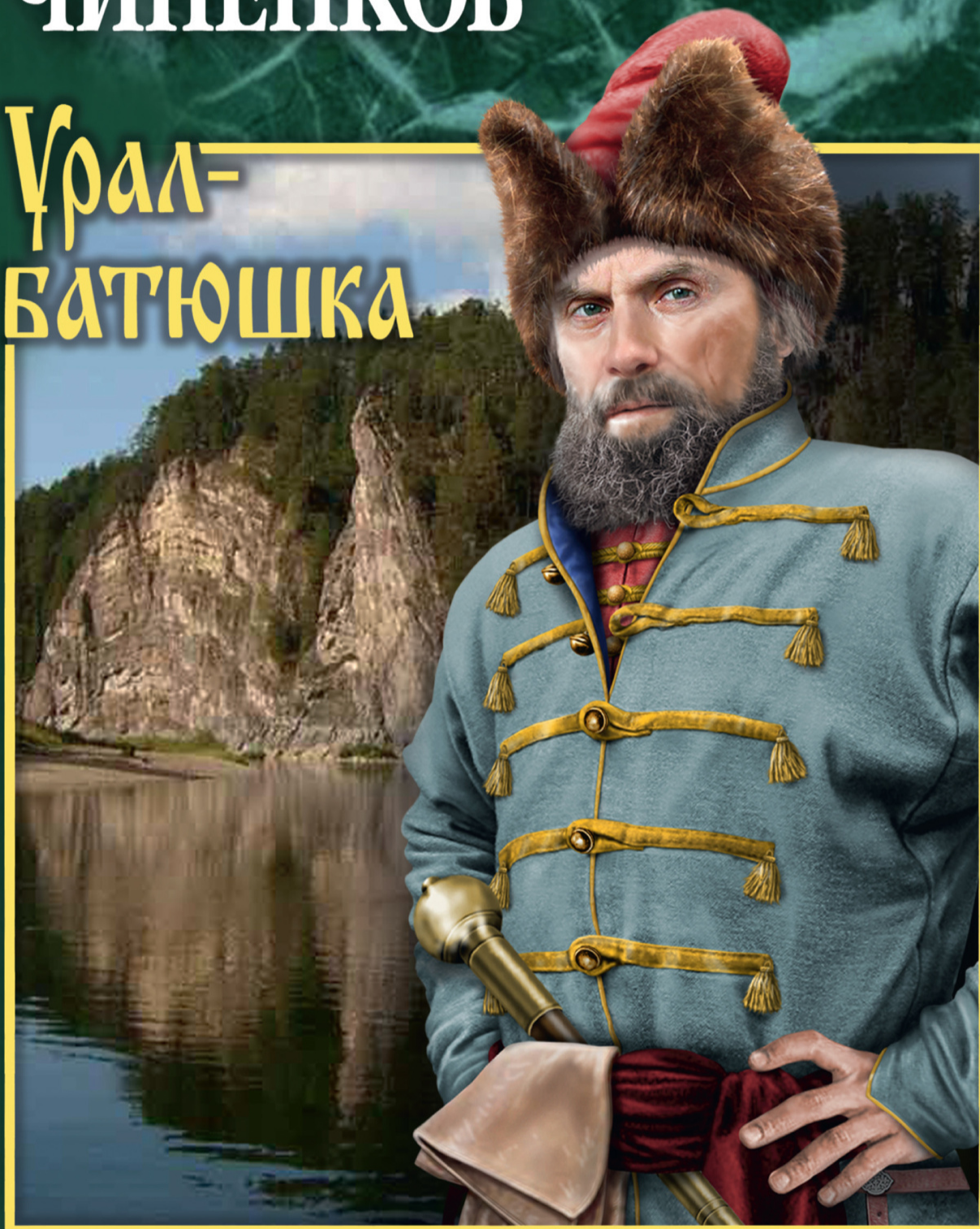

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

Урал-
БАТЮШКА

Слово атамана Арапова

Урал-батюшка

Александр Чиненков
Слово атамана Арапова

«ВЕЧЕ»

2020

Чиненков А. В.

Слово атамана Арапова / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-8271-7

Новый роман известного уральского писателя открывает волнующие страницы истории Оренбургского края, рассказывающие об освоении вольными казаками земель вдоль реки Сакмары. Упорство, мужество, безудержные порывы и безрассудная храбрость – вот то, что подчас меняет ход истории, оставляя в наследство озадаченным потомкам гордость за своих отважных предков, не щадивших живота ради величия и укрепления России. Главные герои романа – яркая историческая личность, отважный атаман Василий Арапов, и его товарищи: верный есаул Пётр Кочегуров, крёстный Фома Сибиряков, Степан Погодаев, Гурьян Куракин и многие другие. Это полная живописных подробностей история, основанная на достоверных фактах.

ISBN 978-5-4484-8271-7

© Чиненков А. В., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Александр Чиненков Слово атамана Арапова

© Чиненков А.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая России во благо

1

Девять дней струги медленно поднимались вверх по реке, преодолевая стремительное течение. Налегавшие на весла казаки выбились из сил. Они гребли от зари до заката, причаливая к берегу лишь в полдень для трапезы и краткого отдыха и на ночлег.

Дни стояли ясные и долгие, что позволяло преодолевать значительные расстояния, а вот ночи... За короткие ночные часы казаки едва успевали отдохнуть, выспаться и подкрепиться, как атаман Василий Арапов чуть ли не плетью загонял их обратно в струги, и поход продолжался.

У Степки Погадаева было странное ощущение неповторимости всего, что он видит и делает. Руки ныли от тяжелой работы, пот застилал глаза, но кудрявая светловолосая голова не переставала поворачиваться из стороны в сторону, позволяя юноше любоваться красивыми живописными местами.

Весна 1723 года началась радостно и дружно. Разливы на реках бушевали обильные и размашистые. Яик вышел из берегов и был похож на море. Его мутные воды сметали все на своем пути.

Река Сакмара, в русло которой струги казаков вошли еще прошлым вечером, мало чем отличалась от Яика, в который впадала. Ее течение не менее быстро; берега глинистые и песчаные. Но, в отличие от большей своей частью безлесных берегов Яика, берега Сакмары покрыты лесом, чередующимся с без устали зеленеющими лугами.

Немало успел повидать на своем веку Степка, но такой нетронутой красоты, такого буйного могущества окружавших реку лесов видеть не доводилось. Он оглядывался и видел, что второй струг едва поспевает за ними, отчего на сердце становилось веселее, а руки...

– Ужо который раз в энтих местах, а зрю все, как сызнава, – проговорил сидящий рядом Гаврила Крыгин. – И здесь бывал, и далее. Завсегда как возвертался в Яицк¹, аш тоска душу сминала. Большущая охота возвернуться сюды сызнава поедом поедала!

– А я, – вступил в разговор сидящий сзади казак Данила Осипов, – тож здесь бывал. И не раз бывал, то-то!

Он гордо тряхнул седой головой и сплюнул в воду, бурлящую за бортом.

– Ешо с атаманом Меркурьевым, бывалочи, не единожды в поход супротив кыргызов, каракалпаков и джунгар хаживали. Как по сакмарским берегам проходили, так и заприметили удобное место в междугорье для крепостицы. Так-то вот, бляшечки!

– Конешно, тута те и луга, и лес для постройки, – заговорил налегающий на весла Степан Рябов. – Как токо Василь Евдокимыч на круге про вольны земли обсказал, так я зараз...

– Иш каков прыткий. – Осипов снова сплюнул за борт и ухмыльнулся. – Вольной землицы ему подавай. А што с ней дееть бушь? Жрать? За кажну ейную пядь ешо постоять придется. Новы земли... Энто для нас оне новы, а для хозяев не! Степняк горой за них станет, во как!

Сидевший на корме атаман Василий Арапов прислушивался к разговору казаков и улыбался. Он знал об этих местах намного больше своих спутников. Еще с прежних походов прикипел к ним сердцем и полюбил на всю оставшуюся жизнь.

---

¹ Яицк – ныне Уральск.

Как и у любого казака, у Арапова болела душа за судьбу земли Русской. Через земли, которые Василий собирался освоить и закрепить за державой, часто совершали набеги кочевые племена. И он не раз обращался к атаману Яицкого казачьего войска Меркурьеву с просьбами и уговорами построить крепость на реке Сакмаре, дабы защитить русских людей от набегов. Каракалпаки, киргиз-кайсаки, джунгары часто посягали на эти земли, чиня большие разорения и уводя в плен много людей. Они...

– Хочу вот ты обспросить: пошто с нами подался?

Арапов прервал размышления и прислушался. Ему стало интересно, что ответит Степка на вопрос Данилы Осипова. Атаман внимательно посмотрел на растерявшегося юношу, который от неожиданности едва не выронил весло.

– Судьбина моя така, – покосившись на соседей, ответил он.

– Судьбина, баешь, иш ты. – Осипов на секунду задумался и поучительным тоном изрек: – Зелен ты ешо. Не оперился, бляшечки!

Степка обиженно нахмурился, поджал губы, но смолчал. Любому казаку была известна в походах его удаль, а тут...

– Не сердчай, сиденок², – ободряюще коснулся его плеча Гаврила Крыгин. – Серчать не следут.

Он с хитрецей покосился на смутившегося юношу. А Степка отвернул покрасневшее от досады лицо.

– Пошто к нему причыпылись, репы? – подал голос все это время молчавший Петр Пудовкин. – Кто хоть раз видал, штоб он осерчал без дела? Энто ты, Гавря, верблюд бесхребетный, как што, дык на дерьмо исходишь.

Гаврила Крыгин даже затрясся весь, услышав такое. Он покраснел от гнева:

– Да ты, э-э-э...

– Вертай к берегу, – усмехнулся Арапов и налег на весла, желая дать гребцам время на отдых и унять вспыхнувшую ссору. Он поднял глаза к небу и с вздохом добавил: – Ночевать тута будем.

Крыгин метнул на него через плечо сердитый взгляд и огрызнулся:

– Пошто в рань таку, батько? Ешо эвон...

– Вертай, говорю!

Арапов нахмурил брови, что являлось плохим признаком для ослушников. Все знали его крутой нрав и тяжелую руку. Василий Евдокимович был справедливым атаманом, но скорым на расправу. Он терпеть не мог тех, кто пререкается без дела. Вот и сейчас Арапов смерил Крыгина тяжелым взглядом, да так выразительно, что тот ссутулил плечи и замолчал.

Пока струг, рассекая воду, приближался к берегу, Степка прикрыл глаза и вспомнил свою девушку Нюру. Дрожь пробежала по телу, и он не заметил, как выпрямился. Вспомнились вечерние прогулки, нежная болтовня, упреки, шутки, уверения. Степка даже вспомнил, как решился и впервые в жизни поцеловал ее в щечку на прощание. А когда поутру усаживался в струг, то скользнул взглядом по лицам провожающих казаков девушек и увидел Нюру, которая смущенно жалась в сторонку, нервно теребя свою пышную косу. Он простился с нею уже вечером. Теряя смелость от ее огромных серых глаз и робкой улыбки, он спросил: «Не забудешь?» А она серьезно ответила: «Не така я...»

Струги приткнулись к берегу. Казаки живо перемахнули через борты и закрепили их канатами к стволам деревьев. Арапов потянулся, расправил широкие плечи и кивнул прибывшим с ними женщинам: «Харчи стряпайте подальше от воды. Не ровен час...»

Прилетевшая стрела вонзилась в мокрый песок у его ног, своим появлением прервав фразу, так и оставшуюся невысказанной атаманом.

---

² Сиденок – казак до 20 лет.

2

Едва потухли последние отблески заката, как другую сторону небосвода заслонили тяжелые черные тучи. Порывистый ветер в считанные минуты разбросал их по всему небу, и дождь, смешанный со снегом, извергся на землю.

Одинокий всадник остановил коня на окраине Яицка. Дождь усиливался, а ветер крепчал. Струи мутной воды журча обтекали ноги уставшего жеребца, затем собирались в пенистые ручейки, стремящиеся к реке.

На плечах всадника была вымокшая накидка, на голове – шапка, надвинутая низко на глаза. Всем своим видом он походил если не на албасты³, то на байгуша⁴, но никак не на казака, хотя притороченная к боку сабля и камча⁵ в руке говорили об обратном.

Всадник пристально вглядывался в ночную мглу, словно пытался разглядеть кого-то. Но, на беду, ночь была ненастная, небо – темное, а ветер глухо шумел в степи и завывал в ветвях одинокого осокоря над головой казака.

Возвращаясь в Яицк с дальней заимки, он строил смелые планы. В самом радужном из них он видел себя гордо въезжающим на верном Хане в город, лихо спрыгивающим у избы атамана на землю и гоголем идущим мимо девок навстречу раскинувшему для объятий руки атаману.

Но мечты мечтами. Несбыточны они. Не видать ему более до конца дней своих улиц Яицка, так как въезд ему туда заказан. И кто этому виной, понять трудно. То ли племяш Степка, то ли красавица Нюрка, то ли его необузданный вспыльчивый характер, сделавший его в сорок лет изгоем? Да разве только изгоем? Волком степным, гадом постылым. По решению круга любой казак отныне вправе избить его, застрелить или зарубить, если только он посмеет нарушить запрет и приблизится к городу.

Эх, Нюрка! Тварь подколодная! Сгубила его, на корню сгубила. А ведь кто был когда-то?! Первейший казак в Яицке. ГЕРОЙ! Ни одного похода на киргизов не пропустил. Рубился всегда в первых рядах. А сколько ран на теле носит! Не счесть! Но не послужили раны и доблесть былая порукой, когда...

Конь тихо всхрапнул и застриг ушами – верный признак, что к мару⁶ кто-то приближается.

– Тсс... – шепнул он, нагнувшись, коню в ухо и потрепал его по промокнувшей гриве. Но и у самого сердце сжалось от необъяснимой тревоги, а рука легла на рукоять сабли.

– Эй, Никифор, я энто, – прозвучал в темноте знакомый голос брата, и спустя мгновение он, словно из-под земли, вырос у правого стремени. – Слышь-ка, Никифор, зазря приехал-то.

Брат взял его за руку и, пересиливая дождь, закричал:

– Зазря, грю, головушкой рискуешь. Одна она у тя...

– Замолчь, Тимка, – злобно рыкнул на него Никифор. – Че базлашь, сукин ты сын?

– Дык ведь посекут тя. Ей-богу, посекут. – И Тимофей зашептал в ухо склонившемуся к нему брату: – Атаман давеча у избы сказывал, што самолично смахнет башку с тя, ежели...

– Ешо поглядим, – отмахнулся, как от назойливой мухи, Никифор. – Кишка тонка со мною тягаться.

– Дык оне гуртом навалятся, сотней. Никиша, уезжай, Христа ради! Уезжай, прошу...

---

³ Албасты – злой дух.

⁴ Байгуш – нищий кочевник, бедняк.

⁵ Камча – плеть.

⁶ Мар – бугор, курган.

– Да погодь ты, идол! – ругнулся Никифор. – Сказывай, че ешо в курнях бают. Как племяш Степка житует? Как... – Он замялся и после резкого выдоха продолжил: – Нюрка как, лярва проклятушая?

– Погодь малость, дай осмыслию. – Тимофей провел ладонями по лицу и, пожав плечами, сокрушенно вздохнул. – Степка с Васькой Араповым на Сакмару подался. Присмотреться хотят и...

– Плевать! – возбужденно рявкнул Никифор и, спрыгнув с коня, схватил брата за ворот рубахи. – Сказывай об Нюрке. Хде она? Аль с ним подалась?

– Забудь ты ее, Никиша, – без всякой злости, но твердо заговорил Тимофей. – Не твоя она... НЕ ТВОЯ!

– Энто мне разуметь, а не вам! – позабыв про осторожность, взревел Никифор. – Не отступлюсь от нее, покудова ноги ходют.

– Просватана девка за Степку, как не поймешь, – принялся увещевать брата Тимофей. – За сродственника к тому ж...

– Тады пошто он в поход ушел? На Сакмару?

– Атаман Арапов упросил, – спокойно ответил Тимофей.

– Пошто так?

– Люб он ему.

Никифор задумался. Опустив голову, он потрепал по загривку Хана, после чего расправил могучие плечи и дико захохотал:

– Не бывать тому. Слышь, братенька, не бывать! Покудова Степка веслами мозли набиват, я тута. Умыкну девку – и поминай как звали!

– Грех энто, – вздохнул Тимофей.

– А нынче все грехом чтится. Куды ни плюнь, все грех.

– Негоже девку трогать. Сродни ведь Степка нам, фамилию одну носим.

– Мочи нет, Тишка. Не могу я! – Никифор подставил лицо дождю, а Тимофею показалось, что брат даже всхлипнул. – Как узрил ее проклятушую, так и свет померк. Скачу по степи – ее вижу. Глаза закрою, а она предо мной стоит.

– Ой, не к добру се. – Тимофей вновь попытался отговорить брата. – Никиша, опомнись! Всю родню супротив себя обратишь. Я уже не говорю об...

– Вота че... – Никифор положил руку на плечо брата. – Нет у меня ниче боле, акромья Нюрки, понял? Волк я, зверюка без роду и племени. Нет мне возврата в Яицк и к семье тож. А жисть на том ешо не кончатся!

– Че ты удумал, однако? – Тимофей смахнул с лица капли дождя и попытался рассмотреть глаза брата.

– Жисть сызнава зачать хочю, – охотно пояснил тот. – Умыкну Нюрку и на Дон подамся. Таким казакам, как я, завсегда рады хоть на Исети, хоть на Дону!

Затем он встряхнул опустившего голову брата за плечи и, пригнувшись, спросил:

– Подсобишь мне, Тимоха?

Тимофей молчал. По всему было видно, что он рад бы помочь брату, но не в силах решиться на предлагаемое Никифором воровство. Но родственные чувства все же возобладали над разумом, и он обреченно взмахнул рукой:

– На худое ты меня толкашь, брат. Но... так тому и быть – даю согласие.

Никифор, обрадовавшись, обнял брата:

– Ужо базара дождемся, Тимоха. Ужо...

– А не сгубим мы девку-то, брат? – неожиданно засомневался Тимоха. – Не люб ты ей, знамо дело. Затоскует, зачахнет и...

– Стерпится – слюбится, не впервой, – отрезал Никифор, которому не понравились сомнения брата. – Не впервой уже.

– Как знашь. – Тимофей поскучнел и засобираляся уходить. – Токо совет прими, не возбрезгуй.

– Како ешо совет? – насторожился Никифор.

– Никогда боле здесь не объявляйся. Забудь мать, отца, сестер, братьев. Меня тож забудь.

– А жить-то как тады?

– Как знашь!

– Добро. – Никифор тряхнул головой и с яростью сжал рукоять сабли. – Ну так че, теперя ты выслухаешь мя?

– Завсегда. Стало быть, на роду мне писано руки загадить. Слухаю тебя, брат...

3

Нюра Батурина стояла у реки и с грустью смотрела на мутную воду. Раньше она любила теплый чистый Яик. Еще бы, она выросла на реке – полноводной, стремительной и неповторимой своей захватывающей красотой. Девушке нравилось ходить босиком по воде и, нагибаясь, трогать крохотные волны, монотонно набегающие на берег. Руки чувствовали мягкую свежесть воды, а глаза восторженно наблюдали за солнечными бликами, за сказочной игрой красок. Но сегодня...

Придерживая рукой туго заплетенную светло-русую косу, Нюра отвернулась от реки и не спеша пошла в городок. Сегодня она ненавидела Яик, его весенние черные воды. Конечно, девушка понимала, что река вообще-то ни при чем, а расставание с милым неечно. Но сколько оно продлится, Нюра не знала, и от этого тоскующему сердцу не становилось легче.

– Нюра, Нюрка, хде тебя леший носит?

Подняв глаза, девушка увидела бегущего навстречу братишку Гришку. Ее грустное лицо стало тревожным и виноватым.

– Че, опять маме худо?

– Падучая... опять падучая корежит, – испуганно объяснил мальчонка. – Лицо эко небо перед дождем, а глаза...

Не найдя подходящих слов, Гришка соединил большие и указательные пальцы обеих рук и выпалил:

– Во-о-о какие!

Схватив мальчика за худенькую руку, она поспешила в курень, который, к счастью, находился недалеко от реки.

Семья Батуриных много лет проживала в Яицке. Сколько точно, Нюра не знала. Да и не интересовали ее такие мелочи. Жили безбедно, да и не богато. Словом, как подавляющая часть населения городка. Отец и старшие братья Иван и Василий большую часть жизни проводили в седле, участвуя в бесконечных походах. А вся тяжесть забот о хозяйстве прочно лежала на плечах матери, сестер и ее, Нюриных.

В общем-то девушка не сетовала на судьбу. Такова доля всех жен, матерей и сестер казаков. И с этим никто не спорил. Со старины повелось, что каждому свое. Но вот беда: последний год мать подкосила неизлечимая болезнь, которая с каждым днем вытягивала из нее жизненные силы. Скорее бы отец с братьями вернулись из похода. Нюра боялась, что они не успеют застать мать живой. А тут еще Степка уплыл с Араповым куда-то в верховья Яика. О Господи, как ей его сейчас не хватает!

Когда девушка вбежала в горницу, мать сидела на скамье и безучастно смотрела на образа. Цвет ее лица уже не напоминал собою небо перед грозой, но нездоровый желтый оттенок на впалых щеках говорил, что радоваться нечему. Нюра и вошедшая за ней следом сестра Маша осторожно уложили обессиленную женщину на скамью, укрыли одеялом и, присев у изголовья, терпеливо дождались, когда мать заснет.

Затем сестры вышли из хаты и расположились на завалинке, спрятавшись от ярких лучей солнца под раскидистыми ветвями осокоря.

Первой заговорила Нюра. Она покосилась на пасмурное лицо сестры и тихо сказала:

– Мама шибко хворает. Боюсь я, Маня, што она...

– Скорее бы отмаялась, сердешная. – Маша тяжело вздохнула и окинула безразличным взглядом подворье. – Не жисть энто. Кому падучая прилипнет, лекарь сказывал, знать, пора собираться.

– Куды собираться-то? – не поняла Нюра.

– Знамо куды, душою в небеса, а телом в землю. Нас уж соседи сторонятся: заразиться хворью черной пужаются.

– А Севастьян твой эдак же думат?

При упоминании о муже Мария поджала губы и обиженно сказала:

– Об чем говоришь-то, глупая. Ево как по голове саблей кыргызы оховячили, так вон боле не думат. Ладно хоть руки-ноги целы и к хозяйству охоч.

Сестры помолчали. Мария сокрушенно вздохнула и посмотрела на плетень:

– Не лежала у мя душа к нему. Хоть пропади! А теперь и боле. Калека ведь...

Нюра заерзала на завалинке. Ей не нравилось, когда сестра плохо отзывалась о своем муже Севастьяне, тихом и безобидном казаке. Желая сгладить тягостное впечатление от ее слов, она покосилась на Машу и сказала:

– Да будя ты, будя. Ну, чем Севастьян те не муж? И любит, и по хозяйству все справно ладит.

– А глаз мой на нево не глядит! – отрезала сестра и резво поднялась с завалинки. – Пойду я, пожалуй. Ты за матушкой приглядывай да не забудь, што завтра базар. Подем на народ поглазеем да себя покажем.

Проводив Машу полным сожаления взглядом, Нюра съезжилась от появившегося вдруг нехорошего предчувствия. Предложение сестры сходить на базар она почему-то встретила не с прежним восторгом, как раньше. Ей не хотелось отлучаться от больной матери, но...

Неожиданно она вспомнила Степку, его румяное несколько удивленное лицо, которое всегда сияло при их встрече. На лице юноши отражалась та неподдельная доброта, которая волновала девушку, заставляя то краснеть, то бледнеть, испытывая состояние невыразимого счастья. Все его братья пали в походах, мать едва не сошла с ума.

Нюра вспомнила его дядю Никифора, и на ее лицо легла тень. Этот огромный казак пугал ее. Особенно она боялась его с того памятного дня, когда он настиг девушку на улице и, обдав перегаром, пытался поцеловать. В те ужасные минуты он напоминал собою страшного оборотня, а его звериная сила... Он едва не забил до смерти свою жену Груню, которая, к счастью Нюры и своему несчастью, оказалась рядом и попыталась оттащить ополоумевшего Никифора. В порыве дикой злобы он швырнул Груню на землю и пинал до тех пор, пока не подоспел атаман Меркурьев с десятком казаков. Нюра помнила суд над дебоширом, его прилюдную порку на майдане и позорное изгнание из городка.

Никифор все перенес молча. А когда его, униженного и опозоренного, выводили за ворота городка, он как-то пристально посмотрел на нее, жутко ухмыльнулся и, вскочив на коня, исчез в степи. Казак уехал, а страх не покидал девушку. Она чувствовала, что он еще объявится, и ждала этого дня, как что-то неотвратимое и пугающее.

– Не ходы завтра на базар, дочка. Манька пущай себе идет, а ты не.

Мать, покачиваясь, вяло вышла на крыльцо, подошла к Нюре и тяжело опустила на завалинку рядом с нею. Медленно повернув голову, посмотрела на девушку проницательным, изучающим взглядом.

– Делом займись, но не ходы.

Нюра ничего не ответила. Она лишь со страхом посмотрела на мать и осторожно взяла ее за руку. Измученная болезнью женщина привалилась к стене хаты и устало прикрыла глаза:

– Привиделось мне давеча во сне, што худо те придется, Нюра. Степняков стан видела. Ты средь них. О, горе... горе горькое! Тяжелая жизнь тебя ждет, доченька. Много лиха повидашь на своем пути, о, горе!

Из распахнувшейся двери амбара показалась коротко остриженная голова Гришки. Мальчик вышел с бледным лицом. Он со страхом смотрел на мать – сморщенную и беспомощную.

– Мама, – прошептала девушка, – иды в хату.

Она поцеловала мать в покрытый каплями пота лоб и, вскочив с завалинки, нежно обняла ее:

– Отдохни, слаба ты ешо.

Бережно поддерживая мать, Нюра завела ее в дом и усадила на скамью. Девушка едва не расплакалась, проведя ладонью по ее трясущейся голове. Поправив постель и подушку, она уложила мать на постель и привычно села у изголовья.

– Нюрка, не выходы завтра из хаты.

Девушка прослезилась, глядя на мать, маленькую, слабую, лишенную всех сил, кроме силы своего убеждения.

– Христом Богом прошу!

Нюра провела платком по взмокшему лицу матери и ласково сказала:

– С тобой я останусь, мама.

– Нет, ты пойдешь. Ведаю я! – Мать неожиданно резко села, затряслась в бессильной злобе и истерично закричала: – Все... все мне ведомо! Сон вещей был мне. Ты... ты...

Она взмахнула тощей ручкой с набухшими жилами:

– Не пушшу... не...

Обессилев, опрокинулась на подушку и захныкала:

– Господи, дозволь помереть-то спокойно!

Слезы ручьями стекали по щекам Нюры, наблюдавшей за этой душераздирающей сценой, но она молчала. Девушка испугалась: она никогда не видела мать такой. Опустившись перед ней на колени, Нюра уткнула лицо в подушку и громко по-детски разревелась.

Вбежавший в горницу Гришка замер, беспокойно вращая глазенками. А Нюра продолжала рыдать и только повторяла с отчаянием: «Я такая несчастная... Такая несчастная, Господи!...»

4

Подкрепившись, казаки и их жены расположились на ночлег. Атаман Арапов расставил сторожевые посты, а сам присел у костра и принялся внимательно изучать стрелу. Степка долго наблюдал за ним со своей лежанки, но сон не шел, и он решил поразмышлять. О чем? Конечно, ему хотелось вспомнить Нюру. Особенно их последний вечер, когда он впервые поцеловал ее. Был бы рядом отец – несдобровать. Головы бы не снес, а вот камчой бы приголубил на славу. Он что саблей, что плетью – все едино владеет знатно.

Вспомнив разгневанное лицо отца, разом затмившее милый образ Нюры, Степка вздохнул и потянулся. Это не укрылось от внимательных глаз атамана. Глядя на костер и не оборачиваясь, он усмехнулся и сказал:

– Пошто зенки-то пялишь? Аль замерз?

– Сна нету, – посетовал Степка, после чего поднялся и приблизился к костру. – Хоть глаз коли. Нынче так умаялся на веслах, думал, крепше медведя зимой дрыхнуть буду. А вишь на деле-то как? Вот и пойми тут.

– Будя брехать. – Арапов посмотрел на юного казака. – Поди вызнать че удумал? Твое мушло мне што Библия. Чту по нему без напряга особлиово.

– А ведь твоя правда, батько.

Степка уселся рядом, пытаясь понять, как это атаман смог догадаться о его желании. Неужели и вправду на лице что написано?

– Кыргызов стрела. – Арапов с отвращением швырнул ее в костер. – Неймется степнякам. Все нас на прочность сведают.

– А мы их сдюжим, коли навалятся? – спросил Степка. – Их же тьма, а нас?

– А нас тышша! – Атаман сжал кулаки и недобро покосился в сторону реки. – С нами грамота государыни и Сената. А энто посильней любой тышши будет! И ешо... Мы не воровать идем, а свое отделять от чужово! Вот крепостицу воздвигнем, и зараз степняки образумятся.

– Правда твоя, батько, – глядя на костер, хмыкнул Степка. – Посмотреть бы вот на государыню. Какова она?

– Баба как баба. – Арапов пожал плечами. – Да и видал я ее издалече.

– На наших казачек похожа? – спросил Степка.

– А хто ее знат? Издалече нет. Да и на бабу она мало похожа. Чисто ангел с крылами!

Во как!

– А челобитню-то как ты ей всучил, батько? Небось ни в каку брать не хотела?

– Для како ляду государыне белы ручки о наши челобитни пачкать? Для тово ейных слуг навалом. Слыхал я вот, гутарили, што один то подает, другой – энто... Тышши их там, во дворце-то, и все при деле!

– А челобитню хто взял? – не унимался Степка. – Слуга аль генерал какой? Слух ходил, што генералов ешо более слуг при государыне.

– Про то не ведаю. – Арапов поворошил палкой костер и после короткой паузы вдруг заявил: – Чую, што слуг, што генералов число великое!

– Ужель так много? – округлил глаза Степка.

– На них держава держится, – со знанием дела пояснил атаман.

Некоторое время они сидели молча, глядя на костер и думая каждый о своем. Но вскоре Степка отвел взгляд от пылающих жаром углей и спросил:

– Дык хто же челобитню принял, батько?

– Сенат! – охотно ответил Арапов. – Энто значит высочайшее повелительство, што при империагрице содержится! Подали мы в Сенат челобитню, значит, в коей нижайше попросили позволения построить крепостицу на реке Сакмаре, дабы защитить русские земли от воровов-кочевников. Сенат добро дал. Государыня тоже. А Военная коллегия, што при Сенате содержится, выдала пять пушек чугунных да ядра и порох к ним. И мало того, дали деньги прогонные, штоб водным путем довести пушки сеи до Яицка!

– Энто которы у нас в стругах?

– Оне самые. Как пальнем, степняки за сотни верст ускачат. Кони у них добрые, а вот храбрости маловато.

Почувствовав потребность во сне, Степка встал и потянулся. Но прежде чем вернуться на свою лежанку, спросил:

– Много ль ешо вверх по Сакмаре взбираться будем, батько?

– На правый берег переплыть осталось, – удивил его своим ответом атаман. – Стосковались по делу, погляжу? Ну ниче, ужо с утречка кручиниться и тосковать не придется!

5

Управившись по хозяйству, Нюра вошла в горницу. Увидев, что мать не спит, а пристально смотрит на нее, она приблизилась, села на грубо тесанный пол и обхватила колени руками.

– Вот вишь, с тобой я! Пушай себе Манька с Валькой на базар идут.

– Не уйти те от лиходеев, доченька, – тихо сказала мать и прикрыла веками глаза. – На роду те начертано из гнезда выпорхнуть, птичка моя. Нынче...

– Я не пойду на базар, как есть не пойду. – Нюра встала на колени и осторожно коснулась лицом впалой груди матери. – Неча мне там делать.

– От беды не схоронишься. – Мать тяжело вздохнула и провела ладонью по голове дочери. – Нынче я энтот же самый сон окаянный видела. Везут тя степняки поперек седла арканами опутанную. А коса... Дык она по земле волочится прямо под копытом коня...

– Ну, будя же, мама. – Нюра посмотрела в глаза матери. Увидев слезы, она смутилась, но быстро взяла себя в руки и зашептала: – Неушто степняки меня из Яицка умыкнут? Они за много верст наши симы⁷ обходят!

– Чую, умыкнут тя не степняки, дочка. – Руки матери сжались в кулаки. – Сабарман⁸, казак воровской. Он тебя увезет из Яицка. Зрила я ево нынче ночью, да вот лица не разобрала. Огромен, как мавр. Ликом черен, как албасты⁹. Он... он...

Лицо несчастной женщины почернело, а тело залихорадило. Губы свело судорогой, а в уголках рта появилась пена.

– Гринька, Гринька, – Нюра выбежала на крыльцо и отыскала глазами братишку, который в компании таких же, как и он, мальцов чинил плетень у ворот, – маме худо, Гринька. К лекарю... к еврею беги, Гринька. Сыщи ево, сыщи немедля!

Вернувшись в горницу, Нюра обмерла. Бедная женщина лежала на полу, ее тело напрягалось и вытягивалось. Ужасные судороги сотрясали его. Челюсти сжались, закусив покрасневший кончик языка, а лицо приняло иссиня-черный оттенок.

Когда девушка пришла в себя и поспешила на помощь матери, та уже билась головой и телом об пол, причиняя себе сильные повреждения. При этом пеннистая слюна обильно вытекала из уголков рта, смешиваясь с кровью из прокушенного языка.

– О Хосподи, мама...

Вспомнив советы лекаря, который однажды уже учил ее, как поступать во время приступов, Нюра метнулась в сени, схватила ложку и вернулась в горницу. Оседлав тело матери, которое все еще корежил припадок, она с силой разжала ее рот и вставила между зубов ложку. Затем прижала к себе голову, сохраняя ее от ударов, от попадания слюны в дыхательные пути и западения языка. Нюра знала, что припадок продлится недолго, хотя в последнее время они стали затяжными. Требовалось всего-то ничего – спасти мать от увечий.

Лекарь пришел на удивление быстро. Он справился с припадком и с помощью Нюры уложил заснувшую женщину в постель. Покопавшись в своем саквояже, недовольно пощелкал языком и сказал:

– Эка досада, лекарство забыл.

Несколько минут он о чем-то думал, нервно барабанил пальцами по колену. Затем выразительно посмотрел на притихшую Нюру и сказал:

– Сходи-ка ко мне, краса-девица, и принеси склянку, што я в спешке оставил на столе.

---

⁷ Сими – загородка из тонких прутьев тальника, воткнутых в землю на пограничных линиях.

⁸ Сабарман – разбойник.

⁹ Албасты – злой дух.

– Не можно мне, – отрицательно замотала головой девушка, покосившись на мать и вспомнив ее ужасные пророчества.

– А я говорю, сходи, – настоятельно потребовал лекарь. – Черная немочь¹⁰ – страшная болезнь. Если твоя мать не выпьет сейчас лекарство, она может преставиться.

– Помереть? – прошептала девушка, и в ее глазах мелькнул испуг.

– Да.

– Может, Гриньку послать?

– Нет. – Лекарь хмуρο посмотрел на застывшего в дверях мальчика. – Мал ешо. Обронит склянку по пути, и все. Пока я другой настой приготовлю...

Глядя на него, Нюра вдруг поняла, что ей не отвертеться. Хочешь не хочешь, а надо вставать и идти. А те страхи, о которых предупреждала мать, могли ей просто привидеться. Мало ли что увидит во сне больная женщина...

Выслушав необходимые разъяснения, девушка вышла на улицу и поспешила к дому лекаря, который находился недалеко, но... Но в самый раз у базара, приближаться к которому она не хотела. Решив как можно меньше попадаться на глаза прохожим, Нюра шла задрами, забредая иногда в жидкий навоз, или осторожно пробиралась мимо обычных в таких местах густых зарослей крапивы.

Довольно быстро дошагав до ворот свежевыбеленного дома еврея, она бросила в сторону майдана испуганный взгляд, но не заметила притаившегося за плетнем соседнего куреня казака, который, увидев ее лицо, вскочил на коня и натянул поводья.

6

Как только переплывший реку струг ткнулся носом в берег, Василий Арапов первым прыгнул на землю и осмотрелся. Место, которое он облюбовал еще вчера вечером с противоположного берега, радовало глаз. Ему доводилось и раньше проезжать по этим местам, но сейчас...

Атаман зачарованно смотрел на волнующую душу красоту выбранного скорее не умом, а сердцем места.

Арапов присел и с несвойственной ему нежностью провел рукой по шелковистым седым былинкам невянущего ковыля. Потрогал цветущую мелкими желтыми цветочками чилигу и осторожно коснулся пальцами травы повитель. Колючая ежевика, буйный хмель, виноград-терновник, щавель... И еще превеликое множество растений уютно соседствовало на обогретой солнцем весенней поляне, которая, в свою очередь, граничила с лесом, разросшимся непроходимыми чащами справа и слева от нее.

Вот где раздолье животине, которую можно разводить в огромных количествах. Места для пастбищ хватит всем: овцам и коням, коровам, быкам и...

Атаман отошел немного и остановился там, где лес граничил с поляной. Кудрявые ветлы, старые осокори и высокие стройные осины. Они росли так густо, что ветви их переплелись, а могучие стволы едва не касались друг друга. Щебет птиц, которые неисчислимыми стаями селились на ветках, в сочетании с ароматом цветущих растений, дурманил и пьянил почище самого хмельного зелья и не нес за собою тяжелого похмелья.

– Че делать-то будем, батько? – спросил подошедший сзади Гаврила Крыгин.

Арапову стоило больших трудов оторваться от видимого великолепия и ответить казаку:

– Гляди, красотища-то какая, Гаврила! Разве можно ее сравнить со степью округ Яицка? Крыгин снял с головы картуз и озабоченно почесал всклокоченный затылок:

---

¹⁰ Черная немочь – народное название эпилепсии.

– Дык как казать... Я вона смекаю, што кочевники-кыргызцы нам энту землицу зараз не отдадут.

– Эка беда... У мя на всяческий курьез грамотка в струге запасена! Случай че...

– Батько, – от берега прибежал возбужденный Степка и протянул атаману стрелу. – В аккурат в струг вдарила. Агафье Рябовой чутя в спину не угодила!

– Степняки о себе напоминают. – Арапов сломал стрелу и с потемневшим лицом швырнул ее в сторону. – Испужать нас пыжатыся, да не выйдет!

– Сумлеваюсь я. – Крыгин присел и выбрал из травы обломки стрелы. – Кабы пужали, дык кого-нибудь из нас порешили!

– А ты не сумлевайся.

Арапов резким ударом выбил из рук казака обломки и быстро пошагал к берегу. Степке и Гавриле ничего не оставалось, как поспешить вслед за ним. Остановившись у покачиваемых водой стругов, атаман поманил пальцем Степку и спросил:

– Кажи, куда причыпылась?

– Во сюды. – Парень указал на дырку в правом борту. – Умаялся, пока выдирал энту холеру из бочины.

Арапов посмотрел на дырку, потрогал ее, после чего развернулся и, не скрывая раздражения, посмотрел на прибрежные кусты:

– Теперь ведомо, откель принесла ее нелегкая.

– Откель? – спросил подошедший Данила Осипов.

– Из чыпыжника, – покосившись на задумавшегося атамана, ответил Степка. – Степняк умеет таиться. А в степи он, почитай, за былинкой укроется.

– Энто тебе не взвар на похоронах хлебать, бляшечки, – вставил едко Крыгин и еле успел увернуться от крепкого кулака, каковым его не замедлил угостить Осипов. Но дело до потасовки не дошло. Арапов окинул готовых ринуться друг на друга казаков суровым взглядом и грозно предупредил: «Ухайдакаю обоих, ежели хвосты не подожмете!» Урезонив таким образом мужиков, атаман решил загрузить всех работой, да так, чтобы они чувствовали ответственность за дело, ради которого прибыли на этот удивительный сакмарский берег. А работы было, почитай, через край, но перво-наперво...

– Агафья и Степанида, – обратился он к притихшим казачкам, – ну чево раскурынились? Берите детей и айда хворост собирать. Все остальные... – он многозначительно посмотрел на Акулину Бочкову, Марфу Вороньежеву, Марию Осипову, Пелагею Санкову и Устину Крыгину, – остальным кашеварить да за порядком следить.

Затем перевел взгляд и на ожидавшихся своей очереди казаков:

– Степка с Данилой да Степаном – к реке за рыбой.

– А нам по грибы? – с злобой в голосе осведомился Крыгин.

– Настанет и твой черед! – нахмурился атаман, после чего обратился к Куракину Гурьяну: – Поди с Нечаем и Аверьяном до лесу и пометь стволы для валки. А ты... – он повернулся к Нестору Вороньежеву, – ты с Петром и Гаврилой вытащите из воды и подлатайте струги.

– А сам чем займешься, Василий Евдокимович? – хохотнула самая молодая из казачек Степанида Куракина.

– Не боись, без дела не останусь. Пойду вона на овраги погляжу. Разуметь следует, где крепостицу ставить, а хде и куреня ляпать!

* * *

«Прими нас, земля Сакмарская! Мы будем заботиться о тебе, холить и лелеять. Мы будем любить тебя, уважать и оберегать. Мы будем бережно относиться к девственной красоте

твоей», – думал Василий Арапов, в одиночестве прогуливаясь по поляне, которую выбрал под строительство крепости и городка. Именно городка, а не станицы или форпоста. Он ликовал. Пока все складывалось удачно.

Атаман остановился на середине поляны, вдохнул полной грудью аромат цветущей травы и, закрыв глаза, сел, вспоминая, каких трудов ему стоило убедить войскового атамана Меркурьева в необходимости кордона от степняков. Много на это усилий положил, да не напрасно.

Облюбовал он место вблизи устья Сакмары, еще возвращаясь из похода, и рассказал про это атаману Яицкого войска Меркурьеву. Тот, конечно, долго сомневался, думал и, не желая брать на себя никаких обязательств, отправил его в Петербург для получения высочайшего разрешения на строительство крепости Сакмарской.

Пришел он в Сенат, так, мол, и так, прошу вашего позволения мне и другим казакам, которые желают быть на границе, на заставах по Яику, на реке Сакмаре близ башкир, земли тамошние освоить. Нет жизни от набегов степняков. Иные перелезают в Россею, набег и разорение чинят. Ходят неприятельские каракалпаки да киргиз-кайсаки. Вот посему, дескать, и прошу дозволения поселение иметь да крепость построить. Крепкие караулы держать на земле Сакмарской, а также иметь желаем для оных неприятностей пушки, да ядра к ним, да пороха...

Случилось неожиданное. Сенат без обычных проволочек разрешает строительство крепости, а Военная коллегия дает целых пять пушек, ядра и порох к ним. И мало того, дали прогонные деньги, дабы водным путем довести пушки эти до Яицка, купив или арендовав судно!

А как вернулся он в Яицк, показал Меркурьеву царицыну грамоту да пушки показал, атаман кликнуть круг велел и довел всем казакам яицким высочайшую волю государыни.

Мало казаков нашлось, пожелавших покинуть насиженные места и обживать дикие берега Сакмары. Всего-то десять таковых сыскалось, которые вместе с семьями погрузились в струги и пошли с ним вместе по реке.

Всех их знал Арапов, а вот благоволил не к каждому. Особенно не мог положиться он на злобного склочника и забияку Гаврилу Крыгина. Пустомеля и брех. И сабелькой помахать охоч, но всегда не против того, на кого надо бы. Зато в походах на степняков особой доблестью не отличался. Если б не жена его Устина, не взял бы с собой этого лиходея, который, пока жил в Яицке, перессорился, поди, со всеми его жителями.

А вот Данила Осипов умен и степенен. Смел, но и рассудителен. Такой помощник ему сгодится. Он не поперет на рожон очертя голову, а подумает и вдарит так, что всем чертям тошно станет. Хоть и не молод годами, но бодр и крепок. Трудолюбив, что тоже очень важно в предпринятом начинании.

Что касается Нечая Санкова, вот тут-то и закрадывалась мысль о его благонадежности. Скрытен, хитер, едок. Да и жена его Пелагея как не от мира сего. Они и в Яицке обособленно жили. Правда, не мешали никому, да и их никто не замечал. Живут себе и пускай живут.

Подумав о Гурьяне Куракине, Арапов улыбнулся. Люб был ему этот огромный казак с наивным лицом ребенка – самый рослый, сильный, честный и веселый человек в Яицке. Работал всегда за шестерых. Тело у него – как ствол дуба, руки – прямо-таки медвежьи лапы, ноги – как столбы, волосы – что осенний степной ковыль, лицо свежее, черты правильные, глаза ласковые и голубые, как ясное весеннее небо.

Врагов у него не было. Атаман как ни старался, так и не вспомнил таковых. А еще больше он удивился тому, что казак изъявил желание идти с ним на Сакмару. Единственный сын у родителей, если не считать еще восьми сестер, он выказал удивительное упорство, когда на уговоры остаться твердил: «Все одно поеду! Не возьмешь, атаман, вслед на бударе приплыву!»

Пришлось взять, а куда деваться-то. Но тайная радость по этому поводу была превыше всего.

Красавицу жену Гурьян взял с собой. Может, она и не хотела ехать на Сакмару, но очень опасалась оставлять своего милого без надлежащего присмотра. Ах, если б...

Арапов вспомнил лицо Степки Погадаева, и на душе сделалось тепло. Даже жарко, как в бане! Этого казачка он любил как сына. Гибок, как девушка, смьшлен и проворен. Цепкий ум жаждал знаний. А доброта, она таки была прямо написана на красивом лице Степки. Молодой казак был сродни ему по матери, которая доводилась сестрой бывшей жене его Марфе. Не сложилась жизнь у самого, вот он и положил всю любовь свою нерастраченную на племяша. И сразу согласился взять его с собой на Сакмару, как только казачок попросил об этом.

Об остальных казаках, пожелавших разделить с ним все тяготы освоения новых мест, Арапов знал поскольку-постольку. Согласились ехать – и слава богу. С семьями – тоже хорошо. Казак без семьи может долго жить, но не всегда – не до конца жизни. А на Сакмару добирались они не на один день, а на...

Третья стрела вонзилась у ног, и атаман быстро откатился в сторону, ожидая следующей. При этом он выхватил из-за пояса пистолет и, угадав направление, прицелился. Нет, он не собирался палить наугад. Арапов затаился и ждал, когда появится враг, который затеял с ним непонятную игру.

Но враг не появлялся. Он, видимо, тоже ждал чего-нибудь или же спокойно ушел знакомыми лесными тропами. Выждав некоторое время, Василий встал и, держа пистолет на изготовку, попятился в направлении берега реки. Таким образом он преодолел половину расстояния, отделявшего его от Сакмары, а когда собрался было разрядить пистолет, кусты в нескольких шагах от него раздвинулись, и на поляну выехал всадник.

Кто он? Угадать было трудно. Кочевники – башкиры, каракалпаки, киргизы – были в основном похожи друг на друга.

Арапов остановился. Он держал пистолет наготове, но предпочел не целиться в сторону всадника, не зная, с какой целью тот приехал. Степняк тоже не проявлял признаков вражды, а спокойно сидел не шевелясь на коне и пристально смотрел на атамана. На его каменном лице не дрогнул ни один мускул, а руки спокойно покоились на луке седла. Арапову представился хороший случай рассмотреть возможного противника и попытаться отгадать причину его загадочного появления.

Малорослый степняк, как влитой, сидел на черном приземистом коне. Одет он был в коричневую шубу мехом наружу, под которой угадывалась кольчуга. К седлу были приторочены саадак¹¹ и лук. Черт его лица под мохнатой лисьей шапкой разобрать было невозможно, только сверкали глаза и блестели зубы.

Арапов прикинул разделяющее их расстояние и подумал, что застрелит его сразу, если тот...

Степняк пришпорил коня, натянул узду и спустя мгновение растворился в кустах. Атаман недоумевающе обернулся и, увидев спешащих к нему на выручку казаков, сразу понял причину отъезда незваного гостя.

7

Вскочив на коня, Тимофей Погадаев натянул на глаза картуз и приготовился. Он ждал. С младшим братом Петром они долго ходили по переполненному людьми базару в надежде отыскать Нюру, но девушки там так и не увидели. Значит, дома осталась, почувствовав неладное. Вспомнив Никифора и данное ему обещание привезти девушку, казак досадливо поморщился и решил проскакать по улочкам городка, всецело полагаясь на удачу. Младшего брательника Петра он отправил к реке, так как знал, что Нюрка любит прогуливаться у Яика одна, а сам решил проехать мимо ее куреня и поглядеть, не дома ли она.

---

¹¹ Саадак – чехол на лук, обычно кожаный, тисненый, нередко убранный серебром или золотом.

Еще издали Тимофей увидел ее у калитки дома лекаря-еврея и соскочил с коня. Ворovski прячась за плетнем, внимательно осмотрел пустую улицу, после чего с тяжелым сердцем принял решение. А когда девушка вышла со двора, он во весь опор помчался по улице, подхватил ее под руки и был таков.

Остановив коня на обговоренном заранее с Никифором месте, казак потрепал по загривку едва держащееся на ногах животное, после чего не раздумывая свалил бесчувственное тело Нюры на руки подоспевшего брата. При этом он так посмотрел на Никифора, что тот в ужасе попятился и едва не выронил из рук девушку. Тимофей соскочил с коня и вплотную приблизился к брату, который успел уложить Нюру на траву и выпрямился, с беспокойством глядя в его лицо:

– Б-благодарствую...

– Ты што удумал? – нахмутив брови, прорычал он переполняемым ненавистью голосом.

– Не твою ума дело, – вспылив, бросил ответно Никифор.

– Не хайли, а ответ держи по совести.

– Иш ты праведник сыскался...

Тимофей увидел, что Никифор смотрит на его шею, да так, словно собирается рубануть по ней саблей. Покатилась бы она по траве тыковкой и...

– Твой лик злодейский не обещат ничего хорошего.

– Иш ты, а твой? Аль я девку посреди бела дня из городка умыкнул? – Никифор плотоядно улыбнулся. – Мож, тоже глаз на Нюрку положил?

– Поди прочь! – заорал негодующе Тимофей и схватился за саблю. – Ешо у Яицка угляжу – сам башку смахну не жалеючи!

– Пошто ты так, брат? – впервые видя обычно спокойного Тимофея таким разъяренным, отступил назад Никифор. – Аль ополоумел? Разве ты думаешь, что я отрекаюсь от уговора, брат?

– Пес ты безродный, а не брат мне! – Тимофей плюнул у ног опешившего Никифора и сжал рукоять сабли. – И язык твой песий, што уговорил мя на... – Он осекся, брезгливо поморщился, после чего резко развернулся и пошагал к коню, который, отдыхая, щипал траву.

– А ну, погодь. – Никифор грубо ухватил брата за ворот одежды и с силой повернул его к себе. – Пошто ты так мя обляял, поганец?

Казак молчали, раздувая ноздри и злобно глядя друг другу в глаза. От волнения и злости они не могли выговорить ни слова.

– Мы, Погадаевы, завсегда жили по совести. Женок не бросали, девок не воровали, а ты... Хосподи, но для че я помог этому нехристю, идолу каянному?

– Энто я-то идол? – Никифор выхватил саблю и принял угрожающую позу. Его прищуренные глаза пылали адским огнем. – Энто я-то...

Тимофей ничего не ответил, сдержался, лишь с презрительной ухмылкой пошел к коню. Взяв левой рукой узду и вставив левую ногу в стремя, он оттолкнулся правой от земли и...

– Сам ты гад ползучий, – прохрипел Никифор, сорвав пук травы и вытерев окровавленный клинок. – Я те...

С ненавистью отшвырнув голову Тимофея, он взял под уздцы его коня и, перешагнув бездыханное тело, пошел к кустам, где оставил Нюру.

8

Обустройство стана начали с того, что расставили вдоль берега полукругом шатры. Затем наскоро обнесли стан частоколом и укрепили пушками. Да-да, теми самыми, которые Арапов привез с собою из Петербурга в Яицк. Степняки больше не появлялись. Может быть, они и

наблюдали за казаками издали, но ничем не выдавали своего присутствия и весточек в виде стрел не присылали.

Привыкшие терпеливо сносить все тяготы жизни казаки и казачки спокойно относились к своему быту. Мужчины ловили и засаливали рыбу, охотились, а женщины, естественно, занимались своими делами. Лишь атаман несколько дней подряд бродил по поляне как неприкаянный, но всем было известно, что он отводит места для стен будущей крепости и под курени, в которых предстоит жить поселенцам.

На первом месте, конечно же, стояла крепость. И это понимали все. Но чтобы ее построить, требовались время и люди. Времени, конечно же, было достаточно, а вот строителей явно не хватало. Но казаков и Арапова мало смущала такая мелочь, и они рассчитывали только на свои силы. Зимовать решено было в землянках, которые собирались выкопать ближе к осени, а все силы наступившим летом решено было отдать на заготовку леса для строительства.

Через неделю после приезда Арапов вооружил казаков топорами и пилами, и они пошли в лес, переполняемые желанием и решимостью. Деревья, обреченные на сруб, были помечены заранее, потому казаки разбились на две группы. Гаврилу Крыгина, который прикинулся хворым, решено было оставить в лагере. Изобличать его Арапов не собирался и, лишь махнув рукой, приказал помогать женщинам по хозяйству.

Взяв с собою Осипова Данилу, Рябова Степана и Санкова Нечая, атаман ушел в лес, который разросся слева от поляны. А Степка, Куракин Гурьян, Аверьян, Петр и Нестор вошли справа.

– Валите лесину тама, – указал Гурьян мужикам на пригорок с огромными осинами.

– А мы што, ешо куды подем? – удивился Степка.

– Шас сокоря валить будем, – с улыбкой ответил Куракин и подтолкнул парня в спину. – Шевели оглоблями, а то замерзнешь.

Степка умаялся быстро. Аккурат сразу, как только они с Гурьяном срезали третье дерево. Но он не сдавался. Пыхтя и отдуваясь, изо всех сил старался не уступать великану Куракину, да куда там. Гурьян пилил вековые стволы, как соломинки, со спокойной улыбочкой на лице, и казалось, что он занимается не тяжелым трудом, а нежно поглаживает жену.

После того как шестое по счету дерево, ломая сучья, повалилось на землю, Степка устало присел на пень, смахнул пот с лица и, глянув на цветущего улыбкой неумолимого Куракина, объявил:

– Все! Што хошь со мной делай, но более я не сдую!

– Пошто так? – искренне удивился Гурьян, который вряд ли знал, что такое усталость.

– В руках немочь. – И Степка показал ему ладони, успевшие покрыться пузырями мозолей. – За тобой лиходеем разве поспеешь?

– Тады сучья шелкай.

Куракин прислонил пилу к стволу сваленного только что дерева и взял в руки топор:

– Я тута, недалече буду. Коль што, подходи.

Он решительно шагнул в чащу и сразу исчез из вида, словно и не стоял только что рядом. Казачок с обреченным видом взял свой топор, поплевал на ладони и, замахнувшись на ближайшую ветку поверженного осокоря, замер. То, что увидел Степка, пронзило его, как молнией, от головы до пят, да так...

Древний старик стоял по другую сторону ствола и сквозь ветки смотрел на него каким-то странным взглядом. Погадаев оробел, как будто видел не немощного человека, а трехгодовалого медведя. А было чего испугаться! Старик был как не от мира сего. Мал ростом, худ, сед как лунь, а борода... Белая как снег борода едва не касалась земли. Увидев медведя, Степка, конечно, испытал бы страх, но не такой, какой он испытывал, глядя на старика. Мистический ужас обуял душу, а крик застрял в горле, моментально пересохшем. Парень слышал стук топора, но не мог позвать Куракина на помощь, хотя Гурьян был совсем близко.

– Хосподи, изыди, – прошептал он сведенным судорогой ртом, не слыша сказанных слов. А старик как-то осуждающе покачал головой, погладил сухонькой ручкой ствол поваленного дерева и нежно, как женщину, обнял ствол другого, еще не спиленного.

– Пропади, изыди. – Степка выронил топор и стал остервенело креститься. – Растворись, лешак, чур меня.

Но старик не исчезал. Он смотрел на Степку с ярко выраженным интересом и, возможно, улыбался, так как губ его не было видно из-за пышных белых усов и бороды. Видя, что молитвы на странного старика не действуют, Степка быстро присел, подхватил топор, а когда выпрямился, то уже не увидел его. Старик исчез так же незаметно, как и появился.

«Хосподи, спаси, сохрани». – Степка сорвался с места и ринулся, не разбирая дороги, на стук топора. Споткнувшись о ветку, которую в порыве чувств не заметил, Степка свалился едва ли не под ноги могучего казака и чуть не поплатился за свою оплошность жизнью, по счастливой случайности не оказавшись раздавленным его безразмерной ступней.

– Гурьян, обожди. – Он схватил Куракина за ногу, после чего тот остановился и обратил на него внимание. – Гурьян, ей-богу...

Казачок прерывисто вздохнул и, не находя слов, бестолково заморгал.

– Чево ты? – широко улыбнулся добродушный гигант, медленно опуская топор. – Опять умаялся, што ль?

– Какой там... – Степка опустился на пень и указал в ту сторону, откуда прибежал. – Лешака я зрил тама, во те хрест зрил!

– Да будя те брехать-то. – Куракин улыбнулся еще шире, но его улыбка тут же угасла, как только он рассмотрел белое, как ствол березы, лицо парня. – Аль правда? – округлил он глаза, нос его, видимо, от волнения смешно задергался и побагровел.

В иное время Степка не удержался бы от смеха, видя это, но сейчас ему было не до веселья.

– Истинная, как перед Хосподом! – сказал он и, чтобы Гурьян не сомневался, трижды перекрестился.

– Сказывай как на духу, каков он? – Куракин присел и тревожно посмотрел в бегающие глаза Степки.

– Сам с аршин, бел как лунь и бородища до колен самых. – Степка выпалил все это на одном дыхании и боязливо покосился в сторону леса, словно страшась быть услышанным тем, о ком говорил. – Зенки зелены, как трава, и прямо сквозь прожигают.

– Да ну?!

Нос Гурьяна побагровел еще больше, что указывало об еще большем волнении, охватившем его.

– Вот те хрест! – Степка очередной раз перекрестился для убедительности. – Как он объявился, я не зрил, и как исчез – тож.

– Айда отсель к атаману! – Куракин схватил юношу за руку, взял топор и побежал в направлении стана. Степка едва успевал за ним. Ему даже стало интересно наблюдать за паникующим Гурьяном, хотя он привык считать, что страх тому не знаком. Но он и сам не боялся ничего, а тут...

Арапова долго искать не пришлось. Он вышел на поляну как раз в тот момент, когда встревоженные казаки выбрались из леса. Судя по его удрученному виду, атаман был не в духе. Когда они остановились напротив друг друга, Арапов хмуро посмотрел на перекошенные страхом лица казаков, и его брови поползли вверх.

– Бог мой, да на вас лица нет, детушки!

– На тебе тож, батько, – заметил Степка.

– Чай, оборотня зрили? – покосившись на стан, перешел на шепот Василий Евдокимович.

– Ага. – Степка и Гурьян согласно кивнули и недоуменно переглянулись.

– Он зрил, я не... – уточнил после заминки Куракин.
– Дремуч, с бородой? – повернувшись к Степке, спросил Арапов.
– Ты будто рядом со мной стоял, батько? – удивляясь осведомленности атамана, он выпучил глаза и бестолково развел руками.
– Я тож его зрил токо што, – прерывисто вздохнул Арапов. – Думал, разумом помутился, а вишь, вон как оно...
– Лешак энто аль оборотень, – зашептал Степка. – Эвон...
– Так, созываем всех из леса, а што апосля дееть будем, сообщча и порешим!

Атаман решительно развернулся и пошагал в сторону леса, где, ни о чем не догадываясь, споро тюкали топорами казаки. Гурьяну и Степке ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру. Подойдя к деревьям, они набожно перекрестились, затем трижды сплюнули через левое плечо и, суеверно скрестив пальцы, вошли в чашу.

9

Обвязав лицо девушки платком, Никифор уложил ее на коня брата, привязал для верности покрепче к седлу и, вскочив на своего Хана, взял путь на заимку. Воровски объезжая возможные места нежелательных встреч с людьми, к вечеру он добрался до заимки, стреножил коней, а девушку бережно занес в добротную землянку.

С севера от лугов надвигалась гроза. Тяжелые пронзаемые молниями тучи почти касались вершущек деревьев. Накрапывал дождик. Никифор угрюмо смотрел по сторонам, и ему думалось о печальной участи брата своего Тимофея, которого он сгубил в порыве злости. В эти минуты он не думал о себе и о том, что больше у него нет крова. Видать, судьбой начертано ему бродить без пристанища по сырым и сделавшимся чужими для него яйцким степям. Утешало казака лишь то, что виновница всех его бед – у него в руках. И отныне он волен сделать с ней все, что пожелает.

Однако на заимке задерживаться не следует. Отец и младший брат хватятся Тимофея и начнут поиски. Первым делом на заимку наведаются, а тута...

Никифор покосился на пасущегося рядом с Ханом коня и со злостью сплюнул. Надо бы извести животину, да Нюрка треклятая обузой ляжет на Хана. Добрый конь вынослив, могуч, но дальнюю дорогу с двумя седоками не выдюжит. А путь предстоял немалый. До Астрахани, а там и до Дона рукой подать. До Исети куда ближе, но там казакам худо живется.

Вдохнув свежего воздуха после ударившей рядом молнии, Никифор пугливо перекрестился и вошел в землянку. Поглощенный безрадостными мыслями, он даже не обратил внимания на свою пленницу, которая тихо лежала на широком топчане, прикрытая тяжелым шерстяным одеялом. Не видя, как враждебно блестят глаза наблюдавшей за ним девушки, казак уселся на скамью и с тяжелым вздохом запоздалого раскаяния обхватил голову руками.

Кто он теперь? Птица, потерявшая родное гнездо? Но птица вольна вернуться на родное гнездовье и свить себе новое. Кто ж тогда он? Пес безродный, вокруг которого нет никого, кроме разве что...

Никифору хотелось плакать. Слезы душили его. Он смотрел на земляной пол и снова вспоминал брата своего единоутробного, которого загубил понапрасну. От дум этих ему становилось еще грустнее, а слезы открыто выступили на глазах. Печаль ворошила душу, а слезы... Они помогали ему скорбеть и...

На улице грянул гром. Никифор вздрогнул и, ощутив ненавидящий взгляд, резко обернулся.

Нюра сидела на постели, кутаясь в одеяло, бледная, несчастная, с припухшими губами и сосредоточенным взглядом; она с укором смотрела на него.

Как часто бывает у замкнутых людей, любовь Никифора вдруг прервала заслоны, созданные печалью об убитом брате, все сокрушая и сжигая на своем пути. Еще недавно он считал Нюру виновницей всех бед – теперь же восхищался ею, как и прежде, оправдывал ее. Он захотел создать с нею семью, и для него уже не существовало ничего вне любви к девушке.

В душе Никифор в общем-то и не питал зла к Нюре. Он видел, что она несчастна из-за него, и жалел ее. Но девушка смерила его полным вражды взглядом и бросила так презрительно, что Никифор оторопел и едва не оглох, как от яростного раската грома над головой:

– Душегубец клятый! Идол каянный!

Казака поразило непривычное выражение ее лица. Еще никогда он не видел его таким. Оно было очень бледно и без меры враждебно. Откуда такая дикая ненависть? На лбу Нюры выступили крошечные капельки пота, и смотреть на нее становилось страшно.

– Вор ты проклятуший и душегубец! – Девушка отпустила край одеяла и сжала кулачки. – Огневил Хоспода, идол, вот он опустит тя в омут башкой за братоубийство!

Никифор отшатнулся. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу. Сквозь слезы обиды и стыда он видел белое как полотно лицо девушки. Бежать вон, на улицу. Но он не побежал. Его обуял дикий гнев. Не помня себя, с пылающим лицом, он бросился на обидчицу:

– Уймысь, гадина! Я вотя тя...

Нюра по-звериному проворно привстала на колени и локти, готовясь к защите. Глаза ее сквозь закрывающие лицо волосы отчужденно и дико глядели на него. Она готовилась умереть и хорошо понимала, что пощады ждать нечего. В засверкавших огнем глазах Никифор прочел, что Нюра готова драться насмерть и ни за что не дастся живой на поругание.

– Душегубец, вор! – со злостью выкрикивала она, глотая слезы.

Губы дрожали и прыгали.

– Знать, мало тебя казаки батогами потчивали! Аль запомятовал? Токо дотронься до меня, поротый, да недопоротый! Ежели коснешься, я те узоры-то дорисую...

Никифор остановился на полпути и стоял, стиснув зубы. Каждое слово Нюры секло его почище секиры. Он стоял раздраженный, обессиленный внутренней борьбой, смутный...

– Уймысь, язва! – наконец вымолвил он и, схватившись за голову, бросился вон из землянки.

Он остановился над крутым спуском к Яику. Его взбудораженное сердце билось неровными, резкими толчками, а легкие судорожно вдыхали свежесть степного ветра, пропитанного дождем. Мелкий дождь поливал Никифора, одежда промокла, волос спутался на голове, только глаза горели сухим и жестким огнем.

Нюрка не приняла его! Попрекнула убийством брата, принародной поркой на майдане. Она...

Скрипнув зубами, Никифор неожиданно для себя осознал всю пустоту жизни. Он испуганно оглянулся на землянку и еще больше оробел, увидев Нюру, которая стояла освещаемая молниями, словно страшное видение. Казак растерялся и взмахнул руками.

– О Хосподи, спаси и помилуй! – прошептал он, перекрестился и побежал обратно к землянке. Полы его кафтана развевались, как два крыла, руки неестественно взлетали над головой, он прыгал через рытвины, кочки и что-то кричал отчаянным голосом.

Блеснула молния, и он снова увидел суровое лицо все еще стоявшей у землянки Нюры. Грянул гром, и она вдруг исчезла, как бы растворившись в воздухе, как раз в тот момент, когда он собирался коснуться ее рукой. А дождь лил уже стремительными колючими струями, и земля напилалась водою до отказа – было трудно вытягивать ноги из топкого месива. Ветер остервенело рвался вперед.

– Тимоха, брат, прости меня! – закричал Никифор, падая на колени и обращая залитое водой лицо к грозовому небу. – Убей плоть, ежели хошь, Хосподи, но душу не терзай. Пощади душу-то...

10

Как только Никифор выбежал на улицу, Нюра облегченно вздохнула и соскользнула с постели на пол. Несколько минут она стояла, опустив голову, подогнув свои длинные ноги, словно хотела стать пониже, незаметнее. Девушка все еще не понимала, что происходит с ней, и думала, что это кончится скоро и бесследно, как обыкновенная домашняя ссора.

Она содрогнулась, вспомнив перекошенное злобой лицо Никифора, и с отчаянием посмотрела на дверь, пожившись от одной только мысли, что казак вот-вот вернется. Ее тоска была острой, но недолгой.

Нюра не любила задумываться над печальными вещами. Как и любая казачка, она вообще не привыкла думать о чем-то серьезном и что-то решать. До последних событий ее жизнь катилась сама собою, и она охотно отдавалась ее течению. Нюра даже и не заметила, как попала из хорошего течения в плохое. К сожалению, она поняла это слишком поздно и не сумела выплыть обратно. А теперь, что же делать теперь? Что с ней случится, если...

Скользнув взглядом по тускло тлеющему фитилю лампы, Нюра перевела его на дверь. Она стояла, глядя вперед, и никто не мог видеть ее помертвевшего лица. То, что происходило в ней, было так страшно, что не было сил поверить. В обострившейся памяти, как один день, промелькнули последние события, полные тревог и огорчений.

Она вспомнила взволнованный голос Степки, когда он садился в готовящийся к отплытию струг. Его лицо было каким-то усталым и даже отсутствующим. А может, виноватым? Она вспомнила его печальные голубые глаза, его нахмуренный лоб...

Но светлые воспоминания Нюры нарушил вторгшийся в память сатанинский облик Никифора, и как сквозь мокрое сито дождя она увидела его наглые, страшные глаза. Этот отвратительный казак давно преследовал ее, за что был принародно выпорот на майдане и изгнан из Яицка. Но он не остепенился, чему свидетельство – ее дерзкое похищение. Но что более всего травмировало душу Нюры – так это то, как он хладнокровно зарубил своего брата Тимофея, осмелившегося ему перечить. Так чего ждать от этого зверя ей, слабой женщине? Кроме надругательства, ничего. Разве только после сжалится и зарубит, насытившись, а холодный труп сбросит в Яик.

Нюра вздрогнула и словно очнулась от спячки. В голове стоял шум. И вдруг ужасная правда дошла до ее сознания. Она поняла, в какой страшной беде оказалась, и ей расхотелось жить.

Тяжело ступая ватными ногами по полу, девушка приблизилась к двери и вышла из землянки. Надо было бежать! Но куда? Она не знала, куда привез ее Никифор, а гроза... Ее знобило. Она посмотрела на раздираемое молниями небо. Плотные струи дождя в одно мгновение промочили насквозь. Благодаря этому в голове несколько просветлело, но куда уйти, в какую нору спрятаться, она так и не знала.

«Хосподи, токо бы уберечься от энтого злющего беса», – лишь подумала Нюра, как над головой ярко сверкнула молния, и она увидела стоявшего недалеко Никифора.

У девушки перехватило дух, а сердце защемила возвратившаяся тоска. При следующей вспышке молнии, увидев, что Никифор бежит к землянке, она не нашла ничего лучше, как скользнуть внутрь и, закрыв за собой дверь, придавить ее плечом. Хорошо понимая, что этого недостаточно, она спешно осмотрела скудную утварь и, не найдя ничего, чем смогла бы подпереть дверь, метнулась к топчану, вскочила на него и, забившись в угол, накрылась с головой одеялом.

Тут дверь отворилась и вошел Никифор. Одежда его была изорвана, голова непокрыта, мокрые волосы всклокочены, лицо перекошено и бледно, как у мертвеца. Не издав ни звука и не бросив ни единого взгляда в ее сторону, он, еле волоча ноги, прошел к печи и бросился

ничком на стоявшую рядом широкую скамью. Наконец, казак тяжело приподнял голову, медленно повернул лицо в сторону замершей от страха Нюры и с каким-то странным выражением боли и отчаяния сказал:

– Энто ты всему виновна! Ты!

Затем он всхлипнул, точно пролаял, и выговорил невнятно и глухо:

– Эх, жисть, горькая ты назолушка!

Нюра сидела, забившись в угол и украдкой поглядывая на Никифора сухими глазами. Она была слишком несчастна, чтобы плакать. Выхода не было. Ее жизнь рушилась. Если Никифор не убьет ее, все равно не видать ей счастья. Пятно бесчестья со дня похищения ляжет на всю жизнь.

Нюра испытывала страх и подавленность. Она боялась надвигающегося несчастья. Она уже заранее боялась людей, потому что они станут презирать ее. Боялась самой себя, потому что не находила для себя ни оправдания, ни спасения.

Единственное, чего не боялась Нюра в эту страшную ночь, – присутствия виновника ожидающих ее несчастий. Девушку не трогали его полные отчаяния стоны. Она прятала лицо в ладони, которые были перепачканы, от них пахло землей и древесиной. Запах был свеж и приятен, он даже чем-то облегчил ее тягостное положение.

Ветер на улице усилился, а Нюра заплакала. От горечи и стыда рождались слезы, слезы безнадежные и злые... У нее нет более Степки, дома, матери, братьев, сестер... Она не может к ним вернуться. От таких мыслей можно и умереть! А почему нет? Зачем жить? Только замужество может спасти ее от бесчестья! Но разве она сможет позволить себе встать под венец с окаянным Никифором, к тому ж еще женатым? Грех-то какой, Господи? Может быть, лучше кончить все сразу?

– Будь ты проклята, язва!

Никифор вскочил со скамьи, как ошпаренный, и, рыча, бросился на нее. Нюра только успела подумать, что это конец, как град тяжелых кулаков обрушился на ее голову. Девушка не пыталась сопротивляться. Она даже не закричала, только закрыла лицо руками и втянула в плечи голову.

А потерявший человеческий облик Никифор колотил ее долго и ожесточенно. При этом выкрикивал ужасные ругательства с каким-то сатанинским торжеством и злобной радостью:

– На те, змеюка! На те, тварь подколодная!

Он перестал ее бить лишь тогда, когда Нюра замерла у его ног на полу, тихо всхлипывая. Словно очнувшись, казак склонился над ней и встал на колени. Злое лицо Никифора вдруг сделалось недоуменным, и он закусил губу, точно боялся расплакаться. Затем поднял Нюру с пола, прижал ее к себе и бережно уложил на постель.

– Ох, прости ты меня, касатушка! Ежели хошь...

Он не договорил, а уткнулся лицом ей в ноги. А Нюра закрыла распухшие глаза и с горечью поняла, что молодость ее в эту ненастную ночь кончилась безвозвратно.

11

Через месяц наступил день первого празднования, первых итогов. Но с самого утра Крыгин испортил всем настроение. Ему, видите ли, не понравилось, как посмотрела на него жена, за что он поверг ее оземь увесистой оплеухой.

Не на шутку распалившись, казак схватил Устину за косу и потащил к реке, изрыгая проклятия и угрозы. Но тут Данила Осипов преградил ему дорогу и, укоризненно покачав головой, сказал:

– Далеко ли собрался, кум?

– Отоды. – Крыгин окинул его недобрый взглядом и покрепче намотал косу Устины на руку.

– Отпустил бы жинку, Гаврила!

– А те че надо? – Крыгин вначале удивился, но потом его брови поползли к переносице. – Не лезь, куды не зовут!

Отпустив жену, он замахнулся и ударил Данилу кулаком в ухо:

– Ужо ешо выдам, коли пожелаеш.

Осипов от неожиданности охнул и что есть силы толкнул Гаврилу в грудь.

На помощь Даниле бросились Петр Пудовкин и Аверьян Плотников. Пока казачки уводили воющую Устину в шалаш, казаки пытались разнять дерущихся.

Выбежавший из прибрежного кустарника Степка тщетно пытался уговорить рубящихся казаков опомниться. Он не понимал толком, в чем дело, а потому бестолково смотрел на раскрасневшиеся физиономии дерущихся и беспомощно разводил руками.

В это время Осипов обернулся к нему и, вытирая щеку, поцарапанную саблей Гаврилы, закричал:

– Уди. Не ровен час ешо...

– Назад! Оставаться на месте!

Заслышав грозный окрик атамана, казаки, как по команде, опустили сабли и переглянулись. Они знали крутой нрав Василия Арапова, а особенно его железную руку. Несдобровать тому, кто осмелится схватиться с ним на кулаках или на саблях, а если он разозлится...

Атаман, сопровождаемый Степаном Рябовым, Гурьяном Куракиным и Нестором Вороньежевым, вышел из леса. В руках он нес по паре рябчиков, а казаки – тушу молодого лося, ветвистые рога которого бороздили землю у их ног.

Проходя мимо костра и притихших казачек, Арапов бросил птиц на землю и, не останавливаясь, словно грозовая туча, двинулся на сразу оробевшего Гаврилу:

– Пошто опять неприятности чинишь, врак?

– Энто я? – Гаврила, покраснев, попятился. – Дивно! Матрите, люди добрые. Не знат сути, а на меня ярится.

– Ой ли? Подбери-ка поросячы губы, врак! Как вот счас засвечу! – Арапов, мягко изогнувшись на сторону, выхватил из-за голенища сапога нагайку и, замахнувшись, оттянул ею поперек спины Гаврилу. – Ты пошто оный раз промеж казаков вражду вызреваешь? Аль не упреждал я тебя, штоб промеж нас никаких оказий не было?

У Крыгина от испуга запрыгала бровь над левым глазом. Но он смолчал, проглотив справедливые обвинения атамана.

– Щас вот ешо как садану в мордень. Хошь?

– Токо попробуй! – Гаврила неожиданно ошетинился и сжал кулаки. – Я вона...

Он и сам не понял, как очутился на песке от мощного удара атамана. С трудом поднявшись, казак размазал по лицу струившуюся из носа кровь и, зло сверкнув глазами, бросил:

– Ужо сочтемся за юшку. Ешо поквитаемся!

Продолжению ссоры или ее завершению помешал веселый возглас со стороны реки, заставивший казаков обернуться. Они тут же позабыли про Крыгина и его угрозы, когда увидели причалившую к берегу лодку и того, кто молодецкато спрыгнул с нее на прибрежный песок.

– Ай ли, очам не верю, Петро?! – Арапов громко и радостно захохотал и раскинул для объятий руки. – Ну поди, поди сюды, детушка!

Прибывший казак, явно рисуясь, нагнулся, отшвырнул в сторону лежавшую на пути коряжину и, вновь выпрямившись, усмехнулся:

– Как погляжу, ты мал-мал обустроился, батько!

– Апосля о том. – Арапов сгреб казака в могучие объятия, троекратно облобызал, после чего отвел его от себя и, сжимая плечи ладонями, восхищенно воскликнул: – Зрит Хосподь, не ожидал ужо тебя, чертяка. Особливо седня!

Обнявшись и расцеловавшись с казаками, есаул Петр Кочегуров отвесил казачкам земной поклон и, поручив им заботу о прибывших с ним двух казаках, поспешил за Араповым, которому не терпелось удивить своего давнишнего друга красотою облюбванного им для строительства крепости места.

Когда они вдоволь находились по поляне, есаул сбил с головы папаху и, потрянув густыми кудрями, восхищенно высказался:

– Одобряю, любо! Сколь раз мимо в походы хаживал, но красотищи энной не примечал!

Затем они поднялись на тенистый пригорок над рекой. Белоствольные березы мягко шуршали молодыми листьями. С пригорка были далеко видны Сакмара, быстроводная и широченная, как Яик, и густой лес противоположного берега, почти подпирающий небо высокими макушками деревьев.

Казаки чувствовали себя не гостями, а хозяевами этого чудного уголка природы. Пока еще неизведанная, но уже родная и прекрасная земля принадлежала им. Их тянуло в глушь, в тихие заросли девственного леса, в мягкие дебри трав, в которых запутываются и утопают ноги.

– Вот здесь! – почти торжественно сказал Арапов, указывая на лежащую перед ним низину. – Вот здесь отстроим крепостицу, коя твердыней незыблемой ляжет на пути ворогов, посягнувших на русские земли!

– Ой ли? – Кочегуров недоверчиво пожал широкими плечами и ухмыльнулся. – Кочевники эка вода! Обтекут крепостицу и айда на Русь! Путь свободен.

– Много ты понимаешь. – Арапов нахмурился и сломал сухую ветку, которую произвольно перебирал пальцами уже давно. – Мы степнякам костью поперек горла встанем. Во как! Не смогут оне на Русь идти, прежде нас не изничтожив. А тут-то вот и покажем бухарским прихвостням свою удаль. Помяни мое слово, есаул, не пустим дальше здешнего кордона.

– Завсегда ладно говорить, да вот действия... Не верят в твою затею там, в Яицке.

– Как энто не верят? – округлил глаза Василий.

– Да так вот! Зазря, говорят, головы сложим. Не во славу и не в пользу государству.

– Кто энто так говорит? Уж не Меркурьев ли?

– Он все, знать, помалкивает. – Кочегуров вздохнул и поежился. – Государыни грамота отцу-атаману язык привязала. Но, акромья его, других пруд пруди. Што ни день, все о те лясы чешут. Языков-то всем не привяжешь.

– Айда, пушай себе. Почешут и перестанут. – Арапов в сердцах махнул рукой и грозно нахмурил густые брови. – А крепостице быть! Один с саблей супротив орды кыргызской встану, но не сойду с энтой землицы. Так и знай – не сойду!

– Да разве я против. Для того и пришел, штоб вместе сложить свою головушку.

– Ить ты. Типун те на язык. Зазря упокойную по нам загодя справляешь. – Атаман усмехнулся, вскочил на ноги и гордо вскинул голову. – Ешо поглядим хто кого! Дюже мало нас, не спорю. Но с нами правда завсегда и Божье благословение. Вона ужо месяц Хосподь оберегат нас, знать, одобрят стремления наши и потуги во славу Россеи.

Эти слова Арапов высказал с таким жаром, что есаул почувствовал, как что-то екнуло в груди и все сомнения сразу исчезли. Незыблемая вера атамана в правоту избранной цели вдохновила его и придала сил.

Петр крепко сжал руку друга:

– Зрит Хосподь, я завсегда с тобой. Што б ни случилось, я...

– Айда в лагерь. – Арапов улыбнулся и подмигнул есаулу, заметив блеск в его глазах. – А пока продираемся сквозь кусты, обскажи, как обстоят дела в Яицке славном?

Кочегуров сплюнул, поморщился и посмотрел на свои сапоги:

– Здравствуют все. Токо вот... – Он неожиданно запнулся и, схватив атамана за рукав, остановился. – Погодь, Василий. То, об чем поведать собираюсь, не для ушей других.

Арапов недоуменно посмотрел на озабоченное лицо есаула:

– Аль стряслось че?

– Как знать. – Кочегуров пожал плечами и посмотрел в сторону. – Да не пужайся ты зазря, Василий. С Яицком все в порядке. Казаки в поход собираются. Для Степки вот весть худую привез я. Уж не прогневишь, атаман.

– Сказывай.

Есаул видел, что Арапов начал горячиться. Глаза атамана сверкали, словно он собирался испепелить ими прибрежный лес. Он разволновался, но держал себя в руках.

– Сказывай, грю, не томи.

– Никифор Погадаев ево Ньюрку умыкнул, – со вздохом выложил Кочегуров. – С Тимофеем они зараз воровство учинили. Прямо среди бела дня девку подхватили, к седлу приторочили и были таковы.

– Вот змий окаянный! – Лицо Арапова мгновенно стало злым. – Видать, мало секли его батогамы на майдане. Правильнее б было башку ему снести!

– Энто он башку снес Тимохе своему, – ухмыльнулся Кочегуров.

– Брату?

– Ему, единоутробному. Што уж они ни поделили промеж себя, одному Хосподу ведомо.

А Тимоху сыскали апосля недалече от Яицка без башки.

– А Никифора? Поганца энтото сыскали?

– Утек змий безродный и Ньюшку с собою увез. Погоню во все концы отрядили, да куды там. Запоздало спохватились. Ньюшку он на заимку изначально свез, надругался над девкой и айда на Исеть али на Дон, хто его знат теперя.

– Христа на нем нет, вор каянный. – И Арапов так сжал рукоятку сабли, что пальцы побелели. Он с ненавистью посмотрел в ту сторону, в которой, по его убеждению, находился Яицк. – Ежели доведется с ним свидеться...

Смотревший на атамана Кочегуров и без слов понял, как туго придется Никифору, если судьба вдруг сведет его с Василием Араповым.

– Степке казать али как? – Он выжидающе посмотрел на сосредоточенное лицо друга.

– Ни в коем разе. – Арапов ткнул кулаком в ствол березы и шагнул в направлении лагеря. – Пушай живет ожиданием весточки. Глядишь, все и образуется!

– Сумлеваюсь я в том, – поплелся за ним есаул. – Все жданки прождет, а апосля...

– Апосля што-нибудь удумаю. Обскажу все как есть и што деять посоветую, – сказал атаман с отчаянием и тоской. – Попадись мне токмо энтот злыдень! Самолично отсеку башку белужью.

12

Беглецы шли медленно, осторожно обходя ямы с водой. Иногда дорогу перегораживали огромные деревья, с корнями вырванные рекой во время разлива. Следовавшая за Никифором Ньюра аккуратно перелезала через них, разглядывая мощные, уже обветренные корни.

Казак молчал. Он лишь угрюмо шел вперед, раздвигая сильными руками ветви и густой дикорастущий кустарник. Ньюра постоянно видела перед собой его широкую спину, слышала тяжелое дыхание и вспоминала, что случилось с ней после похищения.

Часто перед глазами вставала картина той грозовой ночи, когда зарубивший собственного брата Никифор привез ее на заимку. Все последующие события словно изгладились из памяти. Вот уже много дней и ночей бредут они по лесу берегом реки, а куда? Коня Хана при-

шло застрелить: дикий кабан выпустил внутренности бедному животному. А коня покойного Тимофея...

Впереди показалось озеро. Никифор ускорил шаг, как будто озеро могло исчезнуть, если не поспешишь. А оно словно дожидалось их в своих тенистых, заросших деревьями берегах. Идти вдоль берега становилось все труднее. Ноги утопали в тине, но Никифор упрямо шагал вперед, подыскивая место для стоянки. Наконец они дошли до заросшей густой травой полянки, которую казак сначала придирчиво осмотрел, после чего сбросил с плеч на землю котомку и сел. Нюре ничего не оставалось, как присесть на ствол поваленного дерева и ждать.

Солнце поднялось уже высоко, наступил жаркий летний день. Нюра покосилась на Никифора, который продолжал молча сидеть, поджав под себя ноги и уставившись на водную гладь озера. У нее сжалось сердце. Гнетущее отчаяние все больше наполняло душу. Будучи не в силах терпеть больше эти мучения, Нюра встала, сделала шаг в сторону Никифора, но тут же остановилась, встретившись с его жестким взглядом.

– Ну, чево бельмы пialiшь? Икона я тебе? – Он сузил глаза и растянул губы в язвительной улыбке. – И че я в те сыскал, не пойму! Кабы не ты, язва, и брат был бы цел, и я бы щас не бродил лешаком по лесам здешним.

– Себя за то кори, Никифор. – Нюра потупила взгляд, но продолжила: – Кабы ты, окающийся, я бы...

– А ну замолчь, лярва!

Никифора лихорадит. Он задыхается и хрипит:

– Колдовка треклятая! Чертова сука. Ешо што брякнешь, нагайкой буду драть. Убью, так твою перетак. Как вшу прихлопну, даж пикнуть не успеешь.

Он замолк, словно поперхнулся, и с тоскою посмотрел на девушку. И она поняла его. За месяц скитаний она научилась понимать Никифора и всегда мирилась с приступами его злобы. Кому, как не ей, знать о грехе, который гложет душу убийцы. Обычно при всплесках ярости казака Нюра отмалчивалась: «Пущай мучится, злыдень!» Но сегодня Никифор был особенно не в духе, судя по его подрагивающим губам и побелевшему лицу.

Вместо того чтобы уйти в себя и смолчать, Нюра неожиданно упала на колени перед своим мучителем и со слезами на глазах запричитала:

– Да-а! Убей меня! Заруби мя, Никифор! Христом Богом прошу, убей.

– Че энто ты? Аль ополоумила? – Никифор напрягся. На лбу у него выступили капельки пота. – Че боронишь-то? Ну?

– Убивец ты, душегуб! – Нюра сжала кулачки и что было сил ткнула их в землю. – Все одно не жилец я. Так не мучь меня, удави! Все легше одному-то от кары в лесах хорониться.

Никифор взревел. Глаза его стали стеклянными.

– У, пропадина! Вот безгляд окающийся... И все на башку мою! Ах, одрало б тя, зараза! Ты... ты брата мово сгубила, лярва, колдовка! Вот я щас тя...

Он вскочил, но выхватил нагайку из-за голенища сапога, а не саблю из ножен, как хотела Нюра. В неистовстве он разодрал на себе ворот рубахи, подошел вплотную к девушке и замахнулся. А она напряглась и спокойно смотрела на него. Своим видом Нюра сознательно провоцировала казака на решительные действия.

– Будь ты проклята, тварь подколодная. – Никифор опустил руку, бросил нагайку и сел на траву, обхватив голову руками.

Удивительным было влияние брошенного им проклятия на Нюру. Кровь ее закипела, в душе проснулись мысли и стремления, каких она, женщина беспечного и мирного нрава, никогда раньше не знала. Глаза ее воодушевленно засверкали. Поднявшись с колен, девушка гордо расправила плечи и воскликнула:

– Спужался, нехристь? Ты горазд только сабелькой махать! Ты ровно пес бездомный, и взять с ты нече. Будь я не бабой, а казаком, по-иному поговорила б с тобой за... – Глаза Нюры, разгораясь, уперлись в лицо Никифора. – Душегуб ты и убивец!

Она замолчала, ожидая реакции казака, которая обещала быть бурной. Но Никифор не кинулся на нее с перекошенным яростью лицом и саблей наголо. Он лишь бросил на нее затравленный взгляд, полный муки, и тихо, словно оправдываясь, сказал:

– Отчыпись. Рубать Тимоху не мыслил я. Сам не ведаю, как случилось зло тако. Верно, бес меня тады попутал.

Нюра с изумлением смотрела на Никифора, не понимая, перед ней он оправдывается или перед самим собой. Она не ответила ему. Неожиданно послышался приближающийся конский топот. Вскоре из леса выехал небольшой отряд всадников. Впереди на приземистой лошадке ехал огромный мужик с густой бородой. За ним следовали мужички возрастом помладше. Пики и обнаженные сабли сверкали на солнце.

Никифор и Нюра, побледнев, переглянулись. По лицу казака скользнула тень. Он выхватил из ножен саблю, из-за пояса пистолет и приготовился к бою.

Отвыкшая видеть людей за время блуждания по лесам, Нюра испугалась. Она со страхом наблюдала за приближающимися всадниками, поглядывая в сторону спасительной лесной чащи. Но не решилась бежать и искать в ней спасения.

Между тем всадники на полном скаку приблизились к полянке и окружили их со всех сторон. Тот, который ехал впереди, почтенного вида мужик, натянул уздечку и, непривычно окая, спросил:

– Гей, хто вы?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Никифор.

Прежде чем ответить, мужик нахмурил густые с проседью брови и слегка пригнул голову:

– Сказывай, кому грю. А не то... – Он многозначительно коснулся пристегнутой к широкому ремню сабли.

– Не пужай, не на того нарвался. – Никифор смело взглянул в глаза незнакомцу и слегка подался грудью вперед.

Мужик неожиданно громко расхохотался и, убрав руку, погладил гриву коня. Захохотали и все остальные сопровождавшие его бородачи. Вдоволь насмеявшись, вожак погладил свою окладистую бороду и уже менее требовательным тоном спросил:

– Беглые или как?

– Иш ты, никак вора во мне выглядел? – оскалился Никифор, явно нарываясь на неприятности.

– Рожа у ты разбойная, а глазищи... Поди свычен головы с плеч сечь?

– Слазь с коня, опробуй. – Никифор угрожающе описал саблей дугу над головой и недоверчиво покосился на прыгающих с коней мужиков. – Токмо не все разом, а то...

Он грозно повел вокруг стволом пистолета.

– Не пужай, и мы пуганы! – Предводитель на удивление легко прыгнул с коня и обнажил саблю. – А силушкой померяться завсегда рад! Шире круг, братья. Встревать не дозволяю, а ежели што...

13

Как только Петр Кочегуров появился в лагере, жизнь поселенцев закипела с удвоенной энергией. Крепкий, веселый, активный есаул умудрился расшевелить всех. Казакам и казачкам, которые с осторожностью относились ко всему происходящему, затея со строительством крепости показалась вдруг желанной и заманчивой. Никакая тяжесть не была непосильной, и

все делалось едва ли не бегом. Нравилось все – и простая, грубая, тяжелая работа, а особенно то, что рядом шумит сделавшаяся уже родной река Сакмара.

Степняки все еще не напоминали о себе, но атаман Арапов был уверен, что они внимательно наблюдают за казаками и, возможно, готовятся к нападению. Где бы мужики ни находились: в лесу, на берегу реки или трапезничали в тесном кругу в лагере, – имеющееся оружие всегда держали при себе. Мало ли чего. Огородившись широким рвом, поселенцы почувствовали себя увереннее.

Работали всегда слаженно, дружно. Со свистом продираясь сквозь кусты, деревья одно за другим падали на землю. С них тут же обрубали сучья, стесывали кору и несли на поляну, где выкладывали в ряд для просушки. Затем, чтобы расширить поляну, приходилось корчевать пни на вырубках.

Когда ранним утром казаки в очередной раз вошли в лес, Степка подбежал к большому пню, пнул его ногой, попробовал расшатать руками, потом вскочил на него и звонко крикнул, озорно подмигивая:

– Атаман, а оно не корчуеться!

– Я вот те, – погрозил ему пальцем, широко улыбнувшись, Арапов. – Неча тут паясничать.

– Дай-ка топор. – Гурьян Куракин вразвалку приблизился к пню и отстранил могучей рукой Степку. Мощными ударами он стал обрубать вросшие в землю корни.

– Навалитесь-ка! Раз-два! – включился в работу есаул.

Пень ни с места.

– Ах ты, чертяка! – Кочегуров, вспотев, вместе с Куракиным, Степкой и Плотниковым Аверьяном попытался перевернуть пень.

Слегка стонали корни. Пень стоял.

Есаул со всей силы нажал на подведенный под пень рычаг, потом сплюнул и беззлобно выругался:

– Во прирос, ядрена вошь! Сразу так вот и не сдюжишь!

– Пуцай стоит, бес с ним, – злорадно ухмыляясь, высказался Крыгин. – Мы казаки, а не дровосеки.

– А ну погодь. – Данила Осипов подошел к рычагу, поплевал на руки и взялся за его конец. – А ну подсоби!

– Зараз. – Гурьян ухватился рядом и встряхнул головой. – Че, валим?

– Ешо одно бревнышко под корни засуньте, – поучал, скрестив на груди руки, Крыгин. – Ан апосля и жми.

– Мож, и мне подсобить? – шутки ради вскочил на пень Степка. – А то я зараз.

– Слазь, – свирепо рыкнул на него Плотников и с силой всадил под корни еще один рычаг. Жердь вошел плотно. Аверьян примерился к нему руками, поплевал, как и Осипов, на ладони и нажал с такой силой, что заскорузлые корни со стоном лопнули и освобожденный пень тяжело повалился на бок.

Оглянувшись, Аверьян увидел благодарный взгляд атамана и крикнул, задыхаясь от внезапного чувства радости:

– Во как значиться! По три-четыре казака – пойдет!

Скоро все казаки включились в работу. А через час, наловчившись, они с помощью рычагов выдирали пни, словно грибы. В полдень уставшие, но довольные проделанной работой мужики вернулись в лагерь, где их поджидали казачки, накрывшие под раскидистыми ветвями осины стол.

После трапезы, как было заведено, расположились на отдых. Кочегуров присел рядом с прилежшим в теньке атаманом и, жуя стебель травинки, как бы нехотя сказал:

– Все бы хорошо, кабы вот знать доподлинно, што не зазря все энто!

– Об чем ты энто? – посмотрел на есаула Арапов.

– Об крепостице, об чем же ешо. Вот мы здесь пупы рвем, а придут киргизы, все порушат, спалят и нас изведут.

– Опять ты за свое. – Атаман недовольно поморщился. – Не знал бы ты, подумал бы, што боишься. А шас не ведаю, что и подумать. Утомонись-ка ты, Петро, и спрячь зенки свои.

Увидев по изменившемуся лицу Кочегурова, что произнесенные слова глубоко тронули его, Арапов потянулся и, желая смягчить возникшее напряжение, примирительным тоном сказал:

– Поостерегутся степняки к нам соваться, помяни мое слово.

– Рисковый ты, Василий, дуже рисковый. Нас же здесь всего ничего. Ежели киргизы задумат, то голыми руками...

– Знаш что, Петро. – Арапов вновь прикрыл глаза и ухмыльнулся. – Вот сметлива у ты башка, а жизни все одно не разумеешь! Нам бы токо начать, а будущей весной народу, как слепней, поналетит.

Кочегуров недоверчиво покачал головой и нахмурил лоб:

– Эх, думай про меня, как хош, но все одно сумлеваюсь я! Я уже весь Яицк в мыслях перебрал, но так и не надумал, хто захотит насиженные места покинуть даже ради рая, в коем мы твердынь возводим. На киргизов сходить да сабелькой помахать – дело одно, а вот курени ставить на чужой земле – другое.

– И где энто ты чужую землю узрел, злыдень? – горячо возразил Арапов. – А Яицк на чьей земле ставили? Аль запомнил? А старуха Гугниха¹² откель взялась? Казаки мы – о сем завсегда помни, Петро. Мы Хосподом призваны сабелькой земли кайсацкие к росейским присоединять. Коль пришли на Сакмару, знать, наша энто земля, а не киргизская. Да кочевники на нее особливо не зарятся. Не любят оне лесов и рек. Им все степь подавай! А ешо как проведает про грамоту государыни, и вовсе хвосты подожмут. Несподручно им с Росейским государством силами мериться!

– Все одно у меня на душе неспокойно, – признался есаул. – Кажный день нападения жду. Ты же сам мне про стрелы сказывал, да и про киргиза на коне. Че энто значить могло?

– Черт его знат, што значит, – резко ответил атаман. – Сам ниче понять не могу. Да уж и денечков сколь прошло. Кабы степняки решили на нас походом идтить, давно бы уже здесь были.

Кочегуров рванул ворот рубахи, посмотрел в небо и вздохнул:

– Марит-то как!

На самом деле день был прохладный и ласковый, просто душу тяготила неопределенность. Сейчас бы он согласился оседлать резвого коня, взмахнуть саблей и вперед хоть на тысячу степняков разом. А вот так сидеть и ждать он не мог, с души воротило ожидание такое. Может быть, подкрадется косорылый киргиз ночью, свяжет и уведет за собою в плен на гибель бесславную.

– В Яицк весточку править не думаш, Василий? – спросил Кочегуров, желая услышать утвердительный ответ и то, что в Яицк атаман отправит именно его.

– Вестимо дело, кумекал, – ответил Арапов. – Вот токмо отрядить ково, ня знаю. Ужо всех не единожды перебрал, а так и не надумал.

– Туды надо б кого толкового слать, – осторожно посоветовал Петр. – Хто смог бы не на пальцах обсказать на круге потуги наши на Сакмаре. Вот я бы мог.

– Обожди, не скочи блохой-то, – резко отрезал атаман. – Таки, как ты, и здесь сгодятся. Крыгина, мыслю, сплавить, Гаврюху. Делов от него никаких, а напасти внешней рекой катятся. Да и случись што, положиться на него нельзя. Он токмо промеж своих остер да задирист, а киргизов узрит – от трясушки околеваает.

---

¹² Гугниха – былинная мать яицкого казачества.

– А мож, я все ж сплаваю? – нахмурился есаул. – Туды-сюды скоренько обернись!

– Нужон ты мне здесь, и весь ляд! – Начиная сердиться, Арапов сжал кулаки и уколол недобрый взглядом есаула. – Вот што, Петро, не легай мя под сердце копытом. Не сидячий ты на месте, ведаю о том. Но счас нужон ты мне здесь. Пошто, апосля обскажу.

Они помолчали, думая каждый о своем. О чем думал атаман, Кочегуров не знал, ну а сам... Отказ Арапова отпустить его в Яицк лишь раззадорил есаула. Ему страсть как захотелось сплавать в родной городок. И он напряженно ломал голову, пытаясь придумать, как убедить в этом атамана.

Спасительная мысль вновь вернула Кочегурову хорошее настроение. Решив действовать хитро, он, чтобы привлечь внимание атамана, озабоченно размышлявшего о чем-то, хохотнул, а когда тот скосил в его сторону глаза, хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Што ж, пуцай Гаврила, согласен! Токмо вот как подумаю, как он на круге наше бытие обскажет, смех разбирает, ей-богу.

– Думаш, не сможет? – после непродолжительной паузы спросил Арапов.

– Да он туг умишкой аль запамятовал, Василий? Гавря так обскажет об нашем бытие, што не токмо казакам, чертям тошно станет. Про хорошее он и словечком не обмолвится. Знать, будет сетовать об трудностях и че доброго приврет, чем отвратит возжелавших ехать на поселение. Разумешь?

– Дык послать боле некого, – озабоченно вздохнул атаман. – Хоть самому садись в будару – и айда.

– А што, поезжай, – хитро прищурившись, согласился Кочегуров. – Тебе казаки завсегда поверят, а вот Крыгину нет.

– Так ково ж послать?

– Коль меня при себе оставляшь, Степку пошли, – с готовностью посоветовал есаул. – Казачок он смышленный, а заодно и про Нюрку все проведат.

– Нет, так не пойдет, – как и ожидал Кочегуров, решительно отказался Арапов. – Мал он ешо, да и неопытен. Придется те до Яицка плыть, Петро. Ты знашь, как на круге казать и привлечь людей к переселению.

– Знамо дело, – как бы нехотя согласился есаул, радуясь своей находчивости и умению обвести любого вокруг пальца. – Казаки с нетерпением ждуть отсюда вестей. Все будет зависеть от того, кто энти вести доставит и каким боком преподнесет.

– Дело говоришь. – Атаман оживился и слегка подался вперед, что говорило о его нетерпении. – Поезжай, Петро, скатертью дорожка. Токо ты сможешь убедить казаков!

– Могу прям с утра и отчалить, – внутренне ликуя, а внешне скромно согласился Кочегуров.

– И то верно, неча тянуть. – Арапов резво вскочил и зорко оглядел дремлющий лагерь. – Токмо Демьяна и Евдокима здесь оставишь. Вниз по течению сподручно и одному бударой править.

Решение атамана не очень-то обрадовало есаула, но и не огорчило. В конце концов, не так уж и далек путь до Яицка, а при желании он сможет преодолеть его вдвое быстрее, если только не будет лениться.

14

Сабли со звоном скрестились. Поединок начался.

Никифор смел, ловок и горяч, а его противник храбр, силен и хладнокровен. Вначале бородатому гиганту стоило немалых усилий защитит себя от многочисленных ударов и атак казака, следовавших с молниеносной быстротой. Сабли сверкали так, что с клинков сыпался огненный дождь искр.

Окружающие молча следили за происходящим. Нюра прижимала к груди пистолет, который дал ей перед поединком Никифор, и напряженно смотрела на бойцов. На поляне царила зловещая тишина. Слышался только раздражающий звон оружия.

Но вскоре Никифор, чересчур рьяно вступивший в бой, стал ослабевать, удары его делались все реже, и, наконец, он вынужден был только обороняться.

Вдруг Нюра заметила юношу, который, подняв с земли увесистую дубину, незаметно заходил в тыл к Никифору. Его никто не остановил, так как все были поглощены поединком.

Но предательское поведение юноши не осталось без внимания опытного казака, и это разъярило его. Вложив остаток сил в удар, который он намеревался обрушить на голову противника, Никифор сжал рукоятку сабли обеими руками и... Он, словно сухую ветку, перерубил саблю бородача, который пытался парировать удар, и, стремительно развернувшись, бросился на оторопевшего юнца, явно не ожидавшего такого поворота событий.

Чтобы спасти юношу от верной смерти, мужики с ревом бросились вперед, но сделали это слишком поздно, так как сабля Никифора уже зависла над головой выронившего дубину и присевшего от страха паренька.

– Стой! – взревел раненым медведем его противник, отбросив в сторону обломок сабли. – Христом Богом молю, не губи отрока.

Занесенная для удара рука Никифора повисла в воздухе, и он, обернувшись, с недоумением уставился на грозного гиганта, который в считанные секунды превратился в жалкого и слабого старика.

– Сына пощади, прошу.

Не опуская сабли, Никифор хмуро осмотрел лица окруживших его плотным кольцом мужиков, но, не увидев в их взглядах враждебности, опустил руку.

Вздых облегчения пронесся над поляной, а предводитель отряда в мгновение ока оказался рядом и заключил казака в медвежьи объятия:

– О Хосподи, ежели слышь мя, отмерь этому воину многие лета.

– Полно тебе, дедко, – смутился Никифор, явно не ожидавший такого бурного проявления благодарности.

– Погодь, помолчи. – Старик прижал его к груди и воскликнул: – Позволь вознести молитву Хосподу, што остановил твою разящую руку.

Так и не убрав саблю в ножны, казак бестолково наблюдал за незнакомым ему обрядом. Он ничего не понимал, видя, как старик и прибывшие с ним люди, стоя на коленях, довольно долго возносили хвалу Богу, отводя сделавшиеся стеклянными глаза от небес лишь для того, чтобы прикрыть их, когда, отвешивая поклоны, касались лбами земли. Никифор даже не заметил, как подошедшая Нюра вложила ему в руки пистолет.

А когда обряд был завершен, старик поднялся с колен, провел по лицу широкими ладонями, после чего протянул руку и представился:

– Гавриил Дубов.

– Никифор Погадаев, – ответил казак, пожав протянутую руку.

– Спаси тя Христос, Никифор.

Казак увидел, как на глаза старика навернулись слезы.

– Ты спас чадо маво! Маво последнего и единственного сына спас ты, Никифор.

– Да я... я...

– Милости просим к нам в гости. – Бывший противник дружески положил тяжелую руку ему на плечо. – Мы здесь недалече квартируем.

Казак так и не нашелся что ответить. Его противник из врага в друга превратился так быстро, что он никак не мог понять этого.

Впрочем, вряд ли найдется на земле человек, который, находясь в отчаянном положении, отказался бы от подобного приглашения. Конечно же, казак принял его, что тут же было

скреплено дружеским рукопожатием. Ньюра, заинтригованная происходящим, напрочь забыла о всех своих горестях и снова, хоть и ненадолго, обрела радость жизни и какую-то надежду.

Усадив Никифора на коня одного из мужиков, а девушку сзади чудом избежавшего смерти сына, Гавриил отдал команду «в путь», и отряд покинул поляну.

15

Петр Кочегуров проснулся рано. Наскоро одевшись, он вышел из шалаша. И сразу ахнул: так чист и свеж воздух, так хорош лес в эту утреннюю пору.

Сквозь густую листву пробивались оранжевые солнечные лучи. Легкий ветерок со стороны Сакмары нежно колыхал листву. Хруст, шелест, таинственный шепот шел из пробуждающегося леса...

Есаул потянулся и полной грудью вдохнул кристально чистый воздух. Осторожно обходя сухие ветки, чтобы не разбудить спящих казаков, Петр пошел в направлении вырубki. Для чего? Да он и сам не знал. Просто захотелось прогуляться. Шаг за шагом он отходил от лагеря, и вскоре лес замкнулся вокруг него.

Прохаживаясь от пенька к пеньку, есаул подолгу разглядывал гигантские стволы деревьев, поваленные казаками, которые пока еще не успели перенести в лагерь.

Отломив ветку осины, Кочегуров поднес ее к лицу и с удовольствием вдохнул влажный, немного острый запах. Голова закружилась, и ему было приятно это. Окружавший его лес был каким-то вдумчивым, послушным и чутким. Он...

Есаул застыл на месте. Откуда-то послышался треск, словно сквозь лесную чащу пробиралось огромное животное. Лось? Медведь? Нет, он не испугался. Казаку часто приходилось охотиться на зверей, и встреча с любым из них не пугала его. Он знал, что, если будет стоять не шевелясь, даже самый агрессивный зверь не рискнет приблизиться.

Кочегуров прислонился к стволу березы и ждал. А треск сучьев и шелест раздвигаемых ветвей приближались. «Лось али медведь? – заработала мысль. – А может...»

Сердце екнуло и застучало так громко, что заломило в висках, когда из-за поваленного дерева показался не зверь, а древний старец, своим обликом точь-в-точь похожий на того, какого ему описывали поочередно атаман и Степка. Мгновение, и вот уже он показался весь. Ошибки быть не могло: седая борода до земли, шапка спутанных белых волос, маленького роста, сухое, жидкое тельце... Он действительно напоминал старого обтрепанного лешака, а не человека.

Вопреки своему убогому виду, старец довольно бодро шагал в направлении лагеря. Он был бос, но словно не замечал этого, наступая на острые сучья, которые с треском ломались, как под сапогами. Заметив казака, старец остановился, нелепо вытянул руки по швам и замер. Рубаха и штаны висели на нем, как на вешалке, но есаул не обратил на это внимания, будучи загнипнотизированным глазами невероятной голубизны.

– Ты откель взялся, хрыч старый? – пробормотал Кочегуров, едва слыша собственный голос. – Ты...

Старец лишь приподнял брови и продолжал разглядывать есаула. В его чистых, как безоблачное небо, глазах мелькнули огоньки. Но его лицо по-прежнему оставалось непроницаемым.

Кочегуров почувствовал дрожь в теле и нервно улыбнулся. Страх постепенно обволакивал душу, а сердце билось с неистовой силой.

Но старец не сделал ему ничего плохого. Постояв еще немного, он повернулся и пошел в направлении лагеря. Несмотря на сильный испуг, есаул заставил себя идти за ним следом. Но плохо слушающиеся ноги передвигались с трудом. Он видел старца впереди себя, но не мог догнать его. Моргая вдруг ослепшими глазами, Кочегуров не узнавал ни неба, ни земли.

«Лешак, черт, сатана», – прохрипел он, едва пошевелив губами, и сам испугался своего злоеющего шепота. Ему мерещилось, что кто-то чужой идет сзади, едва не наступая ему на пятки, и этот кто-то...

Есаул фыркнул по-звериному, освобождаясь от наваждения. Затем повел вокруг носом и отрывисто вздохнул. Он чувствовал, что страх все еще сжимает его стальным обручем. Кругом все было так ненадежно и страшно. Казалось, качалась под ногами сама земля. От страха Петру почудилось, что тепло оставляет его тело. Он судорожно ощупал себя. Нет, с телом все было в порядке. Лишь сердце стучало сильнее обычного.

Все было на месте. И земля не перевернулась. Впереди уже виднелся лагерь. Кочегуров увидел, как из шалаша вышел атаман, потягиваясь и подпрыгивая на месте. И еще он увидел околдовавшего его старца, который наблюдал за лагерем, укрывшись за чилигой.

Кочегуров ценил в жизни ясность, и до сих пор в его жизни все было понятно. Он привык поступать так, как должен поступать настоящий казак, и это давалось ему без труда – сказывалось усвоенное с пеленок правило казацкого бытия. Походы, защита границ – тут не могло быть ни сомнений, ни разногласий. Когда он с атаманом Араповым ездил в Петербург, чтобы заручиться высочайшим позволением на строительство сакмарского городка, тоже все было ясно. Они создавали новое поселение и тем самым расширяли границы России и проявляли заботу об их охране. И вдруг впервые он столкнулся с непонятным явлением, касавшимся его жизни. Ему не очень-то нравилось выбранное атаманом место, а особенно этот странный старик. Имеет ли он право плыть в Яицк, оставив горстку казаков в этом гиблом месте, когда неизвестно откуда может прийти беда? Вдруг кочевники нагрянут в любой час или чего доброго этот лешак бородатый наведет на людей порчу? Кому, как не ему, можно судить о колдовской силе старца, который...

Сковыивающее его оцепенение неожиданно прошло. Есаул еще раз внимательно посмотрел в сторону лагеря, но прячущегося за чилигой старца уже не увидел. Как он смог незаметно уйти, есаул так и не понял. Впрочем, нечисть покровительствует старому колдуну, оберегает и обучает всяческим козням против людей. И то, что он тайно крутится у стана казаков, говорит о многом. Был бы чист душой и помыслами, не скрывался бы за кустом, а вышел бы к людям.

Шагая к лагерю, Кочегуров уже думал не об отплытии в Яицк, а о том, что он казак, что его жизнь сплетена с казачеством – значит, у него не может быть ничего личного, не приемлемого казачеству. Он думал также, что нехорошо бросать товарищей на необжитом месте. Да и странное появление старца не сулило ничего хорошего. Тут же вспомнились рассказы о нечистой силе, которая только тем и занята, что денно и ночью подстерегает заблудших и губит их. Он думал обо всем сразу, потому что состояние крайней взволнованности, в котором пребывал, не позволяло отделить главное от второстепенного и навести порядок в мыслях.

Войдя в лагерь, есаул прошел мимо хлопотавших у костра казачек и поспешил на берег Сакмары, где обычно купался по утрам атаман. Он застал Арапова выходящим на берег из реки, посвежевшим и улыбающимся.

– Што, прощаться спешишь? Обожди ешо, вот...

– Я зрил его. – Перебив атамана, Кочегуров мгновенно оказался возле него и, присев на песок, кивнул в сторону леса. – Лешака зрил, об коем ты мне сказывал не так давно!

– Где? – насторожился Арапов.

– На вырубке... Он как поглядел на меня, разом воли лишил. Апосля ушел к лагерю и из кустов наблюдал за вами, а я будто ногами к земле прирос.

– Знать, опять объявился злыдень.

Атаман спешно оделся и присел рядом. Некоторое время он смотрел в сторону реки, после чего схватил есаула за руку и крепко сжал ее.

– Чую, неспроста он возля нас околачивается. Как бы отловить его и дознаться, пошто зверем округ стана бродит?

Они помолчали. Тяжело вздохнув, Арапов покосился на Кочегурова и спросил:

– Сдается мне, ешо што-то у тя есть сказать? Коли так, пошто медлишь?

Есаул поднял с земли камень, швырнул его в реку и сказал:

– Мысль имею не спешить в Яицк. Чую, беда над нами виснет, а случись што, и моя сабелька пригодится.

– Я тож неладное чую.

Атаман с грустью посмотрел в сторону леса и лагеря:

– Нутром чую. Которую ночь не сплю, от дум маюсь. Тоска гложет, а вида не подаю.

– А мож, зазря все энто? – Кочегуров встал на ноги и плавно провел рукой круг над головой. – Степь – вот што казаку жинка, кров и постель. Степь не выдаст, а случись што, прикроет, спасет. Ты не серчай, Василий, коли што не эндак брякну, но неуютно как-то в лесу ютиться. Воевать куды ни шло, а жить...

– Ты вона што. – Атаман резко повернулся и свирепо посмотрел на есаула. – Коли собрался в Яицк, скатертью дорожка, удерживать не стану. А коли с нами остаешься, так, гляди, не мели непотребностей. В последний раз предупреждаю, што с Сакмары я не сойду. А степняки не страшны мне. Как и...

Внимательно наблюдавший за атаманом Кочегуров увидел, как тот судорожно сглотнул, скрестил пальцы, но вполне уверенно закончил:

– Как и козни бесовы. Не уйду отсель, ежели даже сатана с киргизами супротив меня сговор учинят. Кишка тонка у нехристей с казаками тягаться.

По тому, как загорелись глаза Арапова, есаул понял, что он еще больше утвердился в своей правоте. И не боится он хвостатого да рогатого и не уйдет с Сакмары даже по прямому повелению императрицы-государыни. А это может означать только то, что восхитительные берега Сакмары станут им родным домом либо смертным одром, красивым, но чужим!

16

Лишь с наступлением сумерек возглавляемый Гавриилом отряд благополучно выехал из леса. Несмотря на преклонный возраст, старик все еще прямо и гордо сидел в седле. Когда оказались на равнине, Гавриил приказал держаться по возможности ближе друг к другу.

Схватившись за широкие плечи сына Гавриила, Нюра чувствовала себя отвратительно. Безграничная горечь наполняла ее сердце. Странно, но она уже не питала к Никифору прежней ненависти, с которой жила со дня своего похищения. Схватка на берегу озера, из которой казак вышел победителем, заставила ее по-другому посмотреть на своего похитителя. А его непредсказуемый поступок... Он же мог снести голову пареньку, но не сделал этого! Что остановило его? Страх перед неизбежной карой или в нем все же осталось что-то человеческое?

Незнакомому и новому для нее чувству Нюра не находила ни названия, ни объяснения. У нее разболелась голова. Ах, с каким удовольствием она легла бы сейчас, прямо не раздеваясь, на кровать. Сомкнула бы веки и...

– А ну стой! – прозвучал в ночи грубый окрик, и девушка почувствовала, как напряглось тело сидевшего впереди юноши.

– Энто мы, Степан. – Гавриил сошел с коня и взял его под уздцы. – Аль не признал атамана со товарищами?

– Как не признать, признал. – Голос сделался мягче. – С полудня ожидаю вас. Ужо думал, не стряслось ли што.

– Хосподь отвел беду от нас, слава ему! – Гавриил набожно перекрестился и вдруг насто-роженно заговорил: – Сказывай, што здесь стряслось? Помнитса, ужо отъезжая, я не велел те встречать нас в овраге.

– Кыргызцы объявились, будь оне неладны. – Мужик приблизился к старцу и встал перед ним навтыжку. – Как токо вы отъехали, так нехристи и объявились! Ужо давеча все Хоспода слезно просили, штоб не напали на лагерь басурмане каянные! Оне ведь...

– Где оне? Скоко их? – Задавая вопросы, Гавриил двинулся вперед, потянув за собой коня. – Как далеко расположились оне от нашего стана?

– Числа их не счесть, – принялся отвечать караульный по имени Степан, лица которого Нюра, как ни старалась, так и не смогла разглядеть в темноте. – Свой лагерь оне на другом берегу реки расположили супротив нашего. Гикают, скачут, но к нам покедова не суются...

– Пошто?

– Ня знай. Смекаю, узрели схорон наш у брода и не спешат на рожон идтить.

– Айда поглядим.

Гавриил вскочил на коня, и вскоре весь отряд рысью мчался к невидимому в ночи лагерю.

Скоро они подъехали к окруженным повозками шалашам на берегу реки и поспешили к костру, вокруг которого толпились люди.

– Ой, Гавриилушка возвернулся! – Стоявшая у костра высокая худошавая женщина при виде старца встрепенулась, раскинула руки и бросилась навстречу. – Ой, слава те, Хосподи, што ниспослал добрый путь и...

– Цыц, Марья, – Гавриил бросил в руки женщины поводья и, уклонившись от ее объятий, подошел к костру. – Авдей... Где Авдей, спрашиваю?

– Авдей переправу у реки сторожит, – охотно ответил из толпы мужской голос. – Щас зараз за ним сбегаю.

Трапезничали в темноте, так как по требованию Гавриила женщины быстро затушили костер. Затем Марья, не задавая лишних вопросов, отвела Нюру в шалаш и уложила на мягкую травяную постель, а сама ушла к людям, которые, позабыв о сне, продолжали толпиться у тлеющих углей. Девушке не спалось. Блуждающая по лагерю тревога передалась и ей, отчего сон сторонился ее уставшего тела. Ворочаясь с боку на бок, она пыталась расположиться поудобнее, чтобы расслабиться и уснуть. Но гул встревоженной толпы не давал ей покоя, и Нюра решила отдаться во власть воспоминаний, как того требовало истосковавшееся по родительскому дому сердце.

Едва вспомнив Яицк и отчий дом, Нюра уснула. И приснился ей странный сон, который вряд ли взялась бы объяснить даже соседка Агриппина, известная толковательница.

Девушка видела степь. Выжженную солнцем, но по-прежнему любимую. А еще приснился Степка, но видела она почему-то только его спину, а не улыбающееся доброе лицо, как бы хотелось.

Они шли полем. Все явственнее слышался глухой и злобный рокот, будто сыпались с обрыва камни. Но гор поблизости не было, а рокот был несмолкающий, упорный. Что это? Водопад?

Они вышли к реке. Широкая, быстроводная, она больше напоминала Сакмару, чем Яик. Но когда они со Степкой, взявшись за руки, подошли к берегу, течение реки вдруг сделалось тихим, и вода неслышно потекла среди поросших кустарником берегов.

Реку пересекал частокол. На доске, проложенной по частоколу, сидел человек. Другой стоял на берегу, то наклоняясь, то выпрямляясь, и мелодично выкрикивал:

– Божий венец! Божий венец!

Рокот был рядом, он шел от реки. Сперва Нюре показалось, что вся река усеяна черными блестящими камешками, которые вдруг ожили. Они двигались против течения с невероятной быстротой, сталкиваясь и налетая друг на друга. И еще...

Девушку разбудили сильный шум и выстрелы. Она сперва подумала, что это Никифор вновь рассорился с приютившими их людьми, чего вполне можно было ожидать от несдержанного и излишне горячего казака. Но шум доносился не со стороны лагеря, а от реки. Нюра

вскочила и прислушалась. Вперемежку с выстрелами уже ясно слышался лязг сабель. До слуха девушки донеслись испуганные крики: «Бегите, хоронитесь! Нам не сдержать кыргызов!»

Теперь Нюре все стало ясно. Кочевники, воспользовавшись темнотой, переправились через реку и встретились с готовыми к бою мужиками. Она также понимала, что ожидает ее в будущем, если киргизы одержат верх. Конечно же, они уведут всех оставшихся в живых в плен на пожизненные муки. Оставалось одно – отдаться воле Господа и спастись бегством. Если Бог поможет ей, она укроется в лесу и избежит непосильной доли, а если...

– Скоренько выходи. – Пригнувшись, в шалаш вошла женщина, которая привела ее на ночлег, и протянула руку.

– Постой, пообожди. Не одета я.

– На вот, платком обвяжись. – Марья сорвала с плеч платок и швырнула его в руки Нюры. – Да поспешай ты, покудова нехристи не пожаловали.

Почти невидимая при лунном свете узкая звериная тропинка шла лесом. Едва поспевшая за женой Гавриила Нюра как могла уворачивалась от хлестких ударов веток, которые решительно раздвигала сильными руками идущая впереди Марья.

Вскоре женщины вышли из леса на покрытую редким кустарником поляну. После короткой остановки вновь вошли в лес. За время пути никто не произнес ни слова. Когда перешли через мелководную речушку, женщина остановилась и, обратившись к Нюре, у которой со лба катился пот, сказала:

– Здесь и обождем.

– А где остальные? – спросила девушка, имея в виду женщин и детей.

– Оне уже далече. – Марья тяжело опустилась на ствол поваленного дерева и перекрестилась. – Им ужо ништо не угрожат.

– Так пойдем к ним? – Нюра не понимала, почему женщина решила переждать опасность наедине с ней.

– Не можно мне, – вздохнула та. – Здесь я все ближе к Гавре буду!

Далее случилось что-то невероятное. Марья всплеснула руками и упала на землю прямо у ног вздрогнувшей от неожиданности девушки. Но Нюра быстро взяла себя в руки, безошибочно определив симптомы болезни, от которой страдала ее мать.

Присев рядом с извивающейся в жесточайших конвульсиях женщиной, она провела ладонью по ее лбу и щекам. Лицо Марьи было холодно. Нюра нежно приподняла ее трясущуюся голову. Женщина немного успокоилась и притихла. Черты ее лица были еще пока безжизненны. Прямой нос, четкие губы, закрывающие глаза веки с прямыми ресницами. В волосах запутались мелкие ветки.

– Мама, мама! – горестно всхлипнула Нюра, вдруг увидев в женщине свою мать. – Мама, ужо минует все...

Марья медленно открыла глаза и, нащупав руку девушки, сжала ее:

– Што ты щас казала?!

– Мама, – прошептала Нюра и еще раз всхлипнула. – Она... она...

17

Когда слышались возбужденные крики и шум яростной схватки, оставшийся у потухшего костра Никифор вскочил. Гавриила рядом не было. Вместе с сыном и мужиками он ушел к реке, совершенно позабыв о своем госте.

Слыша выстрелы и звон клинков, Никифор все же колебался – принять ли ему участие в битве или спокойно ждать в сторонке ее конца. В обоих случаях была обратная сторона. Если победят кочевники, в чем он в общем-то не сомневался, его с Нюрой уведут в плен. А если все

же победят приютившие их люди, как потом смотреть им в глаза? Да, он их недолюбливал, но разве может казак отсиживаться в лагере?

Разумнее всего было отыскать Ньюру и потихонечку уйти, пока это сделать было еще возможно. Но Никифор не ушел.

Пробудившееся внутри непонятное чувство вдруг заставило его выхватить саблю и поспешить к реке, где, как он был твердо уверен, обороняющиеся очень нуждались в его помощи.

Грозно размахивая саблей над головой, он со страшным криком вклинился в самую гущу боя. Беспощадно рубя выскакивающих на берег всадников, с перекошенным лицом он метался по берегу. Вдохновенные боевым духом Никифора мужики, которые до его прихода собирались было отступить, вновь ринулись в бой.

Острая сабля в крепкой руке казака ловко разила визжащих кочевников, сверкая в самом центре сражения. Рубя врагов, он неожиданно понял, что заставило его вступить в бой. Нет, не благодарность к приютившим их людям. И даже не желание блеснуть своей удалей. Надежда быть убитым – вот что толкнуло его к берегу с саблей наголо.

Да, Никифор искал смерти! Печаль по невинно убитому брату сжигала душу. Только смерть могла унять эту мучительную боль, а потому...

– Браты, а нукоь подмагнем герою! Подналяжем на нехристей, браты.

Пробившийся к казаку Гавриил сильным ударом выбил из седла кочевника и непрошибаемой горой встал рядом с казаком.

– Секи, руби, рви нехристей до смерти! Никово ня щадя, таков наказ мой!

Натолкнувшись на мощный отпор малочисленного противника, киргизы занервничали. Они растерянно заметались по берегу, явно борясь с желанием уйти обратно, на противоположный берег. Взбодренные намечающимся успехом мужики, сплотив ряды, предприняли контратаку. Плечо к плечу они смело ринулись вперед, размахивая саблями. И даже при слабом свете луны были хорошо видны их полные решимости бородатые лица.

– Ванька, отсекай... От реки отсекай змиев! – Гавриил, успевая рубить киргизов, одновременно наблюдал за всем, что происходило вокруг, и громкими выкриками отдавал приказы. – Ноги коням секите, а нехристей апосля дотюкаем!

– Пошто стоите? – вторил ему разгоряченный Никифор. – Колите пиками поганцев! Лупите их в хвост и гриву!

Предводитель орды, желая преломить ход боя, который начал складываться не в их пользу, взмахнул саблей и, прищпорив коня, ринулся на Гавриила. Он старался подобраться к нему сзади, чтобы срубить голову силача. Но Никифор молниеносно разгадал коварный план степняка. В мгновение ока он оказался у него на пути и вонзил в его грудь саблю по самую рукоятку.

Этот смелый и решительный поступок сразу решил исход битвы. Оставшиеся без предводителя кочевники повернули коней и ринулись в реку, подгоняя уставших животных острыми шпорами. А выигравшие тяжелую битву мужики, проводив их криками и улюлюканьем, сгрудились вокруг Никифора, во всеуслышание восторгаясь его невиданной доблестью.

Последним подошел Гавриил. Не церемонясь, он растолкал могучими плечами своих соратников, бросил саблю и обнял казака:

– Поистине Хосподь прислал тя к нам, воин, в пучине тяжких испытаний! Ты спас нас всех от гибели и позора, герой! Кабы не ты, – его голос дрогнул, и преисполненный чувств великан уткнулся лицом в плечо Никифора, – кабы не ты...

– Будя... будя. – Не зная, что сказать, казак заключил Гавриила в ответные объятия. – Вишь, не зазря маялись. Гляди, сколь кыргызцев порубали – пропасть.

– Оно ниче. Я щас. – Гавриил шмыгнул носом, утер кулаком глаза и, справившись со слабостью, грозно оглядел толпившихся вокруг мужиков. – Но чаво уставились? Пошто бельмы лубошные пялите? Эвон трофею скоко валяться. Все собирайте – и в стан.

– С конями што деять, батько? – спросил кто-то из мужиков.

– Резвых словить, а хворых прирезать. Да, ешо об калеченых позаботьтесь... Авдей, где опять ты носит? Так и ведай, за все с ты воспрошать буду.

Затем он подошел к реке, вошел по колени в воду и погрозил кулаком едва различимому в ночи противоположному берегу:

– Ото бисово племя! Ешо носы сунете, самолично ямгурчей¹³ ваш поганый навещу и всех порешу от мала до велика!

Облегчив таким образом душу, Гавриил обмыл водою саблю, бережно убрал ее в ножны и, словно спохватившись, встревоженно оглядел берег:

– Тимка, хде ты? Пошто отцу на глаза не кажишься?

– Ково энто ты кличешь? – спросил Никифор, проделав то же, что и старец. – Уж не тово «удальца», што мне в спину дубьем заладить норовил?

– Ево, ево, – закивал Гавриил. – Один-разъединственный он у мя остался...

– Аль много было? – нахмурился казак, не удержавшись от нежелательного вопроса.

– Сколь пальцев на руках обеих. Да дочка тож была, – ответив, Гавриил тяжело и протяжно вздохнул. – Всех Хосподь прибрал, соколиков. Кто в боях пал, кого хворь скосила. Тимоха вот остался, младшенький. Берегу ево пуще ока! Ну, хде ж его носит?

Присев на прибрежный камень, Никифор хмуро наблюдал, как Гавриил бродит по берегу, разыскивая сына среди усеявших берег трупов. К нему вновь вернулась злость на мужиков, особенно на юнца. И тут он вспомнил убитого брата, чье имя носит и этот...

– Сыскал, сыскал, – выбежал из кустов мужик, которого Гавриил во время боя называл Ванькой. – Вона тама лежит, поспешайте.

Когда Никифор приблизился к окружившим своего предводителя мужикам, Гавриил плакал навзрыд и причитал:

– Ой, не уберег я тя, зернышко мое... Как матери теперя в глаза глядеть-то буду? Ой, горе мне горькое... Последний отрок с жистью простился.

Никифор встал на колени рядом с Гавриилом, наклонился и приложил ухо к груди парня. Биение сердца прослушать не удалось, и он выпрямился. Затем коснулся пальцем губ Тимохи и почувствовал, как они чуть вздрогнули.

– Он жив! – объявил казак неожиданную и радостную весть. – Токмо без памяти он.

– Оглаушило, – присел рядом Иван и провел ладонью по лбу юноши. – Не коснулась ево сабелька басурманская. Эвон и лежит в сторонке.

– Эко угораздило, – посочувствовал со вздохом кто-то в толпе.

Гавриил припал ухом к груди сына, разорвав на нем рубаху. Сердце стучало медленно, будто задумчиво, но стучало.

– Жив она, – пробормотал Гавриил, не веря своим словам, и спешно, словно устыдившись, размазал по щекам слезы.

Прибежал от реки один из мужиков, принеся воду в пригоршне. Тимоху осторожно ощупали – было ободрано плечо, и все. Воду вылили на лицо юноши, а кто-то еще положил ему на высокий чистый лоб смоченный водою платок, отведя рукой курчавые пряди волос.

Приходя в себя, Тимоха вздохнул протяжно и жалобно.

– Оставьте нас, – шепотом распорядился воспрянувший духом Гавриил. – Идите к молитве готовьтесь, а мы щас...

---

¹³ Ямгурчей – становище.

Мужики неохотно разбрелись кто куда. Но Никифор остался рядом с парнем, правда, из уважения к его отцу немного отошел.

– Тимоша, – тихо позвал Гавриил и нежно провел рукой по голове сына.

Его веки заколебались. Легкое дуновение жизни пробежало по лицу. Он с усилием открыл глаза, вздохнул и сразу же поморщился от боли. Гавриил заботливо пригладил платок на его лбу. В ответ сын беспомощно улыбнулся ему. В порыве благодарности старец склонился над ним и поцеловал в лоб.

Когда он поднимался с колен, Никифор с угрюмой ухмылкой подхватил его под руку и с неприязнью взглянул на Тимоху, заподозрив его в том, о чем не хотел распространяться во всеуслышание, особенно при отце, который в своем чаде души не чаял.

18

Дабы заглушить тоску по Нюре, Степка всячески загружал себя работой: рубил лес, помогал женщинам, обеспечивая их водой и дровами, охотился, рыбачил, а также охранял лагерь.

И получилось так, что тоска исчезла. Все чаще он чувствовал себя счастливым, а свою жизнь – полнокровной и богатой.

Между тем казаки готовились закладывать первый сруб, которым по всеобщему замыслу должна быть атаманова изба. Благо бревен заготовили достаточно для строительства. Результаты общих усилий с каждым днем становились все нагляднее. И казаки становились счастливее, веселее, удовлетвореннее.

Трудовой день на берегу Сакмары начался как всегда. Дружно проснулись с первыми проблесками зари, наспех перекусили – и на поляну сообща размечать землю под будущие строения. До обеда работали. Никто не знал, что именно будет этим днем, но почему-то все чего-то ждали.

И вот уже поздно вечером, наполнив вековую тишину, раздался подозрительно знакомый и в то же время непонятный звук. Набирая силы где-то в верховьях реки, звук все расширялся, разносился над вершинами деревьев, свободно летя над гладью Сакмары, забираясь далеко и вспугивая озадаченных птиц.

– Дык ведь энто выстрелы! – первым высказал свое предположение Данила Осипов.

– Да будя те, варнак, несть што ни попадя, – тут же съязвил Крыгин, но не так уверенно, как обычно.

– Истинно палят! – Степка привстал с бревна и вытянул шею, прислушиваясь.

Ну, как можно было сразу не узнать бывалым рубакам – ведь бой это! Самая что ни на есть сеча!

И казаки, вскочив со своих седалищ, не разбирая дороги, бросились к берегу реки.

Десятки глаз напряженно вглядывались в ночную тьму вверх по течению, откуда уже более отчетливо слышался далекий, немного подзабытый, но узнаваемый всеми шум боя.

Когда он смолк, атаман дрогнувшим от волнения голосом крикнул: «За оружие, братья!» «За оружие! За оружие!» – поддержали казаки.

Вооружились довольно быстро: сказывалась усвоенная годами привычка. Даже казачки взяли в руки топоры, косы, вилы и полные решимости встали рядом с мужчинами.

Никто не уходил из лагеря. Потушив костры, сидели в полной темноте и ждали. Нетерпеливые шелкали курками пистолетов и ружей, проверяли, все ли в порядке. Охваченные все растущей тревогой, поселенцы страстно желали наступления утра, когда уже можно было бы видеть опасность, которая, как никто не сомневался, им угрожала.

– Ничаво, – сказала Агафья Рябова, пересиливая страх и судорожно сжимая руку Акулине, – ничаво. Гдей-то далече бьются. За ночь до нас докатятся.

– Замолчь, лярва! – рыкнул на жену Степан. – Степняки што зайцы. Ныне здесь – завтра...

На рассвете хлынул ливень. Он хлестал до позднего утра, а потом выдохся и поливал землю мелкими обессиленными струями.

Кочегуров проверил пушки и, осторожно ступая по скользкой, размытой глине, приблизился к казакам, которые, прячась от дождя, расположились под раскидистыми ветвями огромной осины.

– Мое почтенье вам, братья-казаки! Ужо утро на дворе, а ворогов не видно.

Покрасневшее от ветра мокрое лицо есаула было по-мальчишески весело.

– Сдается мне, степняки ужо друг с дружкой сцепились. Мож, не поделили што?

Арапов не ответил. Думая о чем-то своем, он вытянул руку вперед, наблюдая, как редкие капли дождя барабанят по широкой ладони. Сидевший рядом Степка с любопытством разглядывал его лицо, полускрытое натянутой до самых глаз шапкой.

– Поделом, пуцай друг дружку полосуют, нам легче станется осилить их. – Высказав фразу, Гурьян легко вскочил и поспешил навстречу жене, которая, сгибаясь под тяжестью коромысла, несла воду.

– Ай, верно грит. – Степка лихо выхватил из ножен саблю и с любовью провел по клинку. – Пуцай токо сунутся, вражины! Мы их...

Кочегуров, улыбаясь, смотрел на храброго юношу.

– Мож, сплаваем да поглядим хто нам ночью спать мешал? А?

Это было сказано шутливо. Но в серьезных вопросах атаман Арапов шуток не понимал. Он решительно сдвинул шапку на затылок и окинул есаула благодарным взглядом:

– Дело говоришь, любо слушать. Я вечор о том же думал!

Хотя рассвет долго терялся за темной пеленой дождя, но все-таки пробился сквозь нее. Наступило бледное утро. К полудню и вовсе прояснилось. По обновленному небу поплыли белые прозрачные облака. Жаркое летнее солнце ощупывало мокрые деревья, шалаши, землю, людей. И куда девались усталость, раздражение, лихорадочный озноб от бессонницы и холода?!

Казачки занялись приготовлением обеда, а казаки сносили бревна к середине поляны, на которой колышками было отмечено место под строительство избы. Бревна были сложены высокими штабелями. То и дело за одним бревном валилась целая куча, и тут же приходилось отскакивать, чтобы не сбило с ног, не ударило, не отдалило пальцы. После тревожной ночи работа шла, как никогда, напористо и зло. Но казаки не роптали. Каждый знал, что чем быстрее они построят хоть какое-то укрытие, тем легче будет держать оборону от степняков, которые скоро обязательно появятся. В их дружелюбие не верил никто, особенно после ночного боя в верховьях реки.

– Ково с собой возьмешь? – спросил Арапов есаула, который при полном вооружении вышел из шалаша, собираясь идти на берег.

– Ня знай, – пожал тот плечами.

– Мож, свово Демьяна и Евдокимку Пегова?

– Пуцай здесь остаются. – Кочегуров хитро улыбнулся. – Они по плотницкому делу охочи, вот и пуцай себе тешатся. Я ж Степку возьму да Гурьяна, коль ты дозволишь.

– Бери.

Атаман поморщился. Ему жаль было отпускать Куракина, сильные руки которого так нужны для строительства. Но и более сильного гребца, который один мог запросто заменить шестерых на веслах, едва ли можно было сыскать среди казаков.

Предупредив Степку и Гурьяна о предстоящем деле, Кочегуров присел рядом с Араповым, который угрюмо смотрел куда-то вдаль, оперевшись локтем о борт будары.

– Будя хмуриться, Василий! – Он несильно ткнул атамана кулаком в плечо. – Хде наша не пропада...

Арапов очнулся от своих мыслей. Надо было решать. Он с утра обдумывал и все-таки не знал, стоило ли отпускать есаула в верховья. Но, видимо, благоразумие взяло вверх над осторожностью и сомнениями, и после небольшой паузы он сказал:

– Далече не заплывайте! Как уразумеее што и как, зараз вертайте.

Кочегуров покосился на свои щегольские сапоги, потом махнул рукой:

– Рано нам в могилы, Василий. А на бударе нас не достать ни каракалкам, ни кайсакам, штоб им лопнуть.

– Сплюнь, штоб беду не накликачь. – Атаман перевел взгляд на приближающихся Гурьяна и Степку, после чего с тяжелым вздохом поднялся. – К берегам не чальтесь, середины держитесь. Киргизы вплавь вас не возьмут, но их стрелы дюже востры.

– Што казаку стрела вражья? – Кочегуров вошел в спущенную на воду будару и, улыбнувшись, подмигнул атаману. – Их стрелы для нас щепки бесполезные, ковылинки пересохшие...

– Храни вас Хосподь, робяты! – Арапов еще раз тяжело вздохнул и перекрестил отплывающую от берега будару. – Живыми вертайтесь, Христом Богом прошу.

19

Никифор увидел Нюру сразу, как только она, сопровождаемая женой Гавриила, вернулась в лагерь. Тонкая белая рубашка на ней была порвана. Девушка неуклюже куталась в большой грубый платок и испуганно смотрела на происходящее в лагере. Казак с оторопью взглянул на девушку и, дрогнув от радости, приметил, как, побеждая испуг и боль, она на мгновение улыбнулась ему одними глазами. Задыхаясь, он подбежал к ней и, заключив ее в объятия, оторвал от земли. Нюра была тонка и легка. Волнуясь от прикосновения к ее телу, он наклонился и хрипло сказал:

– Слава те, Боже милосердный! Жива, жива моя голуба!

Нюра, все еще продолжая вздрагивать от испуга, тихо выговорила:

– Спасибо Хосподу, что и ты жив, Никифор!

Казак не смог сдержаться – губами вытер капельку крови с ее поцарапанного лба. И тут же замер от страха и счастья. Девушка прикрыла глаза: «А я... а я...»

Никифор задохнулся и замолчал. Нюра плотно сжала губы и не смотрела на него. Продолжать разговор вдруг стало невозможно. Они ухватились за то, что было спасением для обоих.

– Как проведали об том, што мы от кыргызов отбились? – заговорил Никифор, едва справляясь с дрожью в голосе.

– Мальчонка сообщил, – немного оживившись, ответила Нюра.

– Э-э-э...

Казак вздрогнул, когда за его спиной несколько голосов затянули молитвенный гимн в знак траура по убитым, схватил девушку за руку и увлек за собой к повозкам, где, видимо, собирался сказать что-то для себя или для обоих очень важное. Убедившись, что население лагеря собралось на молитву и им никто не помешает, Никифор взял Нюру за руку, проникновенно посмотрел ей в глаза и после короткой паузы спросил: «Все об нем думаешь?»

Девушка поняла, о ком спрашивает ее казак. Она передернула плечами и не ответила.

– Пошто молчишь?

Нюра искоса поглядела на его сделавшееся страшным лицо. Она знала, какие чувства питает к ней Никифор. Но ей это было не нужно. Не пара он ей, изгой женатый! Он зол, вспыльчив, непредсказуем. А она боялась нервных, неуравновешенных людей. Все, что девушка сейчас хотела, так это покоя. Но только не объяснений с вспыльчивым казаком, которого она...

– Нюр, обоим нам нету возврата, чуешь? – Никифор смотрел на нее с улыбкой. Он словно прочел ее мысли и верно истолковал их для себя. – Я изгой, а ты... Нихто в Яицке не поверит, што я не тронул тебя. Даже он, Степка, племяш мой.

– Тады удавлюсь я! – выпалила девушка и втянула голову в плечи, словно испугавшись собственных слов.

Казак смотрел на нее несколько минут и молчал, словно что-то обдумывая. Затем он отпустил ее руки и печально хмыкнул:

– А я как же?

– Как хошь, – ответил она отчужденно.

Странно, но Никифор как будто снова выведаль ее мысли. По его вдруг озарившемуся лицу Нюра поняла, что он видит, как она противится этой отчужденности. Но ее голос сказал резко, чем ей хотелось бы:

– Токо посмей коснуться меня, душегуб! Зараз удавлюсь на ближайшей березе.

Разочарование и раздражение отразились на потемневшем лице Никифора, и Нюра сбивлась. Луч превосходства, мелькнувший в его глазах, вдруг лишил ее былой уверенности. Она сбивчиво заговорила, забывая подчеркивать каждое произносимое слово и обрывая мысли:

– Чево... чево ты, сатан? Кыш... кыш от меня ты, каржинный сын. Я вот те дам...

– Ох-ох-ох! – воскликнул Никифор, шутливо хватаясь за голову. Он, видимо, совсем ей не верил. Девушке хотелось вызвать в нем злость, ей хотелось, чтобы он защищался. Она сжала кулачки, нахмурила брови и воскликнула:

– Прочь... Ну-ка, посторонись, нехристь!

Лицо Нюры запылало от возбуждения, ноздри раздувались, было похоже, что она вся готовится взлететь на воздух.

Казак поморщился. Ему уже было несмешно. Бурный поток упреков озадачил и разозлил его. Он недобро повел глазами, обнажил зубы в хищном оскале и, сжав ладонью рукоять сабли, сказал:

– Коли так, уйду я. Нынче же уйду куды глаза глядят! Ну а ты, – он кивнул в сторону молящихся и ухмыльнулся, – а ты здесь оставайся с кулугурами¹⁴. Они тя зараз вразумят, как жить по ихней вере. Небось и без мужика не оставят, кой двумя перстами чело хрестит.

– Ты... – Нюра замолчала, задыхаясь. Сердце болело и нервно прыгало в груди. Слова казака добрались-таки до ее сознания, и у нее потемнело в глазах от их ужасного смысла. – Кулугуры? Мы...

– Да, нас приютили кулугуры! Аль не слышишь, как оне молитвы чтут?

Никифор сел на землю и опустил голову, а Нюре на мгновение даже стало жалко его. Ее вновь охватил порыв нежности. И к кому? К злыдню, загубившему ее жизнь? К братоубийце, к изгою, который...

Казак поднял голову, и девушка поняла по его лицу, что он сильно устал. Ей вдруг захотелось утешить, приголубить его. И вдруг все рухнуло. Никифор посмотрел на солнце, на молящихся неподалеку кулугуров и сказал с холодной и снисходительной улыбкой:

– Што ж, насильно мил не будешь. Пойду я. Прости, коли сможешь, Нюра.

Девушка слушала, покраснев. Перспектива остаться у кулугуров вовсе не пугала ее. Среди людей ведь, а не среди волков. Что-то иное волновало ее, раньше незнакомое. Ее душило возбуждение, казалось, что сердце подкатывает к горлу. Это было странное ощущение. Оно бывало и раньше. Но сейчас ей нечем было успокоить себя.

– Хосподи, как я устала, – сказала она, оседая на землю. – Делай што хошь, Никифор, токо не мучь меня...

Между тем кулугуры завершили молебен и принялись хоронить павших в ночном бою. Вначале они захоронили своих, которых оказалось всего пятеро. Распевая псалмы, уложили каждого в отдельную могилу, засыпали землей, а на холмики водрузили наспех сколоченные кресты.

---

¹⁴ Кулугуры – одна из ветвей старообрядчества.

Что касается степняков, так их тела просто свалили в глубокую яму, засыпали, как прошлогодний мусор, и забыли, словно их и не было вовсе.

Но забыли только мертвых, а не живых, которые в любую минуту могли появиться в лагере, но уже большим числом. Это понимали все, но более всех предводитель Гавриил, который мрачнее тучи ходил по лагерю, отдавая необходимые распоряжения.

Увидев Никифора, который собирался отойти от повозки и сидящей на земле Нюры, Гавриил всплеснул руками и быстро подошел. Даже не взглянув на девушку, он обнял казака за плечи, отвел в сторону и спросил:

– Как думаш, степняк седня объявится?

Вопрос прозвучал мягко, выразительно и почтительно, словно младший обращается за советом к старшему. Для давно не слышавшего доброго слова Никифора это стало такой неожиданностью, что он смутился и сдержанно ответил:

– Ежели силами соберутся, превосходящими нас, то осмелятся и днем объявиться.

– Худо дело. – Гавриил нахмурился и недобрым взглядом посмотрел в сторону реки. – Вот мыслю на тот берег податься. Ежели кыргызы напасть замыслят, знать, на этот берег гдей-то недалече переправятся. А мы... мы на тот. Тама и лес гуще, и оборону держать легше.

– Я тож эдак мыслю, – соврал Никифор, чтобы не потерять в глазах старца уважения к себе и откровенно удивляясь его здравой мысли. – Токо поспешать следут. Солнце вона как высоко, а вязать плоты...

– Нет нужды в том. – Гавриил невесело улыбнулся в свою широкую бороду и хитро сверкнул глазами. – Плоты связаны и припрятаны. Аккурат седня мы собирались на тот берег плыть, да вишь Хосподь беду-то отвел. Кабы степняки вечор не напали, а выждали, дык в самый раз к ним в полон и пожаловали бы. Во как!

– А мож, и ныне спешить не след? – засомневался, сам того не ожидая, Никифор. – Мож, степняки и не разумеют вовсе, как мы, а сидят себе высиживают на том бережку и силы копят? Оне теперя так просто от нас не отстанут.

– Мож, так оно и есть, но я тож малость сведущ в их повадках. – Гавриил проводил взглядом спешащую к Нюре жену. – Кыргызы не блещут как доблестью, так и способностями мыслить. Оне думают щас, што мы от реки в степь двинем. Про плоты оне не ведают – ночами вязали. А река Сакмара широка, быстра и глубока. Брода почитай за сотню верст не сыщешь. Вплывь на конях переправиться ешо можно, а скарб? Телеги на себе не перетащишь, во как!

– Думаш, оне выше по реке переправятся? – снова удивившись мудрости старца, уважительно спросил Никифор.

– Иначе им не можно. Река быстра и зараз на много верст вниз снесет. Оне вечор, кады на нас шли, с верхов на конях заплывали.

– А твои плоты куды вынесет, ведашь?

Казак бросил быстрый взгляд на Нюру и заботливо обнимающую ее Марью, после чего быстро перевел его на уже более весело улыбающееся, довольное лицо Гавриила.

– Дитю ясно, нет, – замотал головой отважный предводитель кулугуров. – Ведаю, на тот берег, а куды именно – Хосподь укажет!

– Тады неча лясы точить. – Никифор ответил Марье, исподлобья смотрящей на него, злобным взглядом и, едва не плюнув в ее сторону, отвернулся. – Ежели кыргызы вверх заплывать поскакали, то зараз и нам время приспело поспешать.

– Об том ведаю. – Гавриил согласно кивнул и доверительно взял его за руку. – А вот ты с жинкой как? Врозь аль с нами?

– Пошто выспрашиваешь? – удивился казак.

– Воин ты знатный. А щас кажная сабелька кстати, а особливо в твоих руках.

Прежде чем ответить, Никифор задумался. Теплые слова о его доблести наполнили сердце радостью. Вот только... Он посмотрел на Ньюру и в ее внимательно наблюдавшие за ним глаза, после чего пожал плечами и вздохнул:

– Куды от вас денешся, покудова вражина недалече. Но задержусь не надолго. Как токо беда минует, уйду и я. Ведет меня нужда в края дальние, а путь туды, ведомо, неблизок.

20

Когда плоты перетащили из зарослей на воду, Гавриил собрал всех своих последователей.

– Но, – сказал он, – хочу вразумлять вас, братья. Я хочу обспросить вас. Вы меня знаете?

– Знаем! – дружно крикнули кулугуры.

– Доверяете мне?

– Доверяем! Доверяем! – На удивление Никифора вместе со всеми кричала и Ньюра, бледная от возбуждения.

– Мытарства наши и беды токмо зачинаются, – сказал старец. – И опасуюсь я, што все мы их не в полной мере разумеем. Не готовы мы к эвоным. Хосподь послал нас в путь ради сохранения веры и спасения от гонителей. И угодно ему даровать нам сии испытания ради проверки крепости веры и духа нашего. И Христу угодно какими ешо наградить нас лишениями впереди. Недалече осень, а за нею грянет зима лютая. И нужда нам великая посему место удобное сыскать...

Он долго говорил о том, как много надо перенести, преодолеть, чтобы в кратчайший срок обеспечить себя надежной крышей над головой и защитой от нападений врагов. Сход шумел, одобряя каждое его слово. Гавриил знал, что делал. Своей пламенной речью он умело вдохнул надежду в сердца усомнившихся, укрепил дух уставших, а в заключение благословил всех и подал команду грузиться на плоты.

Как только плоты поочередно друг за другом отчалили от берега, погода резко испортилась. Солнце заволокли свинцовые тучи, и вдруг, точно вдребезги, разлетелось небо.

Раскатистый удар обрушился прямо на головы притихших от страха людей. Порыв ветра пронесся над плотами, за которым последовал второй и третий. А над головами, треснув по извилистой кривой, словно раскололось небо. И тотчас вслед всех оглушил ужасный грохот.

– Свят, свят, свят, – неистово молилась, сидя на вещах, Марья, левой рукой прижимая к груди перепуганную Ньюру.

– Рагуйте, братья! – перекрикивая бурю, вещал басом Гавриил, изо всех сил налегая на шест. – То Хосподь весть нам благую шлет. Всем ведомо, што гроза завсегда гремит тады, кады рабы Божьи творят себе и Хосподу во благо!

Снова загрохотал гром. Ослепительная голубовато-белая молния прорезала небо и уткнулась острым концом в воду перед плотом. Умный старец использовал и это явление природы себе на пользу, во всеуслышание объявив, что чудо это не что иное, как перст Божий.

Паства, конечно же, безоговорочно поверила ему. Но когда гром затих, люди с облегчением вздохнули.

Однако это было только начало. Уже скоро природа разыгралась всерьез. Синие прорези молний непрерывно полосовали небо, бросая мимолетные отблески на прибрежные деревья, на головы переправляющихся на плотях людей. И вслед за каждым проблеском молний следовало оглушающее сотрясение воздуха, заставлявшее пригибать головы и съеживаться, чтобы не раздавило, не опрокинуло навзничь или в воду.

Прижавшись к Марье, Ньюра плакала, пронзительно вскрикивая всякий раз, когда синее пламя озаряло небо. А Никифор... Он угрюмо налегал на шест, начиная уставать от напряжения, ничего не слыша от грохота и ничего не видя от мерцания молний. Он молил про себя Бога о спасении, но вовсе не боялся умереть под ударами стихии, ибо считал скорую смерть

неким благом, ниспосланным во искупление всех его смертных грехов. И еще... и еще он думал о Нюре, ради которой в общем-то и согласился временно примкнуть к кулугурам, чтобы набраться сил перед долгим переходом на Дон. Он верил, что найдет там свое счастье, восстановит доброе имя.

Снова мощным порывом пронесся ветер. Молния осветила большую темную тучу, надвигающуюся с низовой реки. Вдруг она развернулась на половину неба и стала быстро приближаться. Порывы ветра участились, освежая воздух и неся на своих крыльях предчувствие беды.

Вскоре, когда плоты, скрипя и повизгивая, достигли середины реки, надобность в шестах отпала, так как невозможно было достать дно. В ход пошли огромные весла. Никифору пришлось встать рядом с Гавриилом, который самозабвенно перекрестился, поплевал на ладони и медвежьей хваткой ухватился за весло.

– Ниче, выдюжим! – прохрипел старец осипшим голосом и принялся вертеть тяжелым веслом, как игрушкой, словно и не нуждаясь в помощи напарника.

Яростные вспышки молний озаряли напряженные руки налегавших на весла людей, их склоненные спины и угрюмые лица. Раскаты грома неистовствовали над их головами. И вдруг, словно прорвав невидимую преграду, с неба хлынула вода. Нет, это был далеко не дождь. Это лилась река, сплошная и неудержимая. В мгновение ока люди промокли с ног до головы.

Началась суматоха. Если бы не грубый окрик Гавриила, все побросали бы весла. Но уважение к старцу, видимо, было так велико, что кулугуры не посмели его послушаться и продолжали грести, чтобы сдвинуть плоты в сторону медленно приближающегося противоположного берега.

Матери кутали в промокшую одежду перепуганных плачущих детей и прижимали их к себе. Женщины, что постарше, изо всех сил сдерживали перепуганных лошадей, которые неистово ржали и порывались прыгнуть с плотов в воду. А ливень лил не переставая, словно над головами несчастных расположилось целое море.

– Ешо, ешо немного стерпите, братья! – хрипел неизвестно кому Гавриил, не замечая, что его никто не слышит. – Испытание... Хосподь...

Плот уткнулся бортом в берег. Все, кто был на нем, повалились на мокрые бревна. Несколько гребцов, не удержав равновесия, свалились в воду.

Цель была достигнута – переправа через реку состоялась. И, словно по волшебству, ливень внезапно прекратился, ветер развеял тучи, и высоко в небе приветливо засияло солнце.

– Чудеса! – очумело вытаращился на небо Никифор. – Энто што, мне чудится?

– Кабы так. – Гавриил отбросил весло и, встав рядом с казаком, внимательно осмотрел заросший густым кустарником берег. – Хосподь указал нам путь, помыл его водой с небес, и сее может означать токо одно – молитвы наши услышаны, и мы на верном пути.

– Воистину чудо! – Никифор набожно перекрестился и покосился на старца.

Казаки никогда не видели подобного, поэтому он твердо уверовал в правильность посулов Гавриила и в то, что путь его общине указывает сам Господь.

Убедившись, что все плоты причалили к берегу, старец первым сошел на землю, после чего его примеру последовали и остальные. Никифор же, позабыв об обидных словах, высканзанных Нюрой перед переправой, решительно подошел к повозке, отстранил рукой неприязненно посмотревшую на него Марию и, взяв девушку на руки, бережно снес ее на берег. Уже без иронии посмотрев на кулугуров, которые на лесной полянке устраивались на молебен, он поставил Нюру на землю, подошел к Гавриилу и встал перед ним на колени.

– Я весьма рад, што и ты прозрел тож. – Старец перекрестил преклоненную голову казака двумя пальцами и одарил вялой улыбкой. – Отбившийся агнец завсегда возвратнется обратно в стадо!

– Верую я! – Никифор схватил руку Гавриила и с упоением поцеловал. – Истинная вера твоя... Ежели я не тронулся умом, то зрил энто воочию!

– Рад за тебя и за... – Старец посмотрел на остолбеневшую при виде неожиданного поступка казака Нюру и поманил ее рукой. – Ступай к нам, дева. Ибо негоже супружице изда-
лече глазеть на мужа, готовящегося смиренно выслушать истину Божью.

– Я? – Девушка вздрогнула и, не зная, как поступить, растерянно пожала плечами.

– Подем, не бойсь. – Появившаяся сзади Марья обняла Нюру за плечи и подвела к Ники-
фору. – Слухать проповедь никому не грешно и не зазорно. Ежели ты даж исповедуешь веру
иную... Православную!

– Грех-то какой, Хосподи. – Девушка опустилась на колени и, воровато поглядывая на
Гавриила, перекрестилась тремя пальцами. – Видела б меня матушка – прокляла б.

Услышав ее слова, Никифор недовольно покосился и едва слышно прошептал:

– Довольно языком талабонить. Ни к чему. Не хошь слухать – другим не мешай.

– Да я... – Нюра вспыхнула румянцем и замолчала. А старец Гавриил воздел к небу руки
и начал очередную проповедь, да так проникновенно, словно находился не в лесу перед своими
единоверцами, а в самом Киеве перед мощами святых, почитаемых верой.

21

Петр Кочегуров, Степка Погадаев и Гурьян Куракин переждали бурю на берегу, укрыв-
шись от ливня бударой. Подъем вверх по реке они продолжили сразу, как только солнце выгля-
нуло из-за туч и прогрело пропитанную водой землю.

Есаул сидел на корме. Он держал весло и лениво рулил, зорко вглядываясь в очертания
берегов. Иногда Петр шутливо прикрикивал на Гурьяна, который, обливаясь потом, налегал
на весла, без особого труда двигая будару против течения реки.

– А ну, поднажми! – Кочегуров подмигивал Степке и «грозил» Гурьяну кулаком. – Нава-
лись шибче, а то нагайкой вдоль хрябтины оттяну!

– Я вотя ты веслом щас огрею, коли не умолкнешь, – беззлобно отшучивался Куракин. –
Так огрею, што мало не покажется!

– Да куды те, медведяке неповоротливому? – колол сзади гадливо Степка. – Ты всю
силушку свою немереную на весла положил!

Стремясь доказать, что это не так, Гурьян налегал на весла, да так сильно, что будара
зарывалась носом в воду. Не желая вымокнуть, Степка вскакивал на ноги, отчего легкая лодка
качалась из стороны в сторону, грозя перевернуться и затонуть.

– Будя вам тешиться, вороги! – уже обоим шалунам грозил кулаком Кочегуров. – Эвон
черпанем бортом и затопим бударушку.

– Тады пешком подем, – Куракин широко улыбнулся и кивнул в сторону берега.

– Не-а на те подем. – Степка хлопнул ладонью по широкой спине Гурьяна и озорно
подмигнул есаулу. – А што, Петро, плечи как седла! Ей-богу, выдюжит.

Солнце уже садилось, и пепельно-розовые блики упали в воду, а за кормою разбегались
голубые волны.

– Как за поворот завернем, на ночлег встанем, – объявил Кочегуров, видя, что Куракин
уже порядком устал и нуждается в отдыхе.

– А можно ль? – с опаской покосился на неприветливые берега Степка. – На степняков
бы не выплыть, а то...

– Че, портки обгадил? – отомстил удачной насмешкой за все предыдущие Гурьян. – Воль-
ному – воля, ежели хошь в реке ночевать, сигай за борт.

Проглотив колкость, Степка обиженно шмыгнул носом и, стремясь сменить тему, спро-
сил есаула:

– Петро, а взаправду бают, што казаки яйцкие злы были, ако псы цепные?

– Ня знай, – неопределенно ответил тот. – Я тож про то слыхивал.

– Ешо бают, што оне женок своих да детей малых саблями секли, кады в поход вострились, – несмотря на усталость, высказался Куракин.

– И про то слыхивал. – Есаул оперся на весло и, желая разжечь побольше интереса в казаках, ухмыльнулся. – Мне ешо бабка сказывала, што, дескать, казаки яицкие свирепыми на весь мир слыли. Откель оне на Яик пришли, никто не ведат. Оседлали оне реку, значитя, ровно скакуна. Всех округ запужали...

– А я слыхивал, што Василий Гугня да Гаркуша казачеству на Яике начало положили, – вставил Степка. – Атаман как-то сказывал у костра.

– Ведомо и мне о том, да не шибко верится, – ухмыльнулся Кочегуров. – Много о том бают. Разве мог Гугня с ватагой малой на пустынную реку сквозь татар пробиться? Гаркушу слепого сыскать? В одно верую, што стойбище нашли, пятерых пастухов порубали да татарку молодую полонили, котору атаман Гугня в жены взял.

– Ешо ее Гугенихой прозвали, – не отрываясь от гребли, подсказал Гурьян.

– Во-во, – кивнул, соглашаясь, есаул. – Тады в жены к казакам с Яика никто не шел. Как чумных, их девки с Дона и Волги чурались. И все, гряд, из-за того, што рубили они саблями женок и детишек перед походом!

– Пошто так? – Степка весь обратился в слух, желая выслушать мнение бывалого казака.

– Не со зла, из жалости рубали, – разъяснил Кочегуров. – Сам разумея: баб в поход не возьмешь – войску помеха. А как казак в набег ушел, курени без защиты оставались. Вороги тут как тут. Женок срамили и с детьми в полон уводили. Потому и прижился обычай тот. Бабка покойная сказывала, што женки сами смерти просили у казаков, дабы не быть поруганными басурманами.

– Во дела! – Степка облизнул пересохшие от волнения губы. – Так жен не напасешься.

– Не ведали в том потуг казаки яицкие, – усмехнулся есаул. – С походов много всяк всячины привозили. Да и девок с Туретчины превеликое множество приводили. Однако бают ешо, што Гугня-атаман положил конец обычаю тому. Рука, вишь ли, не поднялась срубить голову с полюбившейся татарки. В благодарность за то казачки сами наловчились от степняков отбиваться, во как!

– Было, знать, от чего казачков яицких пужаться. – Сбавивший было темп Гурьян вновь налег на весла. – Слыхивал, кайсаки и калмыки дюже их остерегались, за много верст станицы объезжали?

– Што об степняках-то судачить? – Кочегуров швырнул к ногам шапку и раскатисто рассмеялся. – Цари московские яицких казачков ох как пужались! Не в силах сносить обид, чинимых ими, башкирцы с Москвой на замирение и соединение пошли. А меж тем государь донцов подмял, сибирцев подмял. Эвон токмо на Яик посягать не помышлял. Опасался связываться с яицкими казачками. Стоят кордоном на границе и пушай себе стоят. Ходят в походы грабительские – пушай себе ходят. Не на Русь же, а на Туретчину. Персияне ночи не спали – все казаки с шашками мерещились – и на Московию войной ходить не помышляли. Многие казачьи вольности подмял государь, а вот яицкие казаки апосля сами, по доброй воле к Россее подсоединились. Мы...

Оборвав себя на полуслове, есаул встрепенулся и всмотрелся в правый берег. Отразившаяся на его лице тревога заставила встревожиться и Степку с Гурьяном.

– Што зрите? – Кочегуров выхватил из-за пояса пистолет и положил его на колени. – Плоты, аль мне чудится с перегрева?

– Ежели те чудится, знать, и я перегрелся. – Степка схватил ружье и взвел тугой курок. – Плоты стоят, а рядом никого.

– Мож, нас узрели и затаились? – предположил Петр, резко поворачивая рулевое весло вправо.

– Кто ведат. – Куракин с сожалением посмотрел на свое ружье и утроил усилия.

– Кто-кто, дед пыхто, – с раздражением бросил Степка, покосившись на сосредоточенное лицо есаула. – Мыслю, давеча тама сеча случилась.

– От нашей поляны недалече, – встревоженно пробубнил Кочегуров. – Сее тревожит.

– Мож, назад вертаем? – Гурьян схватил ружье, как только будара коснулась носом берега, и взвел курок. – Упрядить об опасности казаков надо бы.

– Успеется.

Казаки осторожно сошли на берег. Степка удивленно озирался, не понимая, почему Петр не спешит с возвращением.

– Дык...

– Бери будару – и айда.

Кочегуров поспешил к ближайшему кустарнику, за который залег сразу, как только ветви сомкнулись за спинами Степки и Куракина. Он долго вглядывался в сторону противоположного берега, а когда глаза заслезились от перенапряжения, перевернулся на спину и прикрыл их ладонями.

– Че тама? – прошептал Гурьян, словно опасаясь, что его услышат у брошенных плотов на другом берегу широкой реки.

– Ниче, – вздохнул есаул. – Плоты и се.

– А мы-то што здесь застряли? – спросил Степка. – Мож, степняки плоты те связали, штоб войском до поляны плыть?

– Кыргызы плотов вязать не разумеют, – возразил Кочегуров. – Оне воды сторонятся сызмальства. Те плоты христиане вязали, токо вот куды подевались оне?

– Знамо куды, степняки вырезали, – неуверенно предположил Куракин.

– Типун те на язык! – негодуяще воскликнул Степка и, забыв об осторожности, вскочил на ноги. – Я... Матерь Божья...

Уловив тревогу в голосе молодого казака, Гурьян и есаул сразу обернулись. Лица их вытянулись в немом удивлении, которое, к счастью, длилось недолго.

Кочегуров выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил прежде, чем подкравшийся степняк ударил его саблей. Вторым выстрелил Степка, пуля которого поразила в грудь воина, целящегося из лука в Куракина. А вот ружье Гурьяна дало осечку, но он быстро перехватил его за ствол и обрушил приклад на голову третьего степняка.

– Ах, мать вашу. – Есаул отбросил пистолет и выхватил саблю. – Аль со всех степей сюды орда пожаловала?

Его сабля тут же скрестилась с саблей подоспевшего воина. Оба бойца были сильны и искусны, но сабля Кочегурова замелькала более резво, и вскоре его противник с разрубленной головой рухнул у ног победителя.

Едва успев смахнуть пот со лба, есаул вступил в схватку сразу с четырьмя набросившимися с визгом на него киргизами. Они с двух сторон наседали на отчаянно отбивавшегося казака. За спиной Кочегуров слышал треск сучьев и звон сабель: это вступили в бой Степка и Куракин. Отступая к берегу, он не давал врагам окружить себя и сильным ударом рассек лицо одного из нападавших.

По шуму и радостному гиканью есаул понял, что неравный бой завершится значительно раньше, чем он рассчитывал. За Гурьяна Петр не беспокоился – киргизам гиганта скоро не одолеть. А вот Степка... Перед смертью ему захотелось спасти паренька, и поэтому он резко отпрыгнул назад, желая загородить его собою.

– Штоб вас разорвало, погань! – зло крикнул он и встретил еще одного врага ударом сабли по горлу.

Удивленные его удалью степняки невольно попятнулись. Кочегуров перевел дух и оглянулся на Куракина, который с рычанием успешно отбивался от десятка врагов. Степка же с бледным как мел лицом едва отражал атаки двух уверенно наседавших на него воинов.

Едва ускользнув от ринувшегося на него противника, есаул ткнул его в грудь саблей, а другому воину отрубил руку. Отпугнув нападавших грозным выпадом, он успел подбежать к Степке и полоснул сзади по шее одного из противников парня.

– В воду! Сигай в воду!

Отразив удар сразу двух сабель, Кочегуров вновь обернулся, но слова, готовящиеся сорваться с искаженных яростью губ, застряли в горле.

Степка лежал у воды, а из груди его торчала стрела. Он, видимо, был убит метким выстрелом и лежал, омываемый мелкой речной волной. А виной всему...

Злобно зарывчав от тоски и боли, есаул с удвоенной яростью ринулся на врагов. Их было слишком много, но видевшие его доблесть степняки попятиться. Никто не решался приблизиться к залитому кровью человеку, который начал вызывать в них суеверный ужас.

– Што, нету мочи одолеть казака? – расхохотался Кочегуров, дико вращая глазами. – Тады я одолею вас, треклятые безбожники!

Хохоча и брызгая кровавой пеной, он вновь пошел на врагов, и те вступили в схватку с ним крайне неохотно. Силы оставляли есаула, но все-таки он отсекал одному из киргизов ухо, а другому распластал плечо.

– Ешо хто охоч до клинка мово? Не робей, подходи. Щас я вас...

Прилетевшая из кустарника стрела острым жалом впиалась в правое плечо, и Кочегуров от боли и неожиданности выронил саблю. Воспрявшие духом степняки с визгом набросились на него, но не тут-то было. Есаул подхватил саблю левой рукой и колющим ударом в пах смертельно ранил еще одного врага.

Следующая стрела попала ему в бедро, а третья со свистом пролетела в угрожающей близости от головы, заставив Кочегурова пригнуться и тем самым избежать смерти от четвертой стрелы.

Понимая, что противостоять осторожно обступающим его врагам он уже не в силах, израненный есаул бросил прощальный взгляд на все еще отчаянно сопротивляющегося Гурьяна и, тяжело припадая на ногу, ринулся в воду. Он знал, что не в состоянии помочь казаку, и решил утопить себя в реке, дабы не угодить в плен. Он не хотел быть рабом, он...

Ударившая в спину стрела завершила дело. Глаза Петра закрылись, и он тяжело погрузился в воду. Он не видел, как прослезился, провожая его подхваченное течением тело, Куракин, которого враги умудрились-таки спеленать арканами и с превеликим трудом повалить на землю. Он не видел, как помочился на тело покойного Степки киргиз с искаженным злобой лицом. Он...

Темнело. На верхушках самых высоких деревьев еще золотились косые лучи солнца, а внизу уже смеркалось, силуэты прибрежных кустов стали причудливее и мрачнее; и гладь воды потемнела, как старое зеркало, от пролитой крови или... В общем, оно сбивчиво отражало свидетелей страшной трагедии – безмолвные речные берега.

Часть вторая Противостояние

1

Гонец из Хивы предъявил начальнику охраны письмо, скрепленное сургучной печатью и свернутое в трубочку, но в руки не отдал.

– Письмо повелителя! Велено вручить только самому султану Танбалу лично.

Миновав расступившихся воинов, гонец вошел в шатер и, рухнув на колени, уткнулся лицом в мягкий ворс персидского ковра.

Молодой султан трапезничал в кругу приближенных мурз. Женщин в шатре не было, так как им полагалось питаться отдельно. Танбал выглядел мрачным и подавленным. Присутствие приближенных, видимо, не радовало его. Но при виде вошедшего гонца султан несколько ожилился. Танбал выпрямился, скользнул взглядом по насторожившимся лицам прекративших вкушать мурз и остановил его на низеньком столе, во главе которого восседал. Затем снисходительно кивнул, и гонец на коленях подполз к столу, обеими руками протягивая письмо. С видимым почтением открепив печать, султан развернул свиток. Внутри первого оказался второй, поменьше. Оба письма были подписаны рукою повелителя Хивы. Прочитав их, Танбал снова свернул письма, положил рядом с собою на подушку и жестом приказал гонцу присаживаться к столу рядом с недовольно переглянувшимися мурзами.

Не ожидавший такой милости гонец с трудом проглотил ком в пересохшем рту и, покосившись на каменные неприветливые лица приближенных султана Танбала, осторожно присел на указанное ему место.

Прерванная было трапеза продолжилась. На столе перед собравшимися появилось белое перетопленное сало барана – его резали ножами на куски – и такое же сало, растопленное в миске на огне, – в него макали вареные бараньи кишки с белым мясистым жиром, которые их нарезали тонкими ломтиками.

Появившиеся в шатре женщины молча разрубили на большие куски ногу лошади. Пока те, что помоложе, возились с мясом, старшая оживила огонь в очаге и подвесила горшок с водой. Когда вода закипела, она побросала куски мяса и, выпроводив своих помощниц, присела у очага. Закипая, вода тихо запела, женщина выудила из горшка темные, слегка обваренные куски и уложила их на широкую доску.

Мужчины встретили дымящееся мясо оживленными возгласами. Они принялись хватать горячие куски руками, вгрызались в них крепкими зубами и быстро ножами отрезали у самого рта кусок за куском.

Султан с плохо скрываемой иронией наблюдал, как ловко орудуют ножами и челюстями его подданные, но сам не следовал их зажигательному примеру, а лишь вяло ковырял кончиком кинжала мясо в тарелке. Его глаза блестели сильнее обычного, но увлеченные едой мурзы не замечали этого.

Хивинский хан категорично требовал изгнать казаков, пришедших с Яика и селящихся на берегах Сакмары. Он требовал их уничтожить и более не выпускать дальше берегов Яика. Повелитель требует собираться в поход. Но Танбал физически еще слаб. Удар казацкой пики минувшим летом значительно повредил легкое, но сердца и печени, к счастью, не задел. Молодость и сила помогли ему выбраться из объятий смерти и встать на ноги. Но держаться в седле...

– Сахиб, – султан Танбал повернул голову к сидевшему по правую руку мурзе, – поход прошел благополучно?

– Эти шайтаны оказались крепче и упорнее, чем мы думали. – Сахиб перестал грызть мясо, осторожно положил его на стол и виновато опустил глаза. – Они убили нескольких наших воинов. Но мы отомстили... мы...

– Ты не привез с собою ни одной головы. – Султан побледнел, и взгляд его сделался тяжелым. – Ты привел только одного пленника, но взамен оставил несколько десятков воинов. И если ты ожидаешь за то награду, то получи ее.

Он стремительно вскочил, выхватил саблю и резким ударом отсек голову Сахибу, которая упала на обеденный стол и, моргая глазами, выкатилась на самую середину. Без кровинки в лице, задыхаясь, Танбал грозно замахнулся окровавленной саблей на мурзу, сидящего слева от него, и, дико вращая глазами, закричал:

– Вот послание эмира! Оно переполнено угроз и проклятий.

Он присел, схватил свиток и взглянул на бумагу, поднеся ее к глазам:

– Повелитель грозит смертью мне и всему моему роду, если мы не выьем казаков с берегов реки! И вы знаете, что он сдержит свое слово.

– Это правда: в сегодняшних днях наших одна горечь. – Мурза, чудом избежавший смерти от руки разгневанного султана Танбала, встал и, тяжело вздохнув, покачал головой. – Если есть в том нужда, то сруби и мою голову, великий султан, но этим беду не прогонишь. В жизни день сменяет ночь и наоборот. Есть еще сила в руках, на поясах у нас сабли.

– Так что ты мне советуешь, Хаким? – Султан бросил саблю на стол и, успокаиваясь, посмотрел на мурзу.

– Надо исполнять волю эмира, – последовал ответ. – Казаки отчаянны, смелы, но их мало. У нас хватит сил загнать их обратно на Яик или уничтожить. Если мы им позволим заселить берег Сакмары...

– Какую цену нам придется заплатить, ввязавшись в войну с казаками?

– То одному Аллаху известно. – Хаким тяжело вздохнул и развел руками. – Но выбора у нас нет. Если не мы казаков, то эмир нас. Или казаки большим числом заявятся и захватят не только берега сакмарские, но и всю нашу степь.

– Сколько их? – перебив мурзу, спросил Танбал, покосившись на женщин, которые молча догрызали объедки у очага.

– Не знаю. – Хаким еще раз вздохнул и неопределенно пожал плечами. – Одни приплыли по реке, с Яика. Их не более трех десятков. А другие...

Мурза нахмурился, как бы что-то вспоминая, после чего продолжил:

– Тех, с которыми бесславно сражался Сахиб, более сотни.

– Воинов? – округлил глаза Танбал.

– Нет, я считаю женщин и детей вместе с воинами.

– Их женщины и дети тоже воины! – ухмыльнулся султан. – Во время боя они все возьмутся за оружие.

– Тогда нам остается смириться с их соседством.

Хаким очередной раз вздохнул, закатил вверх глаза и развел руками:

– Нам степь – им река, поладим...

– Нет! – Танбал покосился на письма эмира и скрипнул зубами. – Повелитель прав. Закрепившись на реке, казаки на том не успокоятся. Обретя силу, они двинут на степь. Нам не ужиться вместе, а потому готовьтесь к походу!

– С казаками иначе нельзя, – охотно поддержали решение своего молодого повелителя мурзы. – Они понимают только разговор сабель.

– Время похода объявлю завтра, – провожая из шатра приближенных, объявил Танбал. – А сейчас я нуждаюсь в отдыхе!

2

Василий Арапов проснулся с трудом. После вчерашней непривычной работы ломало все тело. Атаман даже не сразу понял, где он. Василий еще не свыкся с переменой в жизни, и казалось ему, что стоит крепко заснуть и вдруг проснуться, все окажется по-старому и он увидит знакомые стены куреня в Яицке, лампадку в углу и пустой стол.

Но глаза привычно увидели тоненькие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь плетеные стены шалаша, закрывавшую вход грубую холстину и за порогом шалаша... Да что же это такое? Он быстро поднялся и вышел на воздух. Искрящаяся красота природы очередной раз потрясла его. Все как будто изменилось за минувшую ночь.

Следуя заведенному правилу, атаман пошагал к реке мыться. Было свежо, но Арапов скинул рубаху и ожесточенно обтирался холодной водой, кряхтя от наслаждения.

Нет, ничто не привязывает к месту так сильно, как труд. Можно прожить много месяцев на новом месте и чувствовать себя посторонним. Но достаточно один-два дня поработать, и человек уже сроднился с местом и смотрит кругом как хозяин. Срубленные деревья и пеньки сами по себе неинтересны, но они возбуждают чувство гордости и удовлетворения, если человек знает, что деревья повалены им, что ЕГО топор валит этих исполинов, это ЕГО силушка выкорчевывала из земли пни, это капельки ЕГО пота окропили лес и землю вокруг.

Услышав донесшийся сзади хруст, атаман обернулся и увидел Степаниду Куракину. Молодая женщина умоляюще смотрела на него, а из глаз на бледные щеки выскользнули две крупные слезинки.

– Што, за Гурьяна корить пришла? – Арапов хотел спросить еще что-то, но горло вдруг сдавил спазм, и глазам стало щекотно от набежавших слез.

– Ево ужо не воротишь. – Степанида отрывисто вздохнула, смахнула слезы и устало присела на песок. – Да и корить-то тя за што? Не слепая, зрю, и без того маешься. Да и Гурьян не из тех был, хто за бабью юбку цепляется. Знать, на роду казаку было писано зараз сгинуть в безвестность.

– Пошто хоронишь загодя? – Атаман подошел к Куракиной, сел с ней рядом на песок и, подобрав камушек, с досадой швырнул его в реку. – Как знать... Мож, в полон к степнякам угодил, а мож...

Степанида не ответила, припала к плечу Арапова и горько расплакалась. Беспомощно, как все мужчины перед женскими слезами, атаман моргал глазами, неумело гладил ее руку и...

– Не могли степняки с Гурьяшей сладить. И в полон увести не могли. Он... он... – Степанида разрыдалась еще горше и сжала кулаки. – Не по зубам поганцам Гурьяша мой.

– Да будя те... будя! – Арапов замолчал, подыскивая подходящие слова, но не находил их. Он сидел раздраженный, обессиленный внутренней борьбой, смутный...

– Василь, куды ж я теперя? – вдруг прошептала женщина вопрос, на который сам Господь Бог вряд ли смог бы быстро подыскать подходящий ответ.

Арапов думал, думал упорно и тревожно. Он чувствовал, что любое сказанное невпопад слово может вызвать бурную истерику у Степаниды, а потому...

– Хто я теперя? Не вдовица и не молодуха. Я... я...

– Обожди, не убивайся так! Ешо вернется твой Гурьяша. – Атаман сам не верил в то, о чем говорил. Но произносил слова с такой уверенностью, как будто наверняка знал, что Куракин вот-вот объявится в лагере. – Сыскать мы его не можем! Но ежели он у степняков, то...

– Не выбратся ему из полона, – всхлипнув, высказалась Степанида. – Ежели жив ешо, то сгинет на чужбине! Ужо лучше б полег он рядом со Степкою сердешным.

Арапов знал, что ему нужно сказать что-то, чтобы утешить женщину. Его молчание вдруг сделалось тягостным и для себя самого. Но он не мог, не смел говорить слов утешения Степа-

ниде, потому что понимал, что Гурьяна, скорее всего, нет в живых. Он, конечно, мог бы выдумать что-нибудь, но разве имел право лукавить? Какая вера будет к нему после этого?

– Василь, ну скажи хоть што-нибудь? Не сиди сиднем! – Женщина, прижав ладони к горящим щекам, с надеждой и тревогой смотрела на него.

Атаман опустил глаза и, тяжело выдохнув, сказал:

– Я пригляжу за тобой, покудова Гурьян не возвратится. Ежели што... Ну, в общем, коли што надо будет, обращайся ко мне... Ну... Как бы к отцу!

– Мож, и в женки возьмешь? – усмехнулась Степанида.

Арапов испуганно откинулся назад и, едва не задохнувшись, выпалил:

– Нет, нет! Ни в коем разе!

– А пошто так? – с горечью сказала молодая женщина. – Кривая я али рябая?

Положение, в котором вдруг оказался атаман, было незавидным. Он бестолково уставился на Степаниду, которая в ожидании ответа нервно кусала свои красивые полные губы. Затем лицо ее сделалось серым и злым. Она прищурила глаза и вновь сжала кулаки.

По лицу Арапова пробежала судорога. Он отвел взгляд и сказал глухо:

– Ты не злился на меня, Степанида, но эндак я не могу. Што об том люди подумат? А ежели Гурьян явится?

– Нет, не увидим мы Гурьяна боле! Любила я его, Хосподь знат, да вот не судьба. – Казачка говорила тихо, но уверенно. – А ты...

Атаман запнулся. Его лицо побледнело и напряглось. Совершенно неожиданно прозвучали для него слова Степаниды. Он не мигая смотрел на Степаниду, которая повязала платок и не спеша пошла в сторону лагеря.

Не смея идти за нею следом, Арапов посмотрел на реку и вдруг вспомнил тот страшный вечер, когда он, ожидая возвращения казаков, одиноко бродил по берегу.

Порывистый ветер рвал ворот рубахи, путал волосы, колот глаза. Он внимательно вглядывался в реку и заметил мелькающую черную точку. В том, что это была чья-то голова, сомнений не было. Вот показались и руки, которые вялыми взмахами загребаали воду. Замерз бедняга. Но откуда взялся в этих диких местах человек?

Пловец был все ближе. Атаман принялся быстро сбрасывать с себя одежду, желая помочь благополучно добраться до берега. Но спасти никого не пришлось. Несколько взмахов, и обессиленный человек уже у берега и пытается нащупать дно. Вот он идет, попутно вытирая лицо и волосы.

«Руку давай», – едва успел произнести Арапов. Но пловец рухнул на песок и затих. Видимо, на все остальное у него уже не осталось сил.

– Ты живой? – вскрикнул атаман и поспешил перевернуть незнакомца на спину. – Эй, хто-нибудь. Живо огня к реке тащите!

Казачки и казаки быстро собрались на берегу. Когда факел осветил скрюченное на песке тело, Арапов обомлел, узнав в нем есаула Кочегурова.

– Петро! – ошеломленно воскликнул он тогда. И, оттолкнув сгрудившихся казаков, поднял утыканное стрелами тело Кочегурова.

Василий сам перенес есаула в лагерь и уложил у костра. Петр лежал с закрытыми глазами. Из его ран бежали вялые струйки крови. Одна из казачек протянула атаману смоченный водой платок, и он дрожащими руками вытер Кочегурову лоб и щеку, замазанные кровью. Кровь уже едва сочилась. Арапову показалось, что веки есаула дрогнули. Он заботливо смочил их водой и тихо позвал:

– Петро, очнись.

И он очнулся. Огляделся, обрадовался знакомым лицам и, вполне внятно сказав: «Там степняки. Много их...», снова потерял сознание.

Все были уверены, что Кочегуров умрет. Но он выжил. Правда, несколько суток маялся в бреду. Он видел себя в бою, выкрикивал бессвязные фразы, но в себя так и не приходил.

Всем стало ясно, что казаки попали в засаду, приняли бой и...

Чувствуя вину за гибель Степки и Гурьяна, Арапов работал вместе со всеми остервенело, безмолвно. В одиночку поднимал самые тяжелые бревна. А вечером бросал работу и, не прилагаясь к пище, уходил в лес, где, давая волю чувствам, ломал ветви, рвал и топтал листья, сбивал цветы и злобно выкрикивал:

– Антихристы! Твари подколодны!

Затем он в бессилии садился на землю или подвернувшийся пенек и втайне ото всех плакал горькими слезами, бесконечно обвиняя в случившемся лишь себя.

Мало-помалу боль унималась, и атаман возвращался в лагерь...

Сегодня Арапов был крайне зол, и присутствие молодой женщины бесило его – надо же было ей появиться как раз в минуту его слабости! Дождавшись, когда Степанида исчезнет из виду он вскочил и побежал на поляну, на которой уже толпились казаки, деловито обсуждая объем предстоящей работы.

– А ну, сдвигайтесь потеснее. Неча скучать. Покудова на трапезу не кликнут, разложим округ стен бревна. – Атаман, подавая пример казакам, грянул шапку оземь и закатал рукава.

– Пошто пялитесь, злыдни? За дело, поспешать следут!

– Куды торопиться-то, батько? – недоуменно спросил Плотников. – До осени ешо далече. Ешо справим избу до белых мух, успеется.

– Осень-то далеча, да вот враг, чую, близок. – Арапов взял конец бревна и кивнул на него Плотникову. – А ну подсоби.

Пока женщины готовили еду, казаки разнесли бревна вокруг стен строящейся атамановой избы и, бросая недовольные голодные взгляды в сторону лагеря, нехотя взялись за топоры.

Атаман работал усерднее всех, сбросив с себя промокшую от пота рубаху. Свободные размашистые движения подчеркивали мужественную красоту его крепкого мускулистого тела. Степаниде, украдкой наблюдавшей за ним, было приятно смотреть на него. Василий – самый красивый из всех казаков. Как она не заметила раньше, что он самый красивый? Наверное, Гурьян...

– Эгей, казаки, айда кушать!

Степанида вздрогнула. Громкий окрик Агафьи Рябовой, позвавший мужчин на трапезу, отпугнул мысли о пропавшем муже, и молодая женщина раздраженно ткнула локтем в бок охнувшую от неожиданности казачку:

– Чево горло дерешь? А? Аш чуть сердце из груди не выпорхнуло.

– Ешо че? – Агафья нахмурилась и прижала бок крепкой ладонью. – Пошто бадаешся, теланя ялова? Аль испужалась, лярва?

– Вот ешо. – Сделав вид, что не услышала оскорблений, Степанида поправила платок и отвернулась к костру, краем глаза заметив, что казаки прекратили работу и гуськом потянулись к лагерю.

– Нет, ты мне кажи, пошто энто бадаешся? – Агафья схватила Куракину за плечо и попыталась развернуть ее к себе. – Я те...

Не на шутку разозлившаяся Рябова быстро присела, выхватила из костра пылающую головню и, взмахнув ею, едва не обожгла красивое лицо с ужасом отпрянувшей Степаниды.

– Токо тронь меня ешо, змеюка! Зараз покалечу.

Подоспевшие казаки быстро уняли так и не успевшую разгореться ссору. Отпуская ядовитые шуточки в адрес обеих женщин и довольно похохатывая, они расселись и разобрали миски.

Арапов сел во главе стола, положив на землю топор и широко расставив ноги. Он вытер вспотевший лоб, затем жадно вонзил зубы в огромный кусок мяса, и Степанида заметила красивые, крепкие, чистые зубы. У него были грустные и нежные глаза. У него...

Вновь ощутив ноющую боль в душе, она с трудом заставила себя отвести глаза от атамана и, схватив медный казан, поспешила в сторону реки.

Остановившись у воды, женщина почувствовала, как в лицо ударил свежий ветер. Она обрадовалась ему – он приятно освежал разгоряченное лицо. Степанида заплакала. От избытка горечи и стыда рождались безнадежные и злые слезы. Гурьян был ее любимым мужем. И он погиб. А Василий Арапов был здоров, крепок, красив, и он был рядом. И почему она так скоро начала забывать Гурьяна, который, может быть, и не умер вовсе?

Мысли возникали и сменялись другими, но каждая новая была безжалостнее и горше предыдущей. Слезы катились и быстро высыхали на ветру. Тоска была непереносима. Надо вернуться обратно в лагерь к людям. Она старалась не думать о страшном. Она отгоняла мысль об атамане, но отчетливо сознавала, что любит его. И не просто любит, а боготворит – отчего и страдает. Ее любовь была настолько сильна, что полностью поглощала все мысли о несчастном Гурьяне, который...

Степаниде вдруг безумно захотелось, чтобы Арапов прямо сейчас подошел к ней. Она желала, чтобы он поговорил с ней, посидел рядом. В эту минуту она еще острее любила его. Он был необходим ей как воздух, как сама жизнь.

Услышав шаги, Куракина спешно обернулась и, увидев шагнувшего к берегу атамана, выронила из ослабевших рук казан.

Попятившись, она вошла по колени в воду и остановилась. Дальше отступать было некуда. Она подняла лицо – напряженное, открытое. Он протянул руку, а она сама сделала неуверенное движение навстречу ему.

3

На совете было решено – далее ни шагу! Красивое место в междугорье, на которое кулугуры вышли на третий день после переправы через реку, приворожило уставших от лишений людей и вдохнуло в их отчаявшиеся сердца новую надежду.

В целях безопасности лагерь решили расположить прямо на горе, возвышавшейся среди леса и одним боком вплотную подступавшей к реке. Мужики дружно взялись за топоры, лопаты, пилы, и по истечении нескольких дней вершина горы обросла добротными землянками. Теперь они были заняты тем, что обносили лагерь плетнем и на скорую руку мастерили топчаны. Среди всех особым рвением выделялся Никифор. Он никогда ничего не строил, не плел плетней и не ладил топчанов, но, как оказалось, хитрости в этом деле никакой не было. Зато вот желания хоть отбавляй. Все складывалось именно так, как ему мечталось – из ничего сделать все. От начала до конца своими руками он соорудил уютную землянку. Для себя и Нюры. Он порвал с прошлым раз и навсегда, принял кулугурскую веру и собирался жениться на девушке, которая, как он думал, вряд ли решится ответить ему отказом на благопристойное предложение.

Никифор старался лишней раз не показываться на глаза Нюре, которая временно проживала в семье Гавриила, заботливо опекаемая его суровой женой. Свободные минуты, которые изредка выпадали на долю переселенцев, он предпочитал проводить в обществе старца, терпеливо вводившего его в веру. Вот и сегодня, после вечерней молитвы, он присел рядом с Гавриилом и, нахмурившись, посмотрел на его жену Марию, которая расположилась по другую сторону костра.

Марья была бледна. Бросалась в глаза серая прядь – чуть повыше лба, у самого пробора. Еще не старая женщина, она одевалась по-старушечьи и ходила, устало сутулясь. Никифору даже стало немного жаль ее, и он перевел взгляд на сидевшую рядом с Марьей Ньюру.

– Хосподь всемогущ и всеведущ, мы же – его рабы – не должны роптать. – Гавриил дал ответ кому-то из мужиков, вопроса которого казак не расслышал, будучи увлеченным созерцанием грустно смотрящей на огонь Ньюры. – Да будет с нами благословенье Бога, даровавшего этот райский уголок! – Старец набожно перекрестился и принял у подошедшей женщины миску с пищей, после чего поднял лицо к ночному небу и вдохновенно продолжил: – Теперь не скитальцы мы. Хосподи, как сее отрадно!

– Дошли-таки! – поддержал его сын, сидевший на бревне по правую руку отца.

– Вот бы ешо место сее нас не отвергло. – Никифор вздохнул и набожно перекрестился двумя пальцами. – У нас в Яицке сказывали, что бывает...

Он поймал удивленный упрекающий взгляд Ньюры, осекся и замолчал.

– Што бывает? – повернувшись, спросил Гавриил, которого, видимо, заинтриговали оброненные казаком слова.

– Бывает, што место не принимает, – отведя глаза от девушки, нехотя ответил Никифор. – Ежели здесь кады како зло сотворилось, место проклятем и злом обростат.

– Нет беды в сем. – Старец усмехнулся и вложил миску в руки сына, так и не притронувшись к похлебке. – Место освятили, а бесов, коли што, без напрягов изгоним. Молитвы и хрест животворящий не по силам нечисти. Обустроимся, хозяйством обзаведемся и жить будем в мире и согласии.

– Энто ешо бабка надвое казала. – Никифор передал свою миску стоявшему рядом пареньку и сказал: – Аль про степняков позабыли? Не можно так. Думате, дадут оне нам здесь покоем наслаждаться?

Гавриил раздумывал несколько минут, после чего со вздохом ответил:

– Учиться будем с соседями ладить. Крепостицу сладим, чем понять дадим басурманам о силе своей. А степняк силушку-то разумет, боится и уважат!

– Не так уж оне ее пужатся, – ухмыльнулся Никифор. – Их много, во много больше нашего, и им про то ведомо. Я хорошо знаю степняков и ведаю, што пока оне нас не изведут, не успокоятся.

– Но слово Хоспода нашего...

– Для басурман Аллах Хосподь, – перебив старца, зло высказался казак. – А книга священная Кораном зовется. Кто Аллаху ихнему челом не бьет, тот, значится, враг мусульманский.

– Нам с Аллахом ихнем делить неча, а сунутся коли... – Гавриил сжал свои огромные кулаки и угрожающе потряс ими над головой. – Мы тож не лыком шиты, однако. И Хоспода чтим, и оружием владем!

Привлеченные громкими выкриками своего вождя кулугуры плотным кольцом окружили сидевших возле костра. Они верили Гавриилу, а потому любили слушать его. А вдохновленный старец скрестил на груди руки и продолжил свою речь, которая все больше принимала очертания очередной проповеди.

– Помните, чады, как долго добирались мы до мест сех благостных? О, мы сделали доже правильное и богоугодное дело в жизни своей, ратуйте посему! Минует время сее, и все те, хто не поверил слову моему и остался на Исети, будут зараз завистью черной исходить. Вы-то знате, што это за река? Нет, вы не знате. Куды вам, сердешным, о Сакмаре ведать?.. Энто место указано нам перстом Божьим, во как! И вскорости все будут баить повсемесно о том, как о чуде великом! Мы... мы ешо... – Вопреки ожиданиям, он утерял нить своей пламенной речи и не находил больше слов.

– Мы ешо свое государство возведем здесь, – не к месту брякнул, ухмыльнувшись, Тимоха, но Марья бесцеремонно пнула сына и сделала такие страшные глаза, что он смолк и опустил голову.

Никифор украдкой поглядывал на задумчивые лица кулугуров и скупно улыбался. На его озабоченном, прорезанном морщинами лице улыбка была не совсем уместна, но и неожиданно светла.

Он знал, что делать. Время, когда он спотыкался, злился, искал причины неудач, выяснял, прощупывал людей, ошибался в некоторых, снова прощупывал и открывал в них новые стороны – это время миновало недаром. Он многое для себя усвоил. Он был придиричив к себе, он знал, что очень помог приютившей их общине. Но тревога, не покидавшая казака последние недели, исходила с другой стороны – его тревожила неясность в отношениях с Нюрой и не нравилось место, выбранное для поселения Гавриилом.

Никифору трудно было разобраться, в чем дело. Не хватало времени, чтобы хорошо подумать над ситуацией, в которой он оказался благодаря собственной глупости или козням сатаны. Ладно хоть выручало чутье бывалого казака.

Казак понимал, что основная беда кулугуров – слепая вера в Гавриила. Старец руководил ими жестко и трудился наравне со всеми как будто самоотверженно, но все как-то не так, как надо бы. Вычурно, не по-людски. Никифор верил, что только благодаря исключительно удаче или поддержке Бога жалкая кучка переселенцев-кулугуров все еще не захвачена степняками. Казак не понимал воодушевления Гавриила. Степняки вот-вот должны заявиться с большим войском, и неизвестно, смогут ли выстоять поселенцы за своими жалкими укрытиями. Никифору очень тяжело было думать о предстоящих испытаниях. Но, как сильный человек, он твердо решил, что надо делать, и в предстоящей борьбе с кочевниками отводил для себя особую роль.

– Ров копать надоть округ горы, – прервав молчание, обратился он к Гавриилу, который сидел, уставившись на тлевшие угли костра.

– Энто ешо для че? – перевел полный недоумения взгляд на него старец.

– А штоб степняк зараз подкрасться не смог. – Никифор потянулся и, увидев, что Гавриил так ничего и не понял, продолжил: – Кочевник шибко воду не любит. Ров ему будет преградой.

– Ты не веришь в наши силы? – округлил глаза старец. – Ты не веришь в силы избранников Божьих?

– Тута суть не в вере, а в мозгах! – Никифор вгорячах рубанул рукою, как саблей, воздух, но тотчас спохватился.

Лицо Гавриила изменилось и посуровело.

– Пошто богохульствуешь прилюдно? – справившись с собою, холодно спросил он у казака. – Христос укажет ров копати – выкопам. Не укажет...

Никифор уже жалел о преждевременном выпаде. Он стал совершенно спокоен. Выдержка, хладнокровие – вот что важно при разговорах с властолюбивым стариком, у которого, видимо, начинал мутиться рассудок. Он решил промолчать сегодня, но возобновить разговор при более подходящем случае.

Их взгляды снова скрестились. Гавриил помедлил, потом как-то зло и неприязненно рассмеялся:

– Обговорим сее апосля утренней молитвы. Сон ублажит наши мысли, греховные отвергнет, а здравые укрепит.

Никифор встал, круто повернулся и ушел к себе в землянку. Усталость, страшная усталость охватила его. Он свалился на устланный свежей душистой травой топчан и сразу провалился в пустоту тяжелого мертвого сна.

4

К востоку от Сакмары простиралась цветущая равнина, покрытая удивительно яркими полевыми цветами – иссиня-желтыми одуванчиками, сине-фиолетовыми колокольчиками, красными маками.

Конь султана Танбала шел не торопясь; всадник не отводил взгляда от видневшегося вдалеке леса вдоль берега Сакмары-реки и чувствовал, как легко ступают копыта коня по высокой траве. Красота лета ласкала взор и душу, но сердце не успокаивалось, продолжая трудный спор о выборе численности войска, с которым Танбал собирался двинуться на берег Сакмары, и дне похода.

Султан и сопровождавшие его мурзы поднялись на косогор. Отсюда местность хорошо просматривалась. Он вспомнил про жесткое требование повелителя и его угрозу, которая вонзилась в сердце острым шипом.

А еще Танбалу вспомнилось беззаботное утро из прошедшего детства, когда он с ровесниками скакал на подаренном отцом коне. Было ведь это, было – он всецело предавался скачкам и сладким мечтам! Похоже, прошло с тех пор уже очень много лет...

До появления гонца из Хивы его жизнь была чиста, как солнечное небо. Повелитель требовал немедленной расправы над осмелившимися селиться на берегах Сакмары казаками и был похож на грозную тучу, что закрывала султану солнце.

Спустившись с косогора на равнину, он ослабил поводья и ударил коня камчой. Тот поскакал скоро и яростно, а ветер ударил Танбала в грудь, отчего он почувствовал приступ острой боли и зажмурил глаза. Рана все еще давала о себе знать, но молодой повелитель старался не думать о ней.

Солнце клонилось к закату. Танбал вновь почувствовал себя неуютно и прищипорил коня. От голода, боли в груди и усталости кружилась голова. Казалось, что его крутит, сбивает с прямого направления какой-то недобрый демон. Вскоре они возвратились домой.

Осадив коня возле своего шатра, Танбал позволил мурзам помочь ему выбраться из седла и встать на ноги. Погладив пристегнутый к поясу багдадский меч с золотой ручкой – подарок отца, внимательно посмотрел на столпившихся подданных, терпеливо ожидавших его слова.

– У нас малы запасы мяса, их не хватит до конца похода, пока не разгромим казаков. – Султан выразительно посмотрел на одного из мурз, и тот понимающе кивнул. – Поход начнем, когда вернется Касымбек со своими воинами. – Танбал взглянул на Хакима.

– Он вернется со дня на день, – поспешил тот с ответом. – Я уже отправил к вашему брату гонца.

– Пока Касымбек в пути, увеличить запасы пищи и усилить подготовку воинов в искусстве владения оружием.

Отдав распоряжения, Танбал собрался было войти в шатер, чтобы предаться приему пищи и отдыху, но его остановил тщедушный мурза Тахир:

– О повелитель! Не изволишь ли взглянуть на невольников, которых мы готовим к отправке в Хиву?

– Я уже их видел, – недовольно поморщился Танбал и повернулся к шатру.

– Ты видел не всех, о повелитель, – вновь удержал его на месте вкрадчивым голосом матерого придворного хитрый мурза. – Ты не видел того, кого привел из похода Сахиб, пошли Аллах мир душе его!

Обернувшись, заинтересованный султан немного помолчал, потом спросил:

– Наверное, чем-то знаменит этот невольник?

– Нет, – с поклоном возразил мурза.

– Тогда почему ты прилагаешь усилия к тому, чтобы я его увидел?

– Он силен.

– И все?

– Силен необычайно, великий султан! – Тахир смахнул испарину, выступившую от волнения. – Железо в его руках может превратиться в речной песок.

Танбал иронически улыбнулся:

– Берегись, если хоть одно слово, высказанное тобой, окажется лживым.

По знаку Тахира несколько воинов подвели к шатру пленника невероятных размеров, окутанного множеством веревок. Голова его была накрыта колпаком из плотной ткани, могучие руки притянуты к телу, а ноги стянуты веревкой так, что гигант мог лишь делать крохотные шажки. Когда до Танбала осталось несколько метров, один из воинов натянул веревку. Петля, врезавшаяся в шею пленника, заставила его остановиться. Затем другой воин ударом плети постарался заставить гиганта встать перед султаном на колени, но тот в ответ лишь злобно рыкнул и широко расставил ноги, словно готовясь выдержать натиск бури.

– Снимите с него мешок, – распорядился Танбал.

Ему вдруг захотелось рассмотреть лицо этого огромного человека.

Прежде чем исполнить волю правителя, воины взяли пики на изготовку, с опаской приблизились к пленнику, и один из них сдернул с головы гиганта колпак.

Ожидавший увидеть на широких плечах что-то чудовищное, огромное и уродливое, Танбал с легким разочарованием рассмотрел довольно симпатичное лицо молодого человека, которое не смогли обезобразить даже всклокоченная борода и стоявший дыбом волос. А блестящие ненавистью глаза показали, что дух пленника отнюдь не сломлен и если подвернется удобный случай...

– Приведите медведя, – не отводя взгляд от пленника, распорядился Танбал. – Хочу посмотреть, что стоит этот раб.

– Упаси Аллах, великий султан! – Тахир упал на колени и воздел кверху руки. – Этот шайтан рвет веревки, как нитки. Он... он убил несколько воинов одними руками, а ударом кулака убил лошадь. Он... его...

– Привести медведя, – даже не взглянув на Тахира, вновь распорядился султан и так посмотрел на мурзу, что тот сразу понял, что если не поторопится, то разделит судьбу обезглавленного Сахиба.

Через несколько минут четверо воинов, гремя цепями, привели к шатру огромного медведя, которого выловили в лесу в начале весны и готовили к отправке в Хиву в подарок повелителю. Медведя отлично кормили, и он выглядел просто ужасающе по сравнению с обычным человеком.

Много слышавший о поединке человека с медведем, но ни разу не видевший столь захватывающего единоборства, Танбал обрадовался посетившей его удачной мысли и не собирался отказываться от интересного зрелища. Он также решил, что достойным подарком будет тот, кто выйдет живым из готовящейся схватки.

Воины быстро образовали круг и развели костры. Пока освобожденный от пут пленник растирал затекшие конечности, с недовольно урчащего медведя сняли цепи и оставили их обоим в огненном кольце. Почувствовавший свободу зверь присел на задние лапы и, вытянув морду, принялся. Он, казалось, соображал, стоит ли подойти поближе и познакомиться с ожидавшим его противником.

– Ну и громадина! – с уважением в голосе тихо пробормотал султан Танбал.

– О Аллах, ему конец! – прошептал слуга, вынесший из шатра подушки для правителя.

Между тем медведь недовольно рыкнул и, видимо, сообразив, что от него требуется, покачиваясь, двинулся вперед.

Что касается пленника, то, к удивлению Танбала и его свиты, он даже не попытался спрятаться или спастись бегством. Медведь угрожающе приближался, а гигант спокойно дожидался его, лишь переминаясь с ноги на ногу.

– О великий, – поправляя вокруг султана подушки, обратился к нему Тахир. – Отойди подальше, поостерегись зверя!

Но султан лишь усмехнулся и спокойно промолвил:

– Уходи ты. После схватки, если победа достанется даже медведю, у него едва хватит сил до меня добраться!

«На, держи». – Танбал выхватил у стоявшего рядом слуги пику и швырнул ее богатырю, ожидавшему медведя. Но пленник не отреагировал на милость султана и, отшвырнув пику в сторону, приготовился к схватке.

Далее события завернулись хаотично и непредсказуемо. Гигант неожиданно отпрыгнул назад, выхватил у стоявшего ближе всех к нему воина кинжал и твердо шагнул навстречу медведю, пристально глядя зверю в глаза. Тот сердито рычал. Несколько минут пленник вертелся вокруг медведя и вдруг схватил его за горло своими железными пальцами и глубоко вонзил лезвие ему в грудь.

Но смертельно раненный хищник крепко обхватил мощными лапами своего противника. Человек и зверь катались по земле. Трещали сучья, вздымалась пыль, слышалось приглушенное рычание... И вот, наконец, человек победил. Он поднялся на ноги весь исцарапанный, в разорванной одежде и торжествующим взглядом посмотрел на огромное тело поверженного зверя, бьющегося в предсмертных судорогах.

Взгляд султана с видимым одобрением скользнул по могучему телу и серьезному бледному лицу тяжело дышавшего пленника.

– Ты – краса и гордость своего народа, – сказал он. – В твои руки я мог бы смело вверить свою жизнь и судьбу.

В ответ тот не проронил ни слова.

– Я вижу, что ты родом не из здешних мест? – задал полный иронии вопрос Танбал.

– Да, – ответил пленник коротко.

– Ты пришедший с Яика казак?

– Да.

– Сколько вас и для чего пожаловали на Сакмару? – Султан сузил глаза и сжал кулаки в ожидании, как он не сомневался, дерзкого ответа.

Но молодой казак ответил не сразу. Он как бы в раздумье опустил глаза. Наконец, поднял голову, огляделся вокруг и спросил:

– А пошто ты нашим числом интересуешься? Аль удумал што?

Танбал молчал, не сводя пристального взгляда с пленника. Молчали и мурзы. Они не понимали султана. Людей достаточно, чтобы спеленать этого казака арканами, все вооружены и готовы к бою. А гигант, увидев, что ему никто не отвечает, гордо потряхнул головой и твердо заявил:

– Не видать боле вам Сакмары, нехристи! Наша она навсегда теперя. Едва не поперхнувшийся от приступа дикой злобы Танбал все-таки заставил себя подняться, ничем не подчеркнув своего состояния. Он вздохнул, огляделся и, встретив всюду доверчивые, льстивые взгляды мурз и воинов, смотревших на него с угодливыми улыбками, чуть слышно произнес:

– В Хиву его завтра же! Если непослушание в пути будет оказывать, голову с плеч рубить – и на пику! Повелителю и такие подарки по душе приходятся.

5

Густой голубоватый туман медленно поднимался от реки. Черная вода едва заметно поблескивала, отражая бледный свет луны. Недвижно дремлют темные кусты, нависшие над водой. Выше их покоится черная стена леса. Тишина. Ласково и тепло обнимает все живое на Сакмаре темная июльская ночь. Воздух щедро пропитан ароматом отцветающих трав и запоздалых цветов.

Демьян и Гаврила Крыгин осторожно подошли к реке.

– Пошто ночью-то? – недовольно поинтересовался у Крыгина Демьян. – Можно и утром зараз переметы поглядеть.

– Можно-то оно можно, – захрипел простуженно Гаврила. – Но вся лучшая рыба в котел общий подет аль на засолку разом. А мне вот а сома аль осетринки хочется, балычка рыбьего поцведать не мешало б.

– Да ты што, нас развя хоть разок хто обносил?

– Не обносили, да вот шуки постные да головли костлявые дюже не по нутру приходятся. Сам же знашь, атаман што получше в котел, а балык на засолку аль копчение.

– Сами ж зимой жрать будем, – все еще сомневался Демьян. – До зимы далече ешо, а мне щас вкушать вкусненько хотса, – зло огрызнулся Крыгин. – Пока в дозоре стоим, сомишку али осетра зараз с перемета снимим. Нихто о том не проведат и не хватится. Откель хто знат, што за ночь на крючок зачыпылось?

– Твоя правда, – вздохнул, соглашаясь нехотя, Демьян. – Ну? Кто в воду из нас лезит?

– Ты, ясно дело! – Гаврила захрипел так старательно, как только мог. – Я ж эвон охрип от простуды. Аль не слышь?

– Слышу, не оглох ешо.

Демьян сбросил с себя одежду и, ухая, вошел в прохладную воду. Осторожно ступая по песчаному дну, казак заметил какое-то темное бревно. Заслышав его шаги, «бревно», вздымая брызги, рвануло вдруг против течения.

«Сом! Попался!» В несколько прыжков, не раздумывая, грудью кинулся казак на желанную добычу. Обхватил руками скользкое холодное тело рыбины. Но сильнейший толчок отбросил его в сторону, свалив с ног в стремительное течение реки.

– Уйдет, как пить дать, сойдет с крюка, бляшечки, – стонал на берегу Гаврила, однако на помощь к Демьяну не спешил.

Сом словно оправдывал его сомнения. Мощно работая хвостом и круто изгибаясь сильным телом, он извергал мощные струи воды, туго натянув шнур перемета, рванул в глубину.

Поняв, что руками такое чудище не удержать, Демьян, фырка от бессилия и злобы, старался нащупать в воде тетиву перемета. Наконец, обеими руками вцепившись в шнур, казак уже торжествуя потянул добычу к берегу!

В этом была его ошибка. Когда сом потянул перемет, стараясь уйти в глубину, шнур поводка, едва не звеня от напряжения, еще держал, но стоило Демьяну потянуть к берегу, и он не выдержал – лопнул. Сом, облегченно взбурлив хвостом воду, метнулся в спасительную глубину омута.

Но не тут-то было. Чуть ниже перемета, на который попался сом и с которого благополучно сошел, стоял еще один, изготовленный из больших кованых крюков. Перемет был натянут над поверхностью омута возле берега, одним концом привязан за полузатопленную корягу, вторым – за ствол гибкой ветлы.

На глазах Демьяна ствол ивы вдруг скрылся под водой, а коряга сорвалась с места и быстро заскользила в омут. Так и есть: сом случайно зацепился за крюки второго перемета.

Подстегнутый азартом казак ухватился за конец шнура, привязанный к ветле. Потянул его на себя и сразу ощутил толчок. Сом действительно попался! Крепко попался!

Теперь нужно было хорошей дубиной помучить сома, заставив его все время плавать, и только после этого, обессиленного, подтащить к берегу и оглушить.

– Гаврила, слышь, подсоби, – стараясь кричать тихо, обратился к Крыгину Демьян.

– Здесь я. А те што надо?

– Дубину приготовь – и сюды, в реку айда.

– Очумел, што ль? – Гаврила явно не спешил с помощью. – Подтяни сюды рыбину, а я ее тут враз оховячу.

– Силов не хватат, Гаврила. Шибко здоров, гад! Ей-ей, не подсобишь щас, он мя в пучину утянет!

Казак задыхался, но боролся изо всех сил и шнур перемета из рук не выпускал. Он тянул сома к берегу, но рыбина не поднималась из глубины.

– Слышь, Гаврила, подсоби, силов не осталось, умаялся я.

– Да не ори ты, бляшечки, зараз всех разбудишь. – Крыгин выругался и нехотя принял сягивать сапоги.

– Гаврила, слышь, мож, позвать кого – вместе-то ловчее справимся?

– Замолчь, идол. – Крыгин оцетинился и зло сплюнул в воду.

– Тады сома придется на засолку отдать. А што атаману кажем, кады он визнавать станет, пошто в воду ночью к переметам лазали?

– Гаврила...

– Што Гаврила, мать твою. А ну замолчь, грю. – Крыгин схватил дубину и швырнул ее в реку. – Даржи дубье, бляшечки.

– Ни к чему щас дубина, Гаврила!

Все еще не решаясь выпустить шнур, Демьян взмолился:

– Перемет зачпылся за што-т, зараза. Ты бы подержал шнур, а я бы зараз мырнул и ослободил бы рыбину.

– Да ты брось шнур, дурень, куды он от ветлины деется? – Крыгин едва справлялся с душившей его злобой, но войти в воду так и не решался.

– Не можно так, без шнура. Мырять-то по шнуру нужно.

– Мырай, коли хошь.

Гаврила крепко выругался и покосился в сторону спящего лагеря и в сторону леса, где над верхушками деревьев начинала алеть заря. Тем временем Демьян все еще пытался убедить его оказать помощь:

– Гаврила, поглядеть бы што там? За што перемет зачпылся. Ослободить снасть надо, а уш потом сома вытаскивать.

– Бросай все к чертям собачим и вылазь. – Наступление утра не на шутку встревожило Крыгина, и он, бросая вороватые взгляды на лагерь, принял сягивать сапоги. – Вылазь, дурень, грю. Эвон скоро уже народ сбежится, тады нам худо придется.

Едва удержавшись на ногах от рывка, которым сома напомнил засомневавшемуся рыбаку о своем существовании, Демьян оставил без внимания слова Крыгина и, набрав в легкие воздуха, по шнуру опустился на дно.

Действительно, сом попался крепко, но вытащить его было невозможно. Стремительное паводковое течение реки на изгибе омута за много лет вымыло в глинистом берегу промоину, в которой и поселился сом. Убежище получилось идеальное: ни бреднем, ни неводом зацепить его было невозможно. И когда сом попался на второй перемет, он инстинктивно кинулся в спасительное убежище, выдернув второй конец перемета. Крайний крюк зацепился при этом за корни ветлы под водой, вот она-то и не давала вытащить сома из промоины. Несколько раз пришлось казаку нырять в омут, пока он не понял, что мешало вытащить сома из его лежища.

Достал со дна ракушку, разломил ее и снова полез в омут. В два приема обрезал все свободные поводки и, передохнув, снова взялся за шнур. Но как ни напрягался Демьян, сом из промоины не шел, упершись огромной головой в глину. Разозлившись, казак решил ударить сома острой палкой в голову. Убить рыбину, конечно, шансов не было, зато была возможность заставить сома покинуть промоину. В который раз, измученный неоднократными погружениями, Демьян с отломанной веткой нырнул на дно омута.

В зеленоватой полутьме с трудом усмотрел сомовью голову. Протиснувшись под шнур перемета, прижатого телом сома к выступу глины, и, почти втиснувшись в узкую промоину, он изо всех сил ударил палкой в широкую сомовью голову.

Одно не учел поглощенный азартом казак: в воде удар намного слабее, чем на суше. Острые палки лишь поцарапало тело рыбы и уперлось под жабры. От боли и испуга сом мощным рывком дернулся из промоины, подняв водоворот воды. Демьян тут же был прижат шнуром перемета к выступу промоины. Сом рвался, со всем усилием натягивая и прижимая шнур к глинистому выступу. Стараясь освободиться от прижавшего его шнура, казак напрягся и, охнув, выдохнул остатки воздуха. Барахтаясь, заглотнул воды, грудь сдавило нестерпимой болью, перед глазами поплыли оранжевые круги. Обессилев, Демьян безвольно обвис.

Жизнь, прокатившую в походах и вылазках против степняков бок о бок с есаулом Кочегуровым и атаманом Араповым, казак отдал нелепому случаю без борьбы, без воли.

А наверху над омутом, на спокойной глади воды отражались яркие солнечные лучи, теплый ветерок ласково шевелил зеленую листву тальника.

Гаврила Крыгин сидел на опустевшем берегу. Одежду утонувшего Демьяна он благополучно бросил в реку, и ее унесло течением. И теперь мучительно выдумывал правдоподобную историю об исчезновении напарника, которую должен рассказать атаману, как только тот проснется и потребует доклада.

Кто-то тронул его за плечо. Вздрогнув, Гаврила поднял голову и увидел строгое лицо Арапова, который, как всегда, проснулся раньше всех и пришел к реке помыться.

Атаман присел около Крыгина на песок:

– Ты пошто у воды отираешься, а не ходишь дозором округ лагеря?

– Да вот Демьяна ишшу, – поспешно солгал Гаврила. – Казал, околя бережка пройдуся и приду, а сам эвон как сквозь землю провалился.

– И давно ль исчез он?

Арапов напрягся, почувствовав что-то неладное, и внимательно посмотрел Крыгину в глаза:

– Ты пошто мне о том сразу не доложил?

– Дык он энто не так давно отлучился, бляшечки. А мож, кабанца встренул? Их вона поди цела стадо в дубняке ночью похрюкивало, а у Демьяна руки чесались по охоте.

Неподдельный испуг, отразившийся на лице Гаврилы, заставил атамана поверить в «искренность» высказанной им легенды. Он встал, несколькими пригоршнями речной воды освежил лицо и, видимо, передумав купаться, пошагал в сторону лагеря.

– Василь Евдокимыч, дык мне што дееть, Демьянку здесь дожидаться? – прокричал ему вслед Крыгин.

– Иды спи, – не оборачиваясь, бросил атаман. – Без тя его сыщем.

* * *

Наступившее утро казаки встретили на корчевке. Работалось тяжело. Пни, мокрые от обильной росы, были неподатливы и скользки. Ругань неслась над лесом. Но иной казак, бросив крепкое словцо, выпрямит заболевшую спину, посмотрит вокруг и затихнет, будто околдованный сказочным видением. Рядом, безмолвный и нежный, стоит сакмарский лес – теплым

золотом солнечных лучей осыпаны белые березы, жарким пламенем рдеют клены, сиреневыми листьями поникли ольхи, топорщатся синие ели, а темный мох под ними весь разукрашен пестрыми пятнами. А над всем этим великолепием – небо. Высокое, легкое, в подвижных облаках – то небо, которое не обманывает видимостью свода, а дает ощущение воздушности и бесконечности.

Поискать в лесу Демьяна атаман решил сам. Не следует отвлекать казаков от работы. Уже середина лета, а они мало что успели сделать для постройки крепости. Конечно, для строительства землянок и частокола вокруг поляны время еще было, но остро ощущалась нехватка рук. Сегодня Василий хотел организовать укрепление вокруг атамановой избы, но пришлось искать Демьяна, которого, видишь ли, угораздило за кабанам походить!

Охота на кабана – дело сложное и довольно-таки опасное, потому и интересное. Казаки обычно ватагой охотятся. В камышах или в лесу обходят заросли, ищут следы, выставляют людей на каждом возможном направлении движения кабанов. Обычно по двое – для подстраховки. Кабан хитер. Несмотря на свою мощь, размеры и кажущуюся неуклюжесть, он шустр и поворотлив. Двигается быстро и тихо. Раненый кабан опасен. Но не так, как раненая свинья. Если раненому кабану есть куда отступить, он уйдет. А свинья – та свирепа. Она, как собака, становится, начинает рвать и кусать, грызет прямо.

Конечно, мясо кабана не помешало бы поселенцам – запасы еды заканчивались. Казаки планировали большую охоту, но позже. Пока переметы рыбой выручали. Как только Демьян найдется, придется принародно наказать. А то дисциплина разладится, и начнут казаки своевольничать, от работы отлынивать и тайком бегать то на охоту, то на рыбалку.

Мясо кабанье очень вкусное. Оно легкое и нежирное. А вот мясо лося во многом схоже с говяжьим как по вкусу, так и по питательности. Придется скорее охоту объявить, запасы пополнить и развлеченье казачкам устроить.

Рассуждая таким образом, Арапов дошел до дубняка. Перепаханная вокруг деревьев земля не оставляла сомнений в том, что стадо кабанов действительно пиривало здесь минувшей ночью. Но следов Демьяна нигде видно не было. Конечно, не застав кабанов в дубняке, он мог последовать за ними. Охотничий азарт мог возобладать над разумом казака, лишив его осторожности и чувства ответственности.

Арапову хорошо было известно, что такое азарт. А как же! Охотничий азарт отличается от боевого. На своей первой охоте он убил трех кряковых селезней. Вот тогда-то и познакомился с охотничьим азартом. Пока отец не подарил ему ружье и не взял с собою на охоту, Василий про это ничего не ведал. Слышал много, но только и всего. Но подстрелив уток...

Вообще, охотник – это от природы. Либо есть, либо нет. Стоит взять в руки ружье, и словно с ума сходишь. Ждешь охоты так, как в юности свидания с любимой девушкой.

Где-то хрустнула ветка, атаман пристально вглядывался в глухую чащу: может быть, сейчас вон там, в густых зарослях, истекает кровью раненный кабаном Демьян?

Ему было обидно, что никак не может найти казака. Наверное, все будет впереди: и олени будут, и медведи, и кабаны, и даже, наверное, волки... Ведь лес принадлежит теперь не самому себе, а им, казакам, и все его тайны скоро будут открыты.

– Эгей, Демьян? – остановившись, позвал он. – Отзовись, коли слышишь.

Лес ответил ему измененным голосом, издали, непонятно откуда. Сверху упала ветка. Прокричала птица – неизвестно какая.

Листья и кора, пропитанные утренней росой, пахли остро, вкусно, необыкновенно, как могут они пахнуть только летом в начале дня. Атаман жадно, до головокружения, вдыхал полной грудью запаха леса.

Поблуждав еще немного, Арапов решил вернуться в лагерь. Если Демьян не вернется к вечеру, то на следующее утро придется искать его всенародно. За такое нарушение ослушнику придется...

Атаман вышел на просеку. Выкорчеванные пни торчали корнями вверх. Просека утыкалась в озеро; под высоким берегом покачивались на воде скатившиеся с очищенной от леса поляны бревна.

Он прошел по просеке и снова вошел в лес. В лагерь решил возвращаться вдоль реки. Любуясь ею, Арапов как будто впервые разглядел, как порывистое течение начисто промыло русло, и сквозь хрустально-прозрачную воду был виден обкатанный гравий. На извилине реки образовался пережат – здесь не глубоко, но не настолько, чтобы можно было перейти вброд всю величественную реку. Стремительное течение Сакмары так и крутит, того и гляди собьет с ног.

Вдоль берега лежали почерневшие коряги, обглоданные водою стволы. Атаман столкнул одну корягу в воду – река подхватила ее, закружила и легко понесла вперед. Но на пережате коряга застряла, и вода побежала дальше, через и вокруг нее, с насмешливым говорком.

Арапов присел и прислонил к деревцу ружье. Где-то неподалеку сонно закуковала кукушка. Однотонное кукование подчеркнуло тишину. Посидев, атаман нехотя поднялся и пошагал к лагерю.

Он шел как следопыт, ко всему внимательный, все подмечая. Арапов думал, прав ли он был, приведя с собою людей на берега Сакмары. Ведь он честно предупредил: вас ждут большие трудности...

– Василь Евдокимыч?! – Вынырнув из кустов, перед атаманом остановился Степка Вороньжев, крепкий шустрый мальчуган лет десяти, сынишка Нестора и Марфы. – Батько атаман, мы тя по всей округе ишшым. Тама... – Мальчуган замолчал и судорожно проглотил ком слюны.

– Што стряслось? – Арапов схватил Степку за плечи и слегка его встряхнул.

– Тама Нечай Санков с дядькой Данилой Осиповым перемет проверяли.

– И што?

– Дык снять не могли, он за дно зачпылся.

– Беда в чем? В этом, што ль?

– Да не... – Мальчуган шмыгнул носом и продолжил: – Мырять стали. Батько мой замырнул, перемет ослободил. А кады на берег его вытащили...

– Так што белугу помали? – заглядывая в бегающие глаза Степки, попытался угадать атаман.

– Не-а. Сома, поди, пудов на пять будет! А ешо... – Мальчик облизнул пересохшие губы и разом выпалил: – Демьяна утопшего. Того, который с Кочегуровым вслед за нами на Сакмару приплыл.

6

Степное озеро протянулось через степь у подножия высокого сланцевого холма верстах в двадцати от поселения. Зимой вьюги набивали в камыш сугробы снега; с первыми лучами весеннего солнца талые воды питали озеро.

Мелководное, обильное водоплавающей птицей озеро, окруженное густой осокой и камышами, показалось неожиданно, лишь только кони подняли повозку на сланцевый холм. У Никифора стеснилось дыхание – таким заманчивым показалось оно ему. Рядом с озером, у подножия холма, лепились серые, сложенные из дикого камня укрытия. Хозяева укрытий, киргиз-кайсаки, с табунами овец, лошадей и верблюдов кочевали в глубине степи и вернутся к озеру для охоты только осенью.

Рысью спустились они в долину и в небольшой березовой роще распрягли притомившихся лошадей. Никифора бил охотничий озноб. Он уже предвидел огромное удовольствие от охоты в этом переполненном дичью степном уголке.

Приехавшие с ним кулугуры, отряженные старцем для пополнения запасов общины, собрали кизяк для костра на ночь, сходили с котлом и чайником к роднику и накрыли принесенную воду плетеной из веток ветлы крышкой.

Тем временем солнце уже склонилось к западу, и воздух заметно посвежел, когда, стреножив лошадей, они отпустили их на отдых и кормежку.

– Теперя можно и поохотиться! – дрогнувшим от волнения голосом сказал казак и стал заряжать ружье.

– Слышь, Никифор, обскажи, откель пулять будем? – от имени всех поинтересовался Тимоха Дубов, которого отец Гавриил едва ли не силком отправил на охоту с казаком.

– Пуляй откель хош, – нехотя ответил парню Никифор. – Здеся дичи што грязи в дождь – видимо-невидимо... Можно, не хоронясь, палить без устали и зарядов, поди, все одно не хватит!

– А ково больше шибать – гусей али уток? – поинтересовался Авдей.

– Гусей, вестимо, башка твоя ослячья. – Казак внимательно осмотрел закрытую птицей водную гладь озера. – Гусь – птица умная. Он, вишь ли, не летит туды, где узрет што-то неладное. Он ешо немерено осторожен, значитя. Даж караулы быват выставляют, во как!

– Караулы? – Глаза Тимохи расширились и глупо заморгали. – Как энто?

– А так вота. – Никифор ухмыльнулся и решил кое-что рассказать мужикам об охоте на птиц, о которой они, видимо, имели смутное представление. – Вся стая гусят на поле пасется, а «караульные» стоят, подняв головы, и зрят, откель опасность может подкрасться. А потому, штоб взять гуся, быват приходится не один день провести в скрадке. Но и энто ешо не значит, што верняк с добычей будешь.

– И как долго сидать приходилось? – поинтересовался Авдей.

– Бывало долго! Хошь гуся добыть – сиди и жди.

– Не шеvelyсь? – не выдержал обычно молчаливый Семен Гнилин.

– Ну нет! Из укрытий выходили: за продуктами или ешо там зачем. А по большому старались не высывываться.

– Скажи, Никифор, пошто гусь мудр, а курица, эвон, глупа? – обратился к казаку Тимоха, угадав в нем охотника со стажем.

– А што, и скажу. – Распираемый гордостью от собственной значимости казак расправил плечи и пригладил ствол ружья. – Гусь птица мудрая от того, што на свете живет много. Век не век, но половину века точно. За энти годы, значитя, он успеват накопить много мудрости житейной! Энту птицу, почитай, на мякине не проведешь. Он знат, где можно сесть и подкормиться при перелете и што где изменилось, значитя, с минувшего года. Ежели што учует, подвох какой – все, на то место боля ни в жисть не сядет!

– Во дела. – Семен Гнилин озабоченно почесал пятерней затылок и тяжело вздохнул. – Как же мы таку птицу разумну промышлять бум? Бывало, вот на Исете, как щас вот помню...

– Про Исеть забудь теперя. Здеся иначе все. А гуся мы добудем, помяни мое слово. – Казак решительно вскинул ружье, повел стволом в сторону гогочущего озера и прицелился. – Кады птицы округ не счесть, гуси тож ведут себя необдуманно. Седня мы их много пострелям! Главно – ружья заряжать поспешайте.

Выбрав удобную позицию в зарослях камыша, Никифор взял ружье на изготовку и тихо сказал устроившемуся рядом Тимохе:

– Я – по левой, ты – по правой стороне озера. Стрелять сидячих мне не можно. Ты поднимешь их своим выстрелом, а кады оне воспорят, тады и я потешусь! Токо не горячись, мотри. Пуляй прицельно, штоб ни один заряд не пропал задарма.

Охотники затаились и ждали сигнала для начала охоты, которым должен был послужить выстрел Тимохи. Молодой кулугур целился тщательно. Он хотел начать охоту метким выстрелом по огромному гусю, который медленно плывал рядом в камышах и внимательно погля-

дывал по сторонам. Видимо, он охранял резвящихся на воде гусынь и их подростое потомство. Убив гусака, Тимоха должен был быстро перезарядить ружье и палить уже по поднявшимся в небо птицам. Зрелище обещало быть впечатляющим, а потому...

– Цыц! А ну ложися.

Тимоха недоуменно посмотрел на изменившееся лицо казака, глаза которого излучали дьявольские огоньки. Опустив ружье, он послушно присел, после чего тронул смотрящего в сторону озера Никифора и полусшепотом спросил:

– Случилось што, а?

– Покудова нет, но может...

Казак вытянул руку, и Тимоха увидел всадников, скачущих во весь опор по другой стороне озера.

– Кто энто? – Голос молодого кулугура от волнения резко осип, но Никифор вопрос расслышал:

– Кыргызы, вот хто. Токо вот не уразумею никак, пошто энто оне раньше срока на охоту пожаловали.

– Думаш, оне птицу промышлять скачут?

– А для че ш ешо. Об том, што мы здесь, им неведомо! А вот охота... Знать, к походу готовятся и запас мяса гондобят!

– Што же дееть? – засуетился Тимоха, испуганно вращая головой. – Посекут оне нас нынче, ей-богу, посекут.

– А ну цыц, стрыган!¹⁵ Ежели скулить не пересташ, враз хребет перешибу.

– Што дееть? Дееть-то што?

Тимоха словно не слышал грозного предупреждения казака, так как очень испугался. Он был на грани срыва и мог в любой момент выбежать из укрытия и выдать свое местонахождение кочевникам. Что последовало бы за этим, гадать не приходилось. Кочевников раза в два больше, чем кулугуров. Разумнее всего было бы отсидеться в укрытии до того момента, когда степняки ускачут восвосяи. Но надежда на то было ничтожно мала: киргизы явно прибыли для охоты и быстро берегов озера не покинут.

Скакавший впереди воин резко взбодрил своего коня. Тот мгновенно вошел в галоп, и тогда воин высвободил ноги из стремян, взял в зубы камчу и, как только его сивый тряхнул гривой, вытянулся, схватился за седло обеими руками и легко вымахнул из него.

Но конь испугался прыжка и шарахнулся в сторону. Всадник буквально повис в воздухе, ноги ударились оземь, но рук не разжал, удержался. Второй воин кинулся к лошади и резко остановил ее. Ноги лихача пробороzdили полукруг на земле; яркий тюрбан слетел с головы, но сам он удержался на ногах, выпрямился, а камча все еще была зажата в зубах!

Подоспевший воин спрыгнул с коня, поднял тюрбан и хотел подать его попавшему впро-сак начальнику. Но тот, видимо, сгорая от стыда или бешенства, даже не взглянул на свой пыльный головной убор. Он молча вскочил на сивого коня, которого воины поймали и подвели к хозяину.

Молодой начальник ударил животное камчой и поскакал к березовой роще, не разбирая дороги. Опасность из предполагаемой вдруг сделалась реальной. Стреноженные кони кулугуров паслись за рощицей, и стоит степняку их увидеть...

Не раздумывая ни минуты, Никифор вскинул ружье и выстрелил. Скакавший к роще всадник перелетел через голову рухнувшего коня и остался лежать на земле.

– Што расселся? А ну пли по нехристям! – Казак схватил Тимоху за ворот рубахи и резко рванул его к себе. – Пли в степняков, грю, гнида. Они тя жалеть ни в жисть не будут!

---

¹⁵ Стрыган – полуторогодовалый жеребенок, у которого в эту пору остригают гриву.

Бледный, с дрожащей челюстью, с широко раскрытыми глазами, Тимоха представлял собою жалкую картину. Он затравленно смотрел на свирепого казака, а потрескавшиеся губы безотчетно шептали:

– Эвон... эвон...

– А ну пли, кому казал! – На раскрасневшемся лице Никифора были и изумление, и бешенство. Как поднятый на рогатину медведь, он грудью попер на перепуганного паренька. – Пли, грю, аль прямо щас тебя изувечу, пес шелудивый!

– Щас, щас... – Тимоха дрожащими руками вскинул ружье и не целясь выстрелил в сторону озера. Но плотная масса взлетающих птиц нависла непроницаемой стеной над озером, надежно закрыв кочевников от пуль кулугуров и мужиков от стрел степняков.

Как бы то ни было, но создавшуюся ситуацию надо было использовать, и притом немедленно.

– Эй, сиволапые, а ну айда к лошадям! – крикнул громко, как мог, казак и замахал руками, указывая выбегавшим из укрытий кулугурам в сторону рощи.

Схватив за ворот рубахи Тимоху, Никифор побежал к роще. От бессильной ярости у него на глазах выступили слезы.

– Што есть сил драпайте, вислозадые, покуда кыргызцы не отсекали нас от лошадок.

Пользуясь прикрытием взлетевших птиц, Никифор бежал изо всех сил и тянул за собой парализованного страхом парня. Щеки Тимохи покраснели, он трясся. Лоб и лицо покрылись крупными каплями пота, а из глаз градом лились слезы.

– Ешо, ешо шибче бегите, мать вашу! – кричал бежавшим следом кулугурам казак. – Здесь, на чужой стороне, нет нам спасения. Энто кыргыз проклятущих покедова земляца!

Достигнув рощи, Никифор с сожалением отметил, что молодого жеребчика Тимохи среди пасущихся лошадей нет. Обняв ствол березы, казак внимательно посмотрел в сторону озера, над водной гладью которого парили встревоженные птицы. Тяжело дышавшие кулугуры присели на корточки и попытались молиться. Но что это блеснуло там, за камышами? Не сабли ли кочевников?

Да, да! Черт бы их побрал! Это как раз они, оправившиеся от неожиданности степняки! Мужики позабыли про молитву и испуганно встрепенулись, но было поздно. Размахивая саблями и дико крича, ринулись кочевники в приютившую кулугуров рощицу.

– А ну пли разом, коли жисть дорога! – Казак обвел мужиков полным дикой злобы взглядом и вскинул ружье. – Кто пулять в кыргыз не будет, прямо щас убью!

Полный решимости взгляд казака и его подрагивающий на курке палец безошибочно дали понять трусившим мужикам, что он не шутит и немедленно исполнит свою угрозу.

Между тем с криками и шумом стремительно приближались нападавшие. Кулугуры попятились в глубь рощицы, дружно отстреливаясь. Они уже вышли на равнину за рощицей, продолжая отчаянно защищаться. Уже скоро у них не осталось ни грамма пороха и свинца, четыре человека погибло от стрел степняков. Чувствуя свое численное превосходство, кочевники, словно стая голодных волков, усилили натиск. Успевший вскочить на своего коня Никифор решил принять бой.

– Тимоху сзези отсель живо, – крикнул он Авдею и заодно Семену Гнилину, который, присев, распутывал коня. – Я тута порезвюсь малость и вслед за вами...

Отбросив в сторону бесполезное ружье, он выхватил из ножен саблю:

– Коли што, не поминайте лихом. Башку не срубят – возвернусь!

Бросив вслед увозящим Тимоху Авдею и Семену прощальный взгляд, казак повернул коня в сторону выезжающих из рощи киргиз-кайсаков и, пришпорив его бока, взмахнул грозно саблей:

– Сюды айда, мать вашу. Ей-ей, пожалете, злыдни каянные, што не промыслом занялись, а со мной завязались!

Встретились грудь с грудью, голова с головой, сердце с сердцем, и на белых стволах берез заалели капли крови.

– Мя взять мыслите, заразы? Што ж, берите, ежели сможете!

Дико захохотав, Никифор заколол ближайшего к себе всадника. Вот и второй всадник валится из седла на бок с разрубленным горлом. Казак, оскалившись, рубит врагов, словно обезумевший. Он ранен стрелой в левую руку. Ничего, рубит по-прежнему. Но вот отряд кочевников окружает его. Пришел черед прощаться с жизнью. А разве она стоит того, чтобы с ней прощаться?

Вдруг откуда-то из-за спины раздался выстрел. Атаковавшие его степняки ослабили натиск и завертели головами. Что такое? На секунду расслабился и Никифор, озадаченный не меньше своих противников. Снова выстрел, второй, третий...

Потеряв сразу троих воинов, степняки дрогнули. Завернув коней в рощицу, они вскоре исчезли из вида.

Между тем уже значительно стемнело. Круг луны пока еще медного цвета медленно взбирался на небосклон. Где-то совсем близко завывали волки, видимо, привлеченные к озеру звуками битвы и запахом крови. В мужественную душу Никифора начал закрадываться страх. На лбу выступил холодный пот, губы дрожали, казак озирался по сторонам, как бы ища выхода. Натянув поводья, он заставил коня попятиться, уперся ногами в стремя и...

В это время перед ним как из-под земли вырос всадник. Он более напоминал азиата, нежели воина-христианина. Из-за сгустившихся сумерек и куска материи, скрывавшего нос и подбородок, лица не было видно.

«Да это сам сатана, – заметавшись, думает Никифор, и в сердце его словно впиваются острые когти. – Беги, беги, несчастный! Но куды? Здесь кочевники недалече и смерть, там гибель! Куды?»

Пришпорив коня, казак направился в сторону леса, до которого было не меньше десяти верст. Спасший его демонический всадник поскакал следом. Никифор оборачивается. Вздыхает. «Что это? Сатанинское наваждение?» Ему кажется, что его преследует не кто иной, как загубленный им брат Тимоха. Точнее, его призрак, который специально защитил Никифора от сабель киргизов, чтобы предать страшным мучениям. Лишь верст через пять преследователь отстал и вскоре совсем пропал из виду.

Достигнув леса, казак смахнул пот с лица и облегченно вздохнул: «Нет, выручил его из беды не призрак, а человек! Но кто он? И для чего так безрассудно вступился за него? Если бы незнакомец был призраком, он без труда настиг бы его и...»

То, что могло последовать вслед за «и», заставило Никифора поежиться от нервного озноба. Он на мгновение представил, что спасший его человек все-таки демон.

Но вот незнакомец снова преградил путь казаку. В его руке Никифор видит пистолет. Да, да, пистолет! Свет луны не обманывает! Но кто это, кто? Да неужто все же оживший брат Тимоха или тень его?

Казак вновь задрожал всем телом, лицо стало землистого цвета, посиневшие губы подергивались. Он отчаянно сжимал рукоятку сабли, почему-то не решаясь обрушить ее на голову своего спасителя. Он напрягся, как дикая кошка, и, едва слыша себя, обронил:

– Отчпысь от меня, слышь?

Человек или призрак отрицательно покачал головой и с дороги не съехал. Тогда Никифор с трудом проглотил ком в горле и заявил:

– Коли человек ты, а не оборотень, дай знать! – Произнося эту фразу, он набожно перекрестился и прерывисто вздохнул: – Но а ежели ты...

– Человек я, не призрак!

Незнакомец убрал за пояс пистолет и поправил шапку. Затем ухмыльнулся и, громко захохотав, перекрестился:

– Теперь веришь, что я не бес, или сомневаешься?

– Теперь верю!

Никифор вновь вздохнул, но облегчения не почувствовал. Человек, напротив, все еще вселял в него непреодолимый ужас. Но огромным усилием воли казак справился с собой и, словно боясь быть услышанным посторонними, тихо сказал:

– Што не демон, верю! Но хто же тады ты такой?

7

Прощай, свобода! Воины добросовестно скрутили пленнику руки крепкими волосяными арканами, усадили в повозку, и невольничий караван двинулся в путь. До Хивы далеко. Много дней и ночей предстояло передвигаться через овраги, пески и горы.

Куракин Гурьян ехал в телеге молча. Его глаза налились кровью, на крупном выразительном лице заходили желваки мускулов, время от времени он с яростью сжимал мощные кулаки, из груди его вырывались тяжелые вздохи, похожие на звериный рык. Осознав всю тяжесть своего положения, казак почувствовал, что сердце его ноет от непривычной тоски; стойкий воин пал духом. Он думал о том, что, может быть, больше никогда не увидит Сакмару, Яицк и жену Степаниду. У него как-то сжалось сердце, и, закрыв глаза, он заметил, как они увлажнились от слез.

Склонив голову на грудь, Гурьян обреченно вздохнул и погрузился в скорбные мысли. Горько и мучительно было сознавать крушение надежд, согревавших кровь в его жилах, одухотворявших его жизнь. Как ужасно было видеть такой жалкий конец его участия в освоении Сакмары в тот момент, когда, казалось, победа была близка, торжество обеспечено! Что значит смерть в сравнении с таким страшным несчастьем, как плен и рабство?

Затем мысли его унеслись к берегам Яика. Они легко витали над крышами родного городка, ему вспомнились беспечные детство и юность, счастливые годы, которые пронеслись, как легкое дуновение ветерка. Неожиданно лицо его, ставшее спокойным и ясным, опять омрачилось: он вспомнил бой у Сакмары, свое пленение и...

Казак пребывал в страшном отчаянии, он рвал бы на себе волосы, если бы руки были свободны. Вперив, как безумный, распахнутые глаза в медленно приближающееся дерево на обочине дороги, он шептал голосом, прерывавшимся от рыданий:

– Хосподи, Владыка, за што? Всему конец. Рабом, рабом, знать, буду влачить энту подлужить!..

Итак, полторы тысячи верст по безжизненным пескам преодолел Гурьян в числе десятка таких же, как и он, пленников в сопровождении воинов султана Танбала. Дорога до Хивы была нелегкой, но впавший в состояние прострации казак едва замечал ее тяготы. Ему не хотелось ни есть, ни пить. Да и нужду он справлял лишь тогда, когда воины заставляли делать это во время коротких остановок.

Вот их караван степенно вступил в ворота Хивы, города, являющегося хранителем людских трагедий. На каждой пяди его земли, на камнях и гумнах разыгрывались кровавые драмы. Борьба за право жизни и достояние шла всю историю существования на земле Хивы.

Хива... Уже много лет город этот не испытывал бедствий войны, хивинские ворота открыты, люди могут спокойно въехать в город и выехать из него. Сады по берегам арыков омыты теплой чистой водой. Изобильное плодами, хотя и жаркое лето Хивы, щедрость земли, красота окруженной песками долины и мягкость ветров – все это напоминало райский уголок.

Но у города была и вторая, менее приглядная сторона. Значительную часть своей истории Хива богатела от разбоев на караванных дорогах, на бесплатном труде рабов, свозимых на невольничий рынок со всех уголков света. Проданные в рабство пленники растекались из Хивы по всему Востоку, и найти их было просто невозможно.

Гурьяна и его собратьев по несчастью ожидала именно такая усать. В базарный день они будут проданы пожелавшим их купить азиатам, а там кому как повезет. Кто-то сгинет от непосильной работы, кто-то отойдет в мир иной от болезней, а кто-то и устроится по-человечески, если, конечно, попадет в руки милостивого хозяина, что, кстати, на Востоке случается крайне редко. Но чему быть, того не миновать! Наверное, так в книге судеб записано.

Караван прибыл в город как раз в базарный день. Невольников было много, и потому торговля не обещала быть прибыльной. Продажа рабов уже началась. Белые волосатые тела европейцев резко выделялись среди темных гладких тел восточных невольников.

Киргизы спешно выстроили пленников в ряд, который возглавил Гурьян, как самый рослый и сильный, чтобы привлечь покупателей. Рядом с ним по левую руку поставили казачку Матрену Бабкову. Женщина была стройной и очень красивой, но... Она была беременна, и киргизы не мечтали взять за нее хорошую цену. Прежде чем выставить женщину на продажу, они раздели ее донага. С остальными пленницами поступили так же. Мужчин обнажили лишь до пояса.

Мощное тело Гурьяна мгновенно привлекло к себе покупателей. В основном это были жители Хивы – белые привидения с грязно-желтыми лицами. Они обступили казака и жавшуюся к нему Матрену, испуская резкие восклицания и бросая враждебные взгляды друг на друга.

Видя проявляемый к их «товару» интерес, киргизы стали добрее, и возглавлявший их мурза принялся расхваливать достоинства казака и Матрены Бабковой, представляя их мужем и женою. Их обман проверить, естественно, никто не мог, а на Хивинском невольничьем рынке дорого давали за здоровую русскую семью.

Да, в Хиве многие хотели купить семейную пару рабов-славян, потому что семейные редко решались на побег, особенно если пару отягощали дети. Одну казачку продать было бы трудно, а вот в паре с огромным Гурьяном...

Решительно растолкав толпу, возле казака остановился молодой мужчина, одетый в желтые шелковые шаровары, с кинжалом у пояса и желтым тюрбаном на голове. Он посмотрел на вытянувшиеся лица хивинцев с глубочайшим презрением. Не тратя времени на торги, швырнул на землю туго набитый кошель и кивнул в сторону Гурьяна и Матрены.

Киргизы быстро освободили купленных пленников от веревок и передали мускулистым усатым воинам, стоявшим все это время со скрещенными на груди руками позади сделавшего свой выбор вельможи. Как бы то ни было, но казак обрадовался, что его увели с торгов, потому как посрамления на рынке он получил сполна.

Возле великолепного дворца им приказали остановиться. Вышедший из ворот старик тщательно осмотрел купленную пару: нет ли переломов, вывихов, порока какого или болезни. Затем повел их мимо дворца какими-то площадями и торговыми улицами, где местные жители забрасывали пленников грязью, сухими комьями глины, камнями. Но вскоре их ввели в какие-то ворота, которые сразу же захлопнулись, как только Гурьян и Матрена миновали арку.

Приказав им остановиться, старик куда-то исчез, оставив в тесном дворике лишь двух воинов свирепого вида. Отсутствовал он долго. Казак почувствовал обессиливающую дрожь в коленях и присел на землю. Матрена, подогнув ноги, села напротив. Несчастья, обрушившиеся на этих людей, невольно сблизили их. Женщина закрыла лицо руками и горько зарыдала:

– Хосподи, стыд-то какой. Што ж я руки-то на себя не наложила?

На лице ее отражалась сильная душевная мука, глаза потускнели от слез, веки были красны. Гурьян почувствовал, что в его застывшем сердце что-то дрогнуло – то ли от злорадства, то ли от сострадания. Легким покашливанием он прочистил горло и сказал мягко, почти робко:

– Пошто слезы зазря проливаешь? Здеся энтим нико не проймешь.

У Матрены между соболиных бровей прорезалась глубокая морщина.

– Не со зла оне. От обиды. – Женщина шмыгнула покрасневшимся носом, и ее глаза блеснули, но казак не знал, что тому причина – оскорбленная гордость или вновь набежавшие слезы.

Он с сомнением покачал головой:

– В полон как тя угораздило? Обычно баб кыргызцы токмо в больших набегах добывают.

– А меня вот и Антипа, мужа мово, и без набега басурмане добыли.

В голосе Матрены явственно послышалось такое искреннее огорчение, что сердце Гурьяна сжалось от чужой боли.

– Как энто? Не слыхивал я, штоб оне в поход нынче ходили.

– Да не... Не оне к нам, то мы с Антипом на их сторону ходыли.

Женщина справилась с волнением, тяжело вздохнула и, не дожидаясь вопросов от казака, продолжила:

– Луга виной тому. Оне на кыргыз-кайсацкой стороне – загляденье!

– На левом берегу-то? – уточнил Гурьян.

– Ага. Кыргызы треклятые як слепни у берегов вьются. Так и зрят злыдни – нет ли какой добычи!

– А вы як же к ним угодили? Аль на травку позарились и на сенокос на кыргызский берег подались?

Куракин неспроста задал Матрене этот вопрос. Он хорошо знал, что казаки часто косили сено на левом, киргизском, берегу Яика, но делали это артелью. На время сенокоса почти всем Яицком туда переезжали. Мужчины косили и сторожили лагерь. Казачки сушили сено и складывали его в копны. Киргизы хоть и находились рядом, но нападать не решались, хорошо зная, что отпор будет крепкий. Нападали они лишь на тех, кто случайно отбивался от артели. Но вот случай с Матреной? Неужели степняки осмелились отбить женщину с мужем от артели?

– На стороне нашего хутора не трава, а одне камни серые. Вот и позарились мы с Антипом.

– Пошто одне-то? Соседей пошто не позвали?

– Ня знай. Антип казал, собирайся и айда! А пошто одне – не сообщил.

Из дальнейшего сбивчивого рассказа Матрены Гурьян понял, что, закончив работу, они отправились домой на лодке. Не успел Антип взяться за весло, киргиз-кайсаки тут как тут! Окружив пленников, они вывели их из лодки, посадили на коней и поскакали в степь. Отъехав от Яика на безопасное расстояние, степняки привязали Матрену арканами к лошади, скрутили Антипу руки и поскакали в степь. Ехали семь дней и семь ночей, изредка давая пленникам воды.

Вот так Матрена оказалась в стойбище султана Танбала, а Антипа куда-то увезли. Больше они не виделись.

Как только женщина собралась сказать еще что-то, во дворике появился все тот же старик, который указал пальцем на Гурьяна и отдал вострепнувшимся стражникам какое-то распоряжение. После этого он поманил Матрену и шагнул в сторону лестницы.

Казаку ничего не оставалось, как последовать за воинами, которые указали ему пикой направление и встали по бокам, готовые в любой момент применить силу.

8

Гроб с покойным поставили в атамановой избе – единственном капитальном строении в лагере поселенцев. В день похорон все собрались в избе.

Данила Осипов читал молитвы, а женщины голосили¹⁶. Они так старались, что в избе стоял страшный шум. Изредка кто-нибудь открывал дверь и тотчас быстро захлопывал, чтобы испуганный криком черт выскочил на улицу и не успел заскочить обратно. Когда решили, что нечисть наверняка убралась восвояси, казаки и казачки вышли на улицу.

Василий Арапов стоял у гроба и угрюмо наблюдал, как Данила исполняет прощальный обряд. Он вспоминал, как Демьяна принесли в лагерь, и всем стало ясно: смерть.

Покойный лежал на ворохе веток и травы. Около него сидел Петр Кочегуров без слов и без слез. Словно не веря своим глазам, есаул потрогал скрюченные пальцы соратника и друга, отдернул руку и позвал женщин. Казачки обмыли и одели Демьяна, накрыли его лицо.

Всю ночь дежурили по очереди у застывшего тела. Арапов и есаул не ложились совсем и ни с кем не разговаривали. Переживая потерю добродушного казака как очередную личную трагедию, атаман потерял представление о времени, о людях, окружавших его. Он был во власти погибшего казака, его жизни, его добросовестности, оцененной слишком поздно, его бессмысленной смерти...

Ближе к обеду гроб понесли на кладбище.

На пригорке над Сакмарой вырыли могилу, а бугорок затем посыпали мхом и ветками. Спели несколько псалмов. Ветер сдувал с лопат землю и раскачивал вокруг одинокой могилы вековые деревья.

Петр Кочегуров произнес речь:

– Почивай, брат-казак, почивай! Мы довершим дело твое.

Атаман стоял в стороне, хмуро глядя перед собой. Его мучило навязчивое воспоминание: закрытые глаза, скрюченные пальцы. «Почивай, дорогой брат!..»

– Мы избраны Хосподом покорить Сакмару Россее ради, и мы покорим ее. И безвременна кончина Демьяна не помешат нам, а поможет! Разве зазря он отдал жисть здесь? Нет, нет и нет...

Кочегуров говорил еще что-то, но Арапов его не слушал. Он думал о другом. Демьяна любили. Его полюбили еще больше теперь, когда казака не стало. А вот Крыгин... Этот сатана что-то скрывает. Не мог просто так Демьян покинуть пост и уйти к реке, к общественным переметам. Подобное поведение больше свойственно Гавриле, казаку вороватому, подленькому и склочному. И ему не уйти от ответа, если хоть как-то причастен к смерти Демьяна.

Начали расходиться. Первыми кладбище покинули женщины, которые спешили накрыть поминальные столы. Вслед за ними не спеша пошагали казаки. У могилы остались лишь Василий Арапов и Петр Кочегуров. Еще не оправившийся от тяжелых ран есаул с помощью атамана присел на бревно и, глядя на венчавший могилу крест, усмехнулся:

– Вот и кладбище открыли, а крепостицы все ешо нет.

– Иш какой шустрый!

Арапов недовольно поморщился. Ему не понравились слова Петра.

– Числом нас мало, штоб дела велики скоро вершить. Вот кажи, хто у нас нынче остался? Ты, я и ешо девять душ, баб и мальцов не считая. Была бы сотня хотя б. И казаки с Яицка не больно в помощь спешат!

– А ты думал, валом повалят? – язвительно ухмыльнулся Кочегуров и посмотрел на реку. – В Яицке нас, поди уж, и в церкви отпели.

– Пошто так? – удивился атаман.

– А то как же. Сидим здесь сиднями и весточек по себе не шлем!

– Отпевать-то нас пошто? Иль хто нас мертвяками видал?

– И живыми давненько уш не зрили. Думаешь, оне там знат, што степняк нам докучать не желат?

---

¹⁶ Голосили – громко, с причитаниями, плакали, исполняя обрядовый плач.

– Сплюнь, а то сглазишь ненароком. – Арапов озабоченно почесал затылок и присел на бревно рядом с есаулом. – То и мя шибко тревожит. Кыргызы вокруг Яицка, як волки, рыщут, носа высунуть не дают. А тута прямо диву даюсь.

– Оне ешо явятся, нюхом чую.

– Тьфу, не поминай бесов, а не то впрямь явятся. – Атаман набожно перекрестился и, вытянув из-под рубахи нательный крест, бережно поцеловал его. – Вот и вкальваю як проклятый, дабы лагерь укрепить! Ежели степняк пожалут, хоть где отсидеться будет.

– Кыргызы большим числом придут, – уверенно заявил Кочегуров. – Надо бы ухо остро держать и струги наготове! Ежели што, хоть можно будет уплыть водою.

Казаки, задумавшись, помолчали. Встрепенувшись, Арапов спросил:

– Слышь, Петро, а те не кажется странной смерть Демьяна, царствие ему небесное?! – Он вновь перекрестился и внимательно посмотрел на озабоченное лицо Кочегурова, который продолжал думать о чем-то своем.

– А што тута странного, видать, срок подошел, – нехотя ответил есаул.

– Энто понятно! Но помер как-то не по-людски, не по-нашенски. Утоп бесславно казак боевой!

– Кому как отпущено.

– Смекаю Крыгина обспросить о том. Што-то темнит Гаврила о несчастье том, и я ему не верю! – Арапов решительно встал и нахлобучил шапку. – Вот прямо седня вечером у костра и учиню спрос. Поглядим, што «бляшечка» на мои вопросы грить будет.

Кочегуров и атаман покинули кладбище и медленно пошли в сторону лагеря.

– Жисть наша што скорлупа яичная, – вздохнул Арапов. – Чуть што – трещина, а может быть, и хуже!

– Хужее-то куды ешо?

Есаул сплюнул и с величайшей досадой пнул земляной холмик, под которым оказался гриб. Но Петр не обратил на него никакого внимания и, раздавив каблуком, последовал дальше. Кулаки его сжимались и разжимались от бессильной злобы, а лицо исказила гримаса боли.

– Смерть – энто... Как я жив тады остался, и не пойму. Што стоит жизнь, тады мы и не думали. Ежели што и думали, то как дороже отдать ее. Пушай, думал я, помру – лишь бы на мою жисть ихних жизней поболе взять! Как в беспамятстве был. Казак, почитай, завсегда брал смелостью да нахрапом. Где сотня нужна, десятком брали. Где тышша нужна, сотней шли. Вот токо со Степкой и Гурьяном промашка вышла. Великим числом задавил нас степняк.

– Да, не казись ты. – Атаман ободряюще похлопал Кочегурова по плечу. – Иш извелся весь. Мало ли нас, казаков, гибнет год от году!

– Дык...

– Замолчь... молчи, грю, Петро, и меня слухай! Припомни вот, как крепостицу азиатску брали? Названье вот токо запамятовал.

– Хаюрзу? Што от Бухары недалече?

– Во-во, именно. Помнишь, с ружьями и саблями супротив артиллерии да с деревянными трещотками – для страху. А вспомни ешо, накладем сена в сани и айда гоням вдоль фронта взад и вперед – гляди, мол, сила какая.

– Помню сее, как же, – немного ободрившись, ответил Кочегуров.

– А ешо вспомни, Петро, как кыргыз зимою в степи обложили? Окопались оне тады крепко, камнями обложились, снегом, водою облили – заледенело все. И кибитки ихние рядом, греться можно. Нам бы их тады силой никогда не взять. У нех горы рядом, за спиной, а мы с Яика прямо, с голого места почитай. И числу их воинов счету нет. «Браты, – кричал тады Меркурьев, – одна она смерть-то! Силой ни в жисть не взять, на испуг хапнем сукиных сынов!» Нас-то десятков пять душ с ружьями да возчики следом с палками – тож будто ружья, и хайлим

во всю глотку: «А-а-а!» – и на приступ прям. Ошалели кыргызы тады, раз-другой пульнули, на коней – и айда тикать.

Арапов и сам не заметил, как распалился, но есаул поостудил его пыл:

– Помню, тады кайсаки брательника мово Степку с собой уволокли. Кады мы их на третий день настигли, Степка уже мертвый был! Тады его кыргызы на костре поджаривали. На костре! Потом уж, на стойбище их поганом, мы откопали труп. Лицо изувечено, глаза выжжены, нос и язык обрезаны, спина исполосована.

– Тады же и замороженных отрыли, – припомнил атаман. – Выведут оне казаков наших на Яик – могилы во льду колоть. Проткнут лед, штобы вода в могилу поднялась, свяжут человека арканом по рукам и ногам – и в воду. Так и вмерзает вместе с водой бедняга.

– Почитай, десятка три трупов тады нашли, – вздохнул Кочегуров. – Все целые, мороженые. И каждый – в кыргызских отметиных: иль руки вывернуты, иль саблей истыкан, иль огнем поджарен. Мы тады казачков-мучеников всем Яицком хоронили. И Демьянка повсюду рядом был...

Поминальный обед подошел к концу. Общество встало, Осипов прочел молитву, и казачки принялись убирать со стола. Арапову захотелось подышать свежим воздухом, и он вышел из избы. У крыльца казаки уже который раз обсуждали таинственную смерть Демьяна. Среди них вертелся и Гаврила Крыгин. Он суетливо жестикулировал, навязывая собеседникам свою точку зрения.

– Он мне казал, што кабанов поглядит, а сам, вишь ли, переметы проверять залез. Рыбкой хотел, вишь ли, полакомиться, пока общество ночеват, бляшечки.

– Бреши больше... – вступился за покойного Евдоким Жаров, который приплыл вместе с покойным казаком и есаулом Кочегуровым. – Демьян ни в жисть бы воровать не стал у своих. Мы с ним не един пуд соли сожрали!

– Тады кажи, пошто он в реку полез? А? – Гаврила прищурился и, злобно оскалившись, посмотрел в честное лицо Евдокима. – Иль мя энто переметом ко дну придавило?

– А я вот думаю, што энто ты виновен в смерти Демьяна, – вмешался в спор Арапов, подойдя к Крыгину и внимательно посмотрев на него.

Казачки переглянулись и, ничего не понимая, уставились на атамана.

– Сердце мое чует, – прошептал Степан Рябов взволнованно, – чать прольется кровь нынче, зрит бог, прольется.

– Я вот не верю тебе, Гавря! – Арапов нахмурил брови и скрестил руки на груди. – Кады я пришел на реку, ты сидел на берегу! Верно?

– Ага, – вынужденно согласился Крыгин.

– Демьяна рядом не было!

– Ага, – вновь кивнул Гаврила, глаза которого тревожно забегали. Он усиленно думал, пытаясь понять, куда клонит атаман, и спешно подыскивал верный ответ.

– Одежды его тож на берегу не было?

– Ага.

По напряженному лицу Крыгина заструился пот, и он нервно облилиз пересохшие губы.

– А Демьяна из реки-то нагишом вынули, як младенца? – Атаман обвел тяжелым взглядом угрюмые лица казаков и остановился на посеревшем лице Гаврилы. – Получатся, к переметам подошли вы вдвоем. Демьян разнагишался и – в воду, а ты остался на берегу?

Лицо Арапова начало багроветь от избытка гнева, а рука легла на рукоять сабли:

– Ну?! Гри правду, сукин ты сын, не то...

– А я што? Што я-то?

Крыгин не на шутку перепугался и забормотал, не замечая, что язык выговаривает совсем не то, что хотелось бы. Слова выскакивали намного быстрее, чем мозг успевал обдумать их смысл и звучание:

– Он сам энто меня к реке позвал. Грил, ты покарауль, а я мырну. И мырнул, хотя я не пушал. Балычка ему, вишь ли, страсть как захотелось, бляшечки!

– А ты на бережку, значит, дожидался? И даже одежку спрятал, кады вразумел, что утоп Демьянка? – Атаман оставил в покое саблю и выхватил из-за голенища нагайку. – Сказывай, гад, как все было, не то засеку до смерти, как пса шелудивого!

Глаза Арапова грозно смотрели из-под густых бровей, и умирающему от страха Гавриле показалось, что они буравят его насквозь. Поняв, что, продолжая лгать, он лишь усугубит свою вину и окончательно разозлит атамана, Крыгин прерывисто вздохнул и рассказал все, что произошло той ночью. Но и на этот раз он предпочел оставить для себя роль второго плана, а на покойного Демьяна возложил роль организатора кражи рыбы с перемета.

Однако Гаврила явно переусердствовал, незаслуженно поливая грязью покойного – тихого, простого и честного казака, каковым его знали как поселенцы, так и все население Яицка. А более всех его знал Кочегуров, с которым Демьян прошел не одну сотню верст в походах по киргизским степям. Грубо растолкав казаков, возмущенный до глубины души есаул навис над съезжившимся Крыгиным грозовой тучей, а его тяжелый кулак кузнечным молотом сокрушил лгуна, повергнув его к ногам атамана на землю.

– Ты пошто не помог ему выбраться, падаль? Ты пошто...

Есаул выхватил саблю, взмахнул ею над головой, и этот день едва не стал последним в жизни обомлевшего негодея.

Арапов перехватил руку Кочегурова, чем спас Гаврилу от неминуемой смерти. От смерти да, но не от позора. Едва казаки уразумели, что к чему, быстро окружили Крыгина. Взгляды, полные презрения, сомкнулись на голове Гаврилы, который больше не пытался оправдываться, а лишь обреченно закрыл глаза.

– Убирайся к черту, – прорычал Арапов, обращаясь к Крыгину. – Седня же уходи, и нет те прощения!

– Да простит те Бог энти слова, – неожиданно внятно и спокойно сказал Гаврила, опустив виновато голову, – потому што энто крик моей раненой души. И я родился под казачьим кровом, и я ваш и Божий. А вы все мученики, но верьте, Божья правда не спит, а недремлющим оком учитывают все деяния людские, и кады мера переполнится, настанет ночь суда, а заря принесет спасение. Вы мне мстите, а месть... Не мстите сами; Бог справедлив, но он же и карает. Пусть он меня и судит. Хто претерпел больше сына Божьего? Но и он, умирая, простил своим врагам. Подумали ли вы, што будет со мной? Нет. Но вы и не думаете, што будет с вами, с вашими жинками и детьми, кады придет враг? Щас каждая сабля...

– Да, – ответил холодно атаман, немало удивленный вдруг открывшимся красноречием Крыгина, – будет плохо без лишней пары рук. И пусть даже небеса на нас обрушатся, но те с нами не быть боле! Бери жинку, будару и убирайся, куды хошь!

– А куды?

– Хоть к чертяке на рога, хотя напрямиком в преисподню – нам то неведомо!

9

Уже в который раз Нюра видела Никифора во сне. Они венчались в небольшой церквушке. Она обняла его, погладила по голове, и рука сохранила чувство от этого прикосновения. Оно было настолько явным, что, когда Нюра смотрела на затылки кулугуров, невольно сравнивала их с тем, что видела во сне.

И Никифор всегда говорил с ней тем же голосом, что незримый во сне. Те же то ли серые, то ли мутные голубые глаза, те же светло-русые волосы. Нюре почему-то все чаще хотелось провести по ним рукой. Девушка, как и прежде, хотела выбросить казака из головы, но не могла. Она даже перестала его искренне ненавидеть, как раньше. Его огромные колдовские

глаза, необыкновенно ласковый, вкрадчивый голос всюду преследовали ее. Она чувствовала в Никифоре внутреннюю силу. Таковую, которую хотела бы видеть у своего избранника.

В последнее время казак с ней почти не общался. Казалось, он затаил на нее обиду, и девушка не знала, как быть. Поэтому, невзирая на сомнения, она решила поговорить с ним и спросить, почему он не обращает на нее внимания. Увез из городка, значит, оторвал от семьи, осрамил, отравил жизнь, а теперь опозоренную швыряет на произвол судьбы?

Она подошла к Никифору, когда тот седлал коня, собираясь на охоту с кулугурами. Казак очень удивился, когда увидел девушку. Нюра не знала, с чего начать, Никифор ждал, но, казалось, все понимал. Она пыталась проникнуть в его глаза, в самую их глубину, и увидела бездонное небо. В нем бушевала, штормила, сверкала обидами и любовью свирепая буря.

Когда девушка подошла к нему и решительно остановилась, казак весь засветился, а потом вдруг превратился в лед. Он легко вскочил в седло, пришпорил коня и был таков. Даже не обернулся. У нее внутри все почернело от горя. Поведение казака означало конец надеждам.

Нюра долго смотрела вслед ускакавшим и, прислушиваясь к биению сердца, пыталась упорядочить сбившиеся мысли. Нет, она недовольна своим поведением, особенно тем, что позволила себе подойти к переставшему ее замечать казаку. Мысли, представленные своему течению, плывут по кругу лиц, слов, впечатлений и сходятся в центре круга – к... Никифор... Никифор! Только ночью, оставшись наедине со своими невеселыми думами, Нюра поняла причину странного отчуждения казака. Поняла и покраснела от стыда. Но почему так гордо и обиженно ведет себя Никифор? Разве она обещала ему любовь или давала к этому какой-то повод? И разве может любить его пламенно и нежно, как Степку? Стоп, а любит ли она еще Степку?.. Девушка вспомнила того, кого запретила себе вспоминать, и почувствовала такую острую и мучительную боль, что вскочила и убежала из землянки на улицу и стала быстро ходить взад и вперед. Нет, нет! Она не хотела любить Никифора.

Она презирала его. Жалкий, ничтожный изгой! Братоубийца! Но... но Нюра его любила. Вопреки всему вспоминала проведенные с Никифором дни и то самозабвенное счастье, то ощущение наполненности жизни, которое дала пробудившаяся вдруг любовь к похитителю, ту необыкновенную удивительную музыку, которая лилась на нее с темного неба, которую проносил над нею ветер, которая звучала внутри ее. Разве такое чувство повторяется? Разве оно не единственное на всю жизнь, упоительное и неизбыточное? Нет, она не хочет видеть Степку. Если бы довелось с ним встретиться, не сделала бы и шагу навстречу ему. Он в прошлом, вычеркнут раз и навсегда.

Нюра вновь вспомнила об ускакавшем на охоту Никифоре. Она долго смотрела в ночное небо, прижав ладони к щекам и покачиваясь от волнения. Он не был красив, Никифор. Бородатое, измученное невзгодами лицо. Но его глаза! Пламенные, лучистые, внимательные, наблюдающие, умные, удалые. Глядя в них, Нюра не видела свирепой, грубой внешности.

Может ли смерть или что-то другое разлучить их навсегда?

Девушка не могла перенести даже мысли о том, что хоть когда-нибудь останется без Никифора.

Что же это? Любовь? Нет, она знала, что это не любовь. Есть чувство сильнее и глубже любви – более цельное, более чистое, более человеческое? Нюра не хотела от этого человека ничего, кроме одного – чтобы он жил. Чтобы он был. Будет он – и не надо ни любви, ни песни, звучащей с неба; она сядет с ним рядом и приложит ладони к его горячему лбу и будет слушать его неровную, быструю, немного путанную речь.

Нюра вернулась в землянку и легла на свое место рядом с Марьей. Сон так и не шел. Изредка девушка поворачивала голову, шевелила руками. Марья не выдержала, встала на колени, уставясь заплаканными глазами на лампадку.

Время от времени она бросала полный муки и боли взгляд на Нюру и гладила ее по голове. Вдруг Марья принялась корить себя:

– Где ж ты есть, моя глупа голова? Што за хворь овладела моим дитя? О Богородица, пошли свою ангелочка, простому смертному не под силу излечить боль душевну. Токо б Нюра поправилась. Токо б поправилась доченька моя!

– Мама, все хорошо! – прошептала девушка, прикрыв глаза.

– Што ты казала, милая?

– Не хвораю я, мама!

– Нет, нет... Зрю, не в себе ты, – отчаянно замахала руками Марья.

– Мож, и хвораю, токо сама не знаю чем. И плохо, и хорошо! Што-то деется со мной непонятное! Сжимат горло обручем стальным, а коснусь чего-нибудь – стынет кровь! Голова огнем пылат – вотя пощупай: сердце рвется вона из груди. А закрою очи, ах, мама дорогая, сразу становится лехко, приятно, кабы мя ангелы Божьи в колыбели баюкают, спокойно течет в жилах теплая кровушка, спокойно, лехко, неторопливо бьется сердце, а чуть задремлю, улыбаются чье-то ласково лицо.

Девушка порывисто обхватила шею Марьи и пролила поток горячих слез на грудь женщины.

– Да поможет мне Бог, мама! Я с ума схожу!

Марья онемела. Крупные слезы покатались по ее морщинистому лицу. Она погладила Нюру дрожащей рукой и поцеловала ее в лоб.

– Успокойся, дитя, энто горячка. Да, горячка, кажный из нас переживает ее хотя бы раз в жизни – любовь энто, дитя мое. Но пошто сердечко твое склонно к душегубу? Он же похитил тебя из дома отчего, опорочил, осрамил и...

– Тсс. – Девушка встрепенулась и пугливо посмотрела на топчан, на котором громко храпел Гавриил. – Мама, я ж токо те все рассказала о себе и Никифоре. Ты ж перед иконой поклялась, што никому о том не скажешь.

– Поклялась, верно, а теперя вот жалею, што поклялась! – прохрипела возбужденно Марья и тоже покосилась в сторону храпящего супруга. – Он же душегуб. Он же брата свою единокровного, как басурманина, зарубил? Аль забыла, доча? И не место ему средь нас, идолу каянному!

– Не таков он! – неожиданно для Марьи и для себя самой возразила Нюра и испугалась собственных слов. – Его бес попутал!

– Хто, гришь? Бес? – Женщина нервно хмыкнула и, отвернувшись к чадающей лампадке, перекрестилась: – Он сам есть бес, тать и безбожник! И тебя он завлекает чарами антихриста! А ешо он...

Гавриил перестал храпеть и тяжело повернулся на своей лежанке, чем заставил Марью замолчать и затаиться. После того как он сменил позу, густой храп дал сигнал к продолжению разговора.

– Не говорила вон те, а надо бы. – Марья тяжело вздохнула, словно собираясь высказать что-то заветное или запретное, помолчала и затем выдохнула: – Сынок мой Тишка давно по те сохнет и вздыхат.

– По мне? – удивилась Нюра.

– А то по кому же. Ты одна средь нас дивно пригожа, эвон ангел с небес!

– Мама! – удивленно воскликнула девушка, и слезы затуманили ее глаза.

– Этово ешо недоставало! – растерявшись, сказала Марья и даже отодвинулась: она почему-то испугалась реакции Нюры на свои слова. – Неушто он непригож? Аль горбом обезображен иль телом немощен?

– Нет, нет! – испуганно возразила девушка и поспешно вытерла глаза. – Не серчай, мама. Я хочу с тобой поговорить наедине, но мне стыдно, я не знаю, с чего начать.

– Те стыдно, ты не знашь, с чего начать? А мож, прочтешь молитву на сон грядущий и заснешь?

– Нет, нет! Я хотела кое об чем тебя обспросить. Как ты думаешь... как ты считаешь?
– Ну?
– Никифор – хороший воин?
– Хорош, о том разговору нет, – нехотя ответила Марья.
– Я хотела спросить: а такой ли Тимоха храбрый, честный, правдивый, добрый?
– Ну, я не знаю, как энто сказать. – Женщина явно была в затруднении. – Он же сын мой, Нюра!

– Достоин ли он меня и лучше ли Никифора? – смело закончила интересующий ее вопрос девушка.

– Ого, Нюра?! – удивилась Марья. – Я и не ведала, што ты эдак горда.

– Я не горда, – перебила ее девушка, – я спросила токо, достоин ли мя Тимофей боле Никифора?

– Тимка возрос у мя на энтих вота руках, и он единственный оставленный нам Хосподом живым в отличие от многих умерших во младенчестве ево старших братьев и сестер. Он красив, статен, силен и набожен. Аль ты в энтом сумлеваешься?

– Нет, Боже упаси! Но я ешо не успела узнать его ближе, як каянного Никифора.

– Так лучше. Совсем нехорошо, ежели молодуха узнат поближе мужика до венца.

– Даже тады, кады того мужика в мужья ей пророчат?

– Кады оне поженятся, то будет много времени, штобы вызнать друг друга.

– А ежели оне не подойдут друг к другу, што тады?

– Дочка, дочка! Откель у тя таки помыслы? – возмутилась Марья, укоризненно качая головой. – Таких слов я отродясь ни от одной девки не слыхивала. Откель те ведомо, што вы не подходите друг к другу? Энто ведь мое, родительское дело выбрать те мужа, а Тимохе – жену. А я думаю, што вы, как никто, подходите друг к другу. Не думай, што я не знаю людей.

Теперь Нюра в свою очередь пришла в замешательство. Она не сразу нашлась что ответить, покраснела и опустила глаза.

– Я начинаю смекать, што ты досадуешь на Тимофея почем зря, – с нотками обиды в голосе посетовала женщина. – Тебе хотется, вишь ли, штобы средь молодых мужиков он слыл удалым да ловким? Дорогое дитя, не тужи об том. Пушай себе Никишка-вор сильнее и ловчей Тимофея мово. Пушай смелее и злее, словно аспид. А вота нежнее и заботливее мово мальчишка никоно нет!

– А ежели я вовсе и не хочу под венец? – вдруг сказала девушка.

Марья на то лишь вздохнула:

– Ты не хошь выходить замуж аль стыдишься сего? Девичий стыд – вещь хорошая, драгоценная и правильная, но всему и мера должна быть. Век в девичестве не просидишь!

– Я не хочу замуж, – упрямо повторила Нюра.

– Пустое се, болтовня!

– Не лукавлю я, ей-богу, не хочу!

– Почему? – спросила Марья, вдруг оторопев.

– Я не могу обсказать тово, – ответила девушка и опустила глаза.

Они вновь улеглись на топчан. Марья задула лампадку, и землянка погрузилась в непроглядный мрак.

Нюра лежала, закинув руки за голову и вытянувшись. «Я люблю Никифора», – сказала она себе и очередной раз удивилась: неужели это правда? Когда же это случилось? Путешествуя с ним от Яицка до берегов Сакмары, она еще не любила его настоящей женской любовью, в которой сливается воедино физическое и духовное влечение. Когда они поселились у кулугуров, она тоже еще не любила. Нет, кажется, была минута... Нет, их было много, но тогда она отгоняла их от себя. А потом все завертелось и померкло...

Девушка вскочила с топчана и, стараясь не разбудить спящую Марью, выскользнула на улицу, чтобы отогнать давивший ее страх будущего. Свежесть воздуха охватила ее, но была приятна. Она провела руками по бедрам, по животу, с ненавистью оглядела спящие в ночи землянки. Ее сердце было весело и чисто, оно забыло Степку, не вспомнило и о Тимохе, оно билось новой любовью.

Мысли Ньюры были прерваны появившимся неожиданно из ночи дюжим детиной, который неуклюже вскинул руки вверх и хриплым голосом сказал:

– Стой, не ходы!

– Кто ты? – попятившись к землянке, сердито спросила девушка. – Пошто людей ночью пужаешь, злыдень?

– Постой, не уходы, – подавив приступ нервного кашля, сказал незнакомец, – нет надобности в том. Я не тать, не кыргыз и не каракалпак, а честной человек божий. Не досадуй, што я тя остановил як вор средь ночи ясной. Ответь мне Хоспода ради на вопрос мой.

– Ошалел, што ль? – отрезала Ньюра, нащупав рукой дверку землянки.

Человек приблизился. Из-за верхушек деревьев поднялась луна и позволила разглядеть его. Он был высок и ладен. Казалось, что у него вытянутое лицо с орлиным носом, виднелись усы. На голове незнакомца была черная меховая шапка, на плечи накинута безрукавка; лунный свет причудливо играл в его черных глазах, на серебряных пуговицах безрукавки, на ноже за поясом и на тонкой цепочке длинного ружья, перекинутого через плечо.

– Тимоха, ты. – Девушка облегченно вздохнула, затем вновь встревожилась. – А Никифор? Никифор хде?

– Ня знай, – ответил беспечно молодой кулугур. – Кады я сюды скакал, он ешо на озере оставался.

– Надобность кака в том? – еще больше встревожилась Ньюра. – Путь туды ведомо далек, да и вы должны были апосля вместе возвернуться?

– Ня знаю о том, – ухмыльнулся Тимоха.

От плохого предчувствия на глазах девушки выступили слезы, и в них отразился лунный свет; смертельная бледность покрыла ее лицо, она упала на землю и безудержно зарыдала.

– Ньюра! – прохрипел пораженный юноша и беспомощно закрутил головой, не зная, что делать.

Затем он сел рядом с девушкой, опустил голову и закрыл ладонями лицо. То ли в его голове ярко вспыхнула страшная картина боя у озера, то ли он хотел скрыть слезы досады, или еще что-то шевельнулось человеческое в его подлой и трусливой душе...

– Тимка?! – Гавриил с трудом протиснул свое огромное тело в убогую дверку землянки и навис над парнем и девушкой необъятной скалой. – Ты пошто здесь околачиваешься?

– Да, вот. – Тимоха умолк, его глаза, отражая лунный свет, казалось, пылали диким огнем.

Затем он тяжело вздохнул, широко улыбнулся вовремя подоспевшей в голове мысли, удачно тряхнул головой и, видимо, отогнав таким образом остаток сомнений, привычно солгал:

– Меня Никифор сюды отослал, батько!

10

Жара стояла невыносимая. Яркое солнце, клонившееся к закату лета, сжигало землю и небо. Пыль, поднимаемая копытами, языками пламени лизала лица всадников. Ни малейшего дуновения ветерка.

Сопровождаемая всадниками телега медленно продвигалась по степи. Возница не гнал лошадей: спешить было некуда, да если б и было куда, лошади, уже привыкшие к неторопливому шагу, все равно плелись бы, хоть бей их дубиной. Наконец телега выбралась на дорогу

и покатила чуть быстрее. Справа и слева стеной стоял кустарник. Шагах в пятидесяти начался лесок. Вот телега добралась и до него.

С возницы семь потов сошло, от невыносимой жажды его рот стал сухим, как пустыня. Но он знал, что в лесочке ожидают прохладный чистый воздух и прозрачная вода родника – все это казалось далеким-далеким во время путешествия по раскаленной солнцем степи, на выжженной, запорошенной пылью дороге. Будто смерч, как в страшной сказке, неожиданно-негаданно оторвал их отряд от счастливой жизни, подхватил и унес куда-то. И вздымаемая копытами лошадей пыль – это пыль того смерча. И смутные, пыльно-серые тени всадников – это тени того же собравшего их всех в страшные объятия смерча.

Когда до степного оазиса осталось рукой подать, послышался свист. Кони, прядя ушами, встали. Возница замахнулся на них кнутом. И вдруг на дорогу выскочили два всадника. Один из них молнией подлетел к телеге и вонзил в коня саблю. Конь упал, возница вскрикнул, навзничь повалился в телегу и потянулся за топором. Но сзади на него набросился другой всадник, схватил за ворот и с силой сбросил на землю.

В это время из лесочка грянули выстрелы и уложили на землю едва ли не половину отряда, сопровождавшего телегу. Вторая половина, не принимая боя, повернула лошадей, и вскоре они исчезли из вида, растворившись в пылающей от зноя степи.

Всадник, который так бесцеремонно и ловко заколол лошадь в упряжке, осадил своего коня у телеги и, слегка наклонившись, спросил у обшаривающего телегу напарника:

– Ну, што тама?

– Ниче. – Тот как-то виновато развел руками и сердито сплюнул себе под ноги. – Обшиблись мы, видать, Антип!

– Быть того не може.

Антип легко спрыгнул с коня на землю и сел на придорожный камень. Богатырского телосложения, смуглолицый, с черными, коротко остриженными волосами и длинной черной бородой, он значительно отличался от своего молодого спутника. Нависающий над крупным широким носом высокий с залысиной лоб говорил об упорном нраве своего обладателя.

Черноглазый, большеголовый, скуластый, с плотно сжатыми толстыми губами – все в нем выдавало пронизательный ум, мужество и непоколебимую волю. Из-под расстегнутого ворота рубахи видна была могучая грудь. Каблуки тяжелых кожаных сапог он вдавил в придорожную пыль, локтями уперся в колени, а голову опустил на грудь, задумавшись. Горячий ветерок слегка коснулся его влажного от пота лица и пробудил от грез.

Сжав кулаки, Антип с ненавистью посмотрел на телегу, и гримаса разочарования исказила его лицо. Огонь в глазах померк, губы приоткрылись, на суровом лице появилась недобрая улыбка, какая бывает у больных, когда им на глубокую рану кладут бальзам. Он безмолвно смотрел на убитую лошадь, на пустую телегу, и душа его страдала. И вдруг по лицу его словно пробежала молния, он гордо вскинул голову, нахмурился, глаза налились кровью и вперились в одну точку.

Он напряженно смотрел в поверженных выстрелами киргизов таким жутким взглядом, словно хотел испепелить их. Предметом его ярости, конечно же, были не они, а их молодой повелитель. Но добраться до него не хватало сил.

Антип с сожалением посмотрел на свое выходящее из лесочка крохотное войско из десяти человек и тяжело вздохнул. При виде соратников ему как будто стало немного легче.

И все же сердце его никак не могло успокоиться. Хотелось отомстить виновникам его страданий: султану Танбалу и всей его Орде.

– Егор, где она? – спросил он напарника, который подтащил связанного возницу к телеге и привалил его спиной к колесу. – Ты ж казал, што этим обозом повезут?

– Дык я тож так думал! – Егорка несколько секунд оторопело поморгал, после чего пнул носком сапога в бок возницу и, выхватив из-за пояса кинжал, поднес его к горлу несчастного. – Шчас мы кыргыза о том обспросим.

Легко полоснув кончиком кинжала по горлу, юноша со злорадством посмотрел на выка- тившуюся капельку крови, после чего облизнул пересохшие губы и хриплым голосом спросил:

– По-нашенскому грить можешь, бес косорылый?

– Да, да, да, – закивал тот, прерывисто дыша и дико вращая глазами.

– Про султана свово Танбала што нам поведашь?

– О-о-о... Повелитель молод, но воин великий. Вся степь...

– Заткнись, морда. – Егорка вновь пнул под ребра возницу, а кинжал убрал обратно в ножны. – А ну сказывай, пес шелудивый, чем он шчас занимается?

– К походу готовится. – Отвечая на вопрос, пленник закрыл глаза и, глубоко вздохнув, добавил: – Казаки на землях султана объявились. И он их...

– Слышь, Антип, кыргыз сказыват, што их батько султан в поход собирается...

– Нам до того нет дела, – ухмыльнулся тот и обратился к пленнику: – Пуцай твой султан каянный хоть в ад ступат, я его и тама сыщу. Шчас ты мне об полонных его обскажи, о бабах особливо.

Возница задрожал, увидев, как Егор медленно вытягивает из-за голенища плеть.

– Нет... невольников в стане нет! Султан Танбал к походу готовится и всех полонян ото- слал в Хиву.

– И баб? – нахмурился Егорка.

Ничего не ответив, пленник кивнул и закрыл глаза, готовясь к смерти.

– Кады? – Антип схватил возницу за грудки и так потряс его, что едва не вытряхнул жизнь из щуплого тела.

– Оглох, што ль, антихрист, кады полонян в Хиву увели? – Егорка замахнулся плетью и отянул ею пленника вдоль спины. – Ну?

– Уж много дней прошло. – Возница зажмурился, ожидая очередного удара. – Очень много. Они уж в Хиве, поди!

Как безумный, кинулся Антип в лесок. Глаза его горели, в висках стучало, а на сердце, казалось, лежал огромный, как гора, камень. Он готов был тут же броситься в пропасть, ока- жись она перед ним. Рядом, в листве березы, залился соловей, но Антип даже не слышал его жизнерадостного пения. Вне себя он упал на землю. Попытался собраться с мыслями. Тщетно. Перед глазами поплыли круги, горло перехватило, голова разрывалась на части. Он прижался лбом к прохладной земле. Напрасно.

– Матрена! Где ж ты теперя, душа горемычная?

Вскочив, он ударил кулаком в ствол березы и, не почувствовав боли, закричал:

– Коня мне, мать вашу! Немедля коня, грю, пни неповоротливые.

Оказавшись в седле, он пришпорил животное и галопом поскакал в степь, точно за ним гнались черти. Проскакав несколько верст, Антип осадил коня, в смятении провел рукой по лицу, словно хотел отогнать туман, вставший перед глазами.

Когда Егор и другие соратники осадили коней с ним рядом, Антип сидел в раздумье, скрестив руки. Его взор был устремлен в сторону далекой Хивы. И никто не знал, что мысли казака тяжелы, а в груди гремит тяжелая битва.

– Ты ж казал, гад, што Матрену повезут седня? – Антип недобро взглянул на Егорку. – Ты ж...

– Прости, батько! – Юноша поежился и одновременно вздохнул, после чего развел руками. – Мне ж про то сам мурза Танбала поведал, Тахир, штоб ему пусто было!

– Скоко заплатил ему за весть сею?

– Все, што у нас токо было.

– Энто много! Страсть как много.

Антип нахмурился, а Егор опустил голову и прикусил нижнюю губу.

– Ниче, он ешо за все ответит, басурманин! – Антип сидел, словно окаменев, только глаза его сверкали гневным огнем. – Деньги взял, гад, и солгал! Што ж, тово следовало ожидать от нехристя. У кыргыз языки раздвоенные, як у змеюк подколодных. Но энто ему зачтется. Вот токо как же я теперя Матрену свою из Хивы вызволю?

– Штоб язык его песий на корню отсох. – Егорка виновато вздохнул и, задрав голову, посмотрел в безоблачное небо: – Но энто же он тя, батько, из полона зараз вызволил?

– А я жисть его поганую спас, кады жеребец понес его в пропасть. И дите его каянное спас, кады его волки в степь уволокли и едва не разорвали.

Антип посмотрел на юношу так грустно, что у того сердце едва не разорвалось от горя. Глаза Егора засверкали, как у дикой кошки, усы от гнева затопорщились, а грудь высоко вздымалась.

– Да мы ж его, гада... да мы ж...

– Одно ведомо, – на удивление спокойно вдруг заговорил, видимо, сладивший со своими чувствами Антип, – выкуп собирать надобно. Большой выкуп!

– Хде ж его собирать-то? – удивился Егор.

– А вот прямо здесь, в степи. Всех купцов с Востока хожих...

Антип не договорил, но окружавшие его казаки поняли атамана без слов. Небо высоко – закон далеко! Сабля да кистень – вот что в дикой степи суд и закон!

11

Наступившим утром султан Танбал получил сразу два известия, которые поразили его в самое сердце.

Первую недобрую весть принесли воины, являющие собой остаток посланного им в Хиву отряда. Испуганные, уставшие, они рассказали о каком-то призрачном отряде казаков, напавшем на них у степного оазиса. Султан вынужден был поверить в эту, как он вначале посчитал, небылицу, потому что воинам не было смысла лгать по многим причинам. Ложь султану всегда каралась смертью, и ни один подданный не осмелился бы соврать даже ради спасения своей жизни. И еще... Казакам сделалось тесно на берегах реки, и они, видимо, решили прибрать к рукам своим загребушим близлежащие участки степи.

Становилось ясным как день, что захватом реки пришельцы не ограничатся, и предпринимаемые усилия к походу против неверных вполне оправданы.

Вторая весть, которую принес воин из отряда его брата Касымбека, поразила Танбала как гром среди ясного неба. Казаки, оказывается, добрались даже до птичьего озера и вступили в бой с отрядом Касымбека, посланным для охоты и заготовки мяса для похода. Со слов гонца, казаки дрались отважно. Многие пали, но не отступили. В этом бою погиб и Касымбек...

Закутавшись в одеяла, Танбал лежал в шатре, никого не допуская к себе. Он не совладал с ознобом, съехал с подушек вниз, голова бессильно запрокинулась. Все! Казаки пришли на берега Сакмары навсегда. Пока их мало, но скоро их количество увеличится. Они смелы, коварны и не склонны упустить чужого, привыкнув считать его своим. Если они обростут числом немалым и двинутся дальше в степь?

Ужас охватил султана. Собрав все силы, он вскочил, разбросал подушки, одеяла. Сильное головокружение заставило его вновь склонить голову на постель, глаза закрыться, и Танбал погрузился в тяжелый сон.

Болезненное воображение тут же нарисовало степь и огромного казака верхом на черном коне-великане, копыта которого мололи в пыль попадавшие ему под ноги камни. Вот казак взмахнул окровавленной саблей и начал крутить ею над его головой. А конь его черный рычит,

а копытами передних ног с силой вбивает в землю голову... О Аллах всемогущий! Это голова Касымбека...

Страшное видение подбросило султана на постели. Вскочив, он с трудом удержался и не упал. Покачиваясь, Танбал приблизился к выходу, распахнул полог и как только смог громко крикнул:

– Коня и меч мне!

Мгновенно выстроившиеся перед ним мурзы явно не знали, что делать. Они видели, что султан болен и вряд ли выдержит в седле под палящим солнцем даже минуту. Но неповиновение каралось строго, а потому... Выручил всех ловкий Тахир, который повалился в ноги султана и воскликнул:

– Повелитель, вы больны, вам надлежит лечь.

– Готовиться к походу, пес. – Танбал пнул мурзу ногой и едва не упал.

Подоспевший лекарь крепко обнял дергающееся тело султана и вкрадчиво сказал:

– Войско еще не готово немедленно выступить. Не подошла помощь от вашего старшего брата, о повелитель.

– Коня мне и меч, – никого не слушая, закричал Танбал.

Кто-то из мурз припал к его ногам, подавая сапоги. Танбал обул одну ногу, на вторую не хватило сил. Голова вновь закружилась, и он чуть не задохнулся. Он хотел еще что-то сказать, но не смог шевельнуть своим чрезмерно отяжелевшим языком. Сделав шаг, он вдруг споткнулся, упал и потерял сознание.

Очнулся султан далеко за полночь. Рядом суетились лекарь и его помощник, который разводил лекарства и подавал их своему учителю. Как только Танбал сел на подушках, лекарь выглянул на улицу, сделал знак рукой, и вскоре в шатер вошли с поклонами мурзы.

Султан, ничего не понявший поначалу, потом уразумел, что его подданные собрались на военный совет. Все они были намного старше его, некоторые уже седовласые и умудренные жизненным опытом, но приветствовали своего юного правителя с особым радушием. Затем все сели в круг. Высокий старик, которого остальные почитали как наставника султана, посмотрел на Танбала и сказал:

– Повелитель мой, я привел с собой тысячу воинов, готовых хоть сейчас в бой. Но с огорчением вижу, что ты болен. Скажи, сколько времени ты не сможешь вести нас к берегам Сакмары?

– Я рад тебя видеть, наставник. – Танбал приветливо, но вяло улыбнулся и перевел взгляд на лекаря. – В поход я давно готов. Да вот хворь странная овладела телом моим. Али, скажи почтенному Исмаил-беку о моем здравии.

– О повелитель, – начал издали лекарь, – овладевший тобою недуг изучен многими великими врачевателями и носит название... Гм-м-м...

– Мне неинтересно, как называется недуг, – нетерпеливо перебил его Танбал. – Мне не терпится узнать, сколько времени потребуется на его лечение.

– Уже утром ты будешь здоров, весел и свеж. – Али церемонно поклонился и продолжил: – Я приготовил чудодейственный бальзам, который...

– Ты слышал? – Султан Танбал посмотрел на Исмаила и удовлетворенно потер ладони. – С рассветом выступаем!

Пока султан, вдохновясь, говорил, Исмаил-бек не мог оторвать от него глаз. Мужественная красота молодого лица, огонь, горевший в его глазах, звук мягкого голоса и поток вдохновенных слов туманили трезвый ум почтенного воина. Он понимал, что его воспитанник вполне сможет одержать победу над казаками, осевшими на берегах реки. Танбал заметно возмужал за минувший год и сделался настоящим воином и предводителем.

– К реке подойдем двумя колоннами, – продолжал Танбал. – Исмаил-бек истребит казаков, осевших на горе у реки, а я со второй половиной войска спущусь вниз и истреблю казаков,

строящихся в лесу. Напав внезапно, мы быстро справимся с врагом и надолго отобьем желание селиться на моих землях.

Рука султана воинственно ухватила за рукоять кинжала, торчавшего за поясом.

– Предать огню все, что успели построить неверные, женщин и детей в полон, а казаков... – Танбал стиснул зубы, на его лбу выступил холодный пот. – Головы казаков на пики.

Султан был вне себя. Каждая жилка его дрожала. Ему хотелось стереть с лица земли не только две группки казаков, против которых он готовил в поход целое войско, но и разбойный городок Яицк, из которого неугомонные казаки растекаются повсюду, сея раздор и ужас. Несколько раз Танбал провел рукой по влажному лбу, резко сел и принялся в раздражении грызть ноготь мизинца левой руки.

– Выслушай меня, повелитель. – Исмаил-бек склонил голову, продолжая наблюдать за взволнованным лицом Танбала. – Одно только слово! Я должен сказать...

– Говори, – кивнул султан и, справившись с волнением, приготовился слушать.

– Сегодня в мое сердце вонзился острый кинжал, и я хотел проклясть день, когда меня родила мать... – Хитрый вельможа сделал паузу и, прочтя на лице своего воспитанника полную заинтересованность, продолжил: – Мрак пал мне на глаза, камень – на сердце, я готов был заживо лечь в землю, как только моих ушей коснулась весть о гибели моего второго воспитанника и твоего младшего брата Касымбека. Однако незримая рука вырвала меня из объятий отчаяния и указала более правильный путь. И если бы на том пути стал родной брат мой Ибрагим, я убил бы его!

Лицо Танбала побледнело от напряжения. Слова Исмаил-бека тронули султана, хотя он терялся в догадках, пытаясь понять, куда клонит его бывший наставник.

– К походу следует подготовиться более тщательно. Казаки – воины искусные, и страх им неведом. Если мы придем к ним неподготовленными, то понесем немалые потери. Они не испугаются и не убегут при виде всей нашей мощи, а встанут грудью на защиту и умрут до последнего, но...

– Что ты хочешь предложить мне, почтенный Исмаил-бек? – нахмурился Танбал. Он предвидел, что высказанный Исмаилом план, вне сомнений, будет безупречен. Старик, умудренный опытом боевых походов, знал толк в военном искусстве. Но этот план, скорее всего, будет рассчитан на длительную борьбу с казаками, и все произойдет не так, как хотелось бы ему, султану, – одним мощным натиском покончить со всеми раз и навсегда. Но Исмаил готовится говорить дальше, и придется его внимательно выслушать.

– Я предлагаю перекрыть реку ниже лесного поселения казаков и отрезать им путь к возможной помощи или отступлению. – Исмаил-бек на секунду задумался и продолжил: – Затем обложить оба поселения, лишив возможности промышлять охотой и рыбной ловлей. Затем незначительными набегам изматывать их силы. Как только голод сделает свое дело и лишит врагов способности сопротивляться, истребить их всех без больших потерь для нашего войска.

– Осада значительного урона казакам не принесет, а лишь затянет время, – возразил Танбал после нескольких минут раздумий. – наших воинов достаточно, чтобы сокрушить казаков разом! Пусть они отчаянны и храбры, но число их слишком мало, чтобы нам попусту тратить время на осаду.

Высказавшись, султан посмотрел на угодливо кивающих мурз и, уже не сомневаясь в своей правоте, закончил:

– Выступаем сразу, как только привезут тело Касымбека и мы предадим его земле. Воины к походу готовы, и великий хан Хивы ждет от нас не осады, а быстрой победы!

– Я ждал столь мужественного ответа, – вздохнув, согласился Исмаил-бек. – Пришедшие со мною воины, посланные твоим старшим братом, пошли Аллах ему много лет жизни, тоже готовы к битве.

Поздно вечером, испив приготовленного лекарем бальзама, Танбал почувствовал прилив сил и вышел на улицу. Опираясь на пику, он долго смотрел в мигающую огнями костров степь. Лагерь спал, но султану почему-то не спалось. Хотелось поразмышлять о предстоящем походе и о свадьбе, которую предстоит сыграть, как только враг будет разбит. Красавица Юлдуз...

Перед Танбалом неожиданно появился Исмаил-бек. Старому воину, видимо, тоже не спалось душевной ночью, или он специально выжидал выхода своего бывшего подопечного из шатра, так как очень хорошо знал привычки воспитанника и умело их использовал.

Пышная белая чалма, сам весь воплощенное достоинство – Исмаил-бек приблизился к правителю с чуть склоненной головой:

– Вассалам алейкум, достопочтенный султан! Путь доблести и славы начертан судьбою и открыт перед тобой.

– Мне не понравился твой план, Исмаил, – не отрывая задумчивого взгляда от степи, сказал Танбал, думая, что наставник пришел к нему, чтобы отстаивать свою точку зрения. – Меня не поймут в Хиве, если я не разгромлю казаков в ближайшее время.

Все достоинство тут же слетело с бека. Он понял, что дальше обмениваться любезностями с повзрослевшим воспитанником становится опасно. Прежде чем продолжить беседу, он тщательно взвесил каждое слово, которое собирался произнести, после чего сказал:

– Ты победишь, Танбал, нет сомнений. Число твоих воинов во много раз превосходит численность казаков. Но эта победа может обернуться последующим крупным поражением!

– Это еще почему? – Султан недоуменно посмотрел на воспитателя.

– Повелитель, ты хороший воин, но плохо знаешь казаков. Это сброд со всего света. Отчаянные головы. Они живут разбоем и грабежами, не подчиняются никому, кроме избранного среди своих же атамана. Казаки злы и кровожадны. Прежде чем кто-то из них погибнет в бою, он унесет с собою в ад много твоих воинов. Казаки воинственны, они могут спать в степи в лютый мороз, прикрывшись одной лишь буркой. Эти неверные псы водят дружбу со злейшим врагом всех правоверных – шайтаном. Именно он сделал их такими, каковы они есть! Жены казаков мало чем уступают своим мужьям. Как только начнется бой, они встанут рядом с казаками. О повелитель, поверь, их жены владеют оружием не хуже своих мужей и по отваге не уступают им.

«Тебя послушать, впору отменять поход». – Танбал кисло поморщился, но принял к сведению слова Исмаила. Старый волк много раз участвовал в набегах против казаков и часто рассказывал об этих странных и воинственных людях. Теперь настало время и ему, султану, помериться силами с казаками, что поможет ему получше узнать об отваге неверных, их легендарной стойкости и удали. Аллаху угодно наслать час тяжелых испытаний на Танбала, и он его воспримет с достоинством.

Небо побелело. И чем ярче разгорался рассвет, тем быстрее тускнели точки костров. Настало время утреннего азана.

После молитвы и принятия пищи Танбал уединился в своем шатре. Ему не хотелось видеть обессиленных жарой воинов и слуг, которые с нетерпением ждали наступления вечера. Хотя болезнь отступила и силы вернулись вновь, Танбал чувствовал себя утомленным и никак не мог заснуть. Он так увлекся мыслями о предстоящем походе, что не услышал топота множества копыт. А через несколько минут с улицы донеслись рыдания. Танбал вздрогнул и поднял голову от подушки. Что случилось? Плач становился все сильнее. Забывший о походе Танбал опрометью, большими прыжками выскочил из шатра на улицу.

Увидев повозку с телом брата, он побледнел и задрожал. Воин из отряда Касымбека сделал порывистое движение в его сторону и стал на колени. Голос его, глухой и просительный, прерывался:

– О повелитель! Пусть Всевышний даст вам силы! Теперь для степи и для нас вы единственная защита! За каждым кустом нас поджидают враги и...

Танбал словно окаменел. Пока тело Касымбека готовили к погребению, он молча оделся, вышел из шатра и взобрался в седло. Огляделся. Султан увидел угрюмые лица людей, они тоже грустят по его младшему брату, которого любили.

Сопровождаемый охраной, Танбал долго скакал по опаленной солнцем степи, после чего опомнился и резко развернул коня. Он вонзил шпоры в бока несчастного животного и поскакал в сторону кладбища. Всем существом почувствовал молодой султан, что никогда уже не увидит брата, что потеря невозвратна, и слезы переполнили его и пролились наконец, терзая и одновременно облегчая душу.

12

Уставший конь Никифора едва поспевал за конем незнакомца. Они скакали по дикой степи всю ночь. Ближе к утру уже молча ехали рядом и уже едва достигли поселения кулугуров, как незнакомец натянул уздечку и остановил коня.

– Што, приехали? – поинтересовался казак после того, как вздыбившийся конь коснулся передними копытами земли и, тяжело дыша, замер.

– На, испей вот! – Незнакомец протянул ему бурдюк.

– А што тама? – прежде чем выпить, поинтересовался Никифор.

– Вино, – коротко ответил незнакомец.

С жадностью сделав несколько глотков, казак вернул бурдюк своему таинственному спутнику и вытер бороду и губы.

– Што, пора прощаться? – покосился он на незнакомца, незаметно коснувшись рукоятки сабли.

– Бог с тобой, – ухмыльнулся незнакомец, – куды те спешить? Поедем со мной, нам есть о чем поговорить.

– Не хочу я с тобой, – возразил Никифор, поворачивая коня.

– Ну, пусть будет по-твоему! – согласился незнакомец.

– Прощевай, коли так, спасибочки за помощь оказанную!

Пришпорив коня, казак поскакал в сторону лагеря кулугуров, спиной чувствуя колючий взгляд своего спасителя.

Рассвет застал Никифора в степи. Он скакал, как в тумане, и смотрел лишь на гриву своего коня. В его душе пробуждались далекие воспоминания, ему хотелось и плакать, и смеяться. Наконец, он въехал в прибрежный лес, и конь сам по себе остановился.

– Слезай! – звонко и неожиданно, как выстрел, прозвучала команда, и казак узнал своего спасителя. Привязал коня к дереву, незнакомец помог Никифору выбраться из седла, после чего взял его за руку и повел куда-то в чащу леса. Вокруг царил мертвая тишина. Миновав заросшую цепким шиповником полянку, они вышли к срубам. Казак, вздрогнув, остановился: он увидел сидящего перед домом мужчину, очень похожего на... О боже! Незнакомец как две капли воды походил на зарубленного им брата Тимоху!!!

Он тихо сидел, обняв руками колени, неподвижно уставившись в одну точку. На бледный лоб падали растрепанные волосы, поблекшее лицо было лишено всякого выражения, в потухших глазах не было видно и искорки мысли.

– Послушай... – Никифор клещом вцепился в плечо своего спасителя и в ужасе прошептал: – Ты зришь энтого... энтого...

– Вижу, слава богу!

– Знашь ли ты, хто энто? – И он еще сильнее сжал плечо своего спутника, не решаясь отпустить его от себя.

– Нет, – ответил тот, поморщившись от боли.

– Айда, ой, айда отселя! – И казак, дрожа как осиновый лист на ветру, потащил своего спасителя в обратном направлении.

– Што с тобой? – невольно последовав за Никифором, поинтересовался незнакомец, хотя по всему было видно, что он знает ответ на свой вопрос.

Прежде чем ответить, казак резко остановился, облизал пересохшие губы кончиком языка и трижды перекрестился. Затем он сорвал с головы шапку, зажмурился и выпалил:

– Дык энто ж брат мой усопший, Тимоха.

Затем он упал на колени, скрестил на груди руки и полным муки голосом прокричал:

– Тимоха, брат! Боже мой, ты ль энто?

Мужчина никак не отреагировал на полную отчаяния просьбу Никифора. Он даже не пошевелился.

– Тимоха, брат! – крикнул казак громче и просяще протянул обе руки в его сторону. – Я энто, я... брат твой, каменный, Никифор. Я! Тимошенька!

Повернув медленно голову в сторону казака, мужчина оскалил зубы, впери в Никифора неподвижный взгляд и разразился диким хохотом.

Перепуганный насмерть казак, не вставая с колен, попятился и ухватился за ногу стоявшего рядом и молча наблюдавшего за происходящим своего спасителя. Никифор был бледен, тело сотрясала ужасная дрожь, и оно сделалось влажным от обилия выступившего пота.

– Брат то мой, Тимоха. – Казак протянул руку в сторону хохочущего безумца. – Он... он же помер?

– Нет, он жив, но сошел с ума. – Спаситель усмехнулся, но с места не сошел.

– Спятил? – воскликнул Никифор сквозь слезы, закрыв лицо руками. – Боже мой! Но я ж сам срубил ему башку? Хосподи, неужель ты удумал мне тако наказание: зрить брата не помершим, а животиной, разум утерявшей?!

Казак с криком бросился на траву и прижал лицо к сырой земле, а безумец вскинул голову, поднял кверху указательный палец и, широко раскрыв глаза, хрипло зашептал:

– Знать, грешник ты кровавый. Но головы моей ты не срубал. Ни первой, ни второй, ни третьей... – Он поднял руки вверх и вновь дико захохотал. Никифор молча стоял на коленях, голова его опустилась на грудь, лицо исказилось от неизмеримого страдания, а из глаз лились слезы отчаяния.

– Ково Хосподь принес? – раздался голос из-за дома.

– Андрон, Андрон, энто я, Мариула...

Спаситель Никифора вдруг сорвал скрывавший лицо платок, сбросил шапку, и освободившийся роскошный волос рассыпался по плечам. Не веря глазам, казак с открывшимся ртом созерцал, как спасший его храбрый воин прямо на глазах превратился в жгучую красавицу, которая вся засветилась, увидев вышедшего во двор бородатого старца.

Мариула действительно была сказочно красива. Не девушка, а чистая лань! Длинные ноги, пышная грудь, черные с синевой волосы, раскосые зеленые глаза. С распростертыми объятиями бросилась она к старцу. Крича от радости, обвила его сухонькое тело гибкими, как виноградная лоза, руками, прижалась к груди и, видимо, сгорая от счастья, томно прикрыла глаза.

– А-а-а, Никифор, и ты здесь?! – погладив красавицу по голове, посмотрел старец на казака. – Ну, айдате разом все в избу. Вкушать пищу будем и ознокамливаться промеж себя!

Услышав свое имя, Никифор вздрогнул, поднял голову и внимательно посмотрел на хозяйку лесного дома, который больше напоминал лешего, нежели живого человека.

– Степка, и ты иды тож, – ласково обратился старец к безумному парню, поманив его дряблой рукой.

Степка радостно встрепенулся, гыгыкнул, его щеки слегка зарумянились, бессознательная улыбка заиграла на бесчувственном лице. Скрестив руки на груди и опустив голову, он покорно пошел за старцем в дом.

Удивлению Никифора не было предела. Он стал бледнее полотна, то закрывал глаза, то широко открывал их, чтобы увидеть все происходящее и поверить увиденному. Но сделать это было очень трудно. Мозг отказывался что-либо понимать в происходящем, так как все было туманно и запутанно. Вдруг оживший и спятивший брат Тимоха? Спасшая его от верной смерти отчаянная девчонка? Старик, который уже раза три, наверное, пережил свой возраст?

Никифор был возбужден, не хватало дыхания, кровь бешено мчалась по жилам. Рассудок покидал его. Задражав, он вскочил и схватился за рукоять сабли. В этот момент его взгляд остановился на язвительной улыбке прекрасной незнакомки и...

Глаза красавицы засветились по-змеиному, пунцовые губы вздрагивали. Казак точно онемел, воцарилась тишина, только горлица ворковала, устроившись в кустах дикорастущего торна:

– Ну, пошто зенки пялишь? Следуй в хату, коли приглашают.

Не чувствуя под собой ног, околдованный всем происходящим Никифор вошел в хату следом за девушкой и, остановившись в дверях, осмотрелся.

Огромная печь делила дом на две комнаты. Та, что побольше, так называемая светлица, имела два окна и была свободна от какой-либо мебели. Окруженный широкими скамьями большой обеденный стол да несколько образов в левом углу, под которыми чадил крохотная лампадка. Посреди стола – огромный чугунок, наполненный дымящейся картошкой, вокруг него лежали четыре деревянные ложки. Рядом с чугуном стояла деревянная чаша с квашеной капустой. Видимо, хозяин дома, тот самый старец, заранее ожидал его прихода и готовился к этому. Стоп, но откуда то ему было известно?

Старец сел на скамью во главе стола и внимательно посмотрел на Никифора. Его бездонные голубые глаза, прикрываемые нависшими густыми седыми бровями, излучали какой-то свет, который, казалось, проникал в самую душу казака. Почувствовав себя неуютно, Никифор поежился и отвел взгляд, словно провинившийся мальчуган.

– Я ждал тебя, Никифор, – устало сказал старец и взглянул на переодевшуюся в красный сарафан Мариулу.

Девушка была настолько очаровательна, что от нее нельзя было отвести взгляд. Мариула вела за руку Степана, лицо которого по-прежнему озаряла улыбка глупца или душевнобольного, не имевшего ни единого шанса на излечение.

Мариула села по правую руку старца, а Степан – по левую. Никифору ничего не оставалось, кроме как осторожно присесть рядом с девушкой, хотя он крайне не желал такого соседства. Он боялся в этом доме всего. Боялся смотреть на лицо безумца, которого подсознательно продолжал считать своим умершим братом. Боялся смотреть в лицо старца, который, как ему казалось, знал про него все. А больше всего боялся взглянуть на сидевшую рядом красавицу. Он боялся даже случайно коснуться ее локтем.

– Вкушай трапезу, Никифор, – взяв ложку, проскрипел старец. – Не сердись, коли не по нутру што! Мы здесь привыкли вкушать все то, што Хосподь нам пошлет!

– О себе можешь ниче не сказывать, мы все и так знаем, – продолжила девушка, беря ложку и поощрительно улыбаясь Степану.

После этих слов казак едва не впал в состояние полной депрессии. Кушать ему не хотелось, пить... Да, выпил бы что покрепче, да вряд ли в этом колдовском вертепе что същется, кроме зелья разве что.

– На-ка вот, испей. – Старик протянул Никифору глиняную чашу, наполненную подозрительной мутной жидкостью. – Коли есть не хошь, напиток сей те силы придаст!

– Дык я... – Казак не нашел слов, чтобы закончить фразу и, осушив одним махом кружку, привычно вытер усы, бороду и губы.

– А теперь спи, казак. – Мариула коснулась могучего плеча Никифора. Глаза его закрылись, а лицо медленно опустилось на стол. – Помни, что ты мне жизнью обязан!

13

Ливень, сопровождаемый грозой, начался ночью. Свирепые отблески молний, яростные раскаты грома, штормовой ветер – все смешалось воедино, грозя разнести крохотное поселение на берегу реки.

Началась паника. Все одевались как попало. Спасали от воды одежду, утварь, порох. То и дело раздавалась отчаянная ругань, когда шалаши, не выдержавшие натиска бури, обрушивались на головы своих обитателей. Бессильные противостоять стихии казаки спешили в атаманову избу, где садились вокруг стола, шутя и матерясь, рыдая и злобствуя. А снаружи завывал ветер, журчала и хлюпала вода.

А ливень все усиливался, и молнии с трудом прошивали плотную стену лившейся с небес воды, окрашивая ее в зеленовато-желтый цвет. В паузах между громовыми раскатами доносился новый пугающий звук – это билась, шипела, лезла на берег, плевалась пеной растревоженная Сакмара.

Прикрепленные к берегу струги жалобно скрипели, качаясь на волнах. Арапов вышел на крыльцо и несколько минут прислушивался. Атаман любил грозу и с интересом следил за сверканием молний, освещавших огороженный лагерь, который уже походил на укрепленное поселение.

Потом он с тревогой подумал о последствиях, которые может причинить разбушевавшаяся стихия, и, подскочив, вернулся в избу, где принялся лихорадочно одеваться. Бревна! Штабеля бревен на берегу!

Выбежав на крыльцо, он столкнулся с Кочегуровым, лицо которого было необычайно взволнованным, искривленным отчаянием.

– Потоп... Гибель всего! – выпалил есаул, перекрикивая завывание ветра и стиснув виски.

– Кара небесная, – простуженно прохрипел оказавшийся рядом Данила Осипов. – Страсть как быстро водица поднимается!

Арапов стоял, закусив губу. Да, с наводнением бороться трудно. Если вода унесет бревна и струги... Бревна еще напилим, а вот струги. А как их спасешь? На берег тащить надо!

– Всем на реку, а ну, айда!

Атаман побежал к реке, увязая в набухшей от воды земле. Ливень бешено колотил его, бил по рукам, лицу и шее. Шапка превратилась в бесформенный холодный комок. Одежда промокла насквозь. Ноги стали тяжелы и неповоротливы в намокших и облепленных песком и грязью сапогах. Но Арапов бежал, тяжело переваливаясь, хрипло дыша, втянув голову в плечи. Молнии помогали находить дорогу. Но когда он добрался до берега, то не узнал его: на месте ровных штабелей – бесформенные кучи пока еще не успевших уплыть бревен. Берег размывает, исковеркан, залит водой. Струги бешено колотились друг о друга боками, но пока еще держались на привязи.

– Браты, струги спасай! – крикнул он, нащупывая руками закрытый водою канат. – Унесет их, тады до Яицка в жисть не добратся!

Подоспевшие казаки и казачки дружно взялись за работу.

– Поспешайте, браты, струги... – кричал Кочегуров, стоя по пояс в воде.

Петр Пудовкин метался по берегу, увязая в песке, и с отчаянием откатывая бревна как можно дальше от воды. Падая и ободряя криками друг друга, рядом копошились казачки. Никто не командовал, никто не спрашивал, что делать.

Штормовой ветер упорно гнал волны на пологий берег. Люди падали, спотыкались, увязали в песке и глине, но не уходили с берега. Атаман старался быть одновременно всюду. На мгновение остановившись отдышаться, он со злорадством оглядел торжественную и страшную картину, озаряемую блеском молнии.

– Осерчало небо на нас, – прокричал ему в ухо пробежавший мимо Кочегуров и дико блеснув глазами, побежал на подмогу изнывавшим под тяжестью перетаскиваемых бревен казакам.

– А нам-то хоть бы што! – Арапов стянул с ног сапоги, вылил из них воду. Отдыхать и сушиться время пока еще не подошло, но он чувствовал себя неуютно на резком холодном ветру в хлюпающей обуви и промокшей одежде.

Смахнув с лица воду, атаман побежал к берегу и энергично принялся за работу. Он пытался увидеть Степаниду Куракину, чтобы помочь ей. Но в этой ночной суматохе под проливным дождем встретиться было трудно.

Степанида перекатывала бревна, не жалея сил. Когда она остановилась, чтобы перевести дух, поскользнулась и чуть не упала в бушующую воду, но чьи-то сильные руки подхватили ее. Женщина не увидела, но почувствовала, кто это. Она задержалась в неожиданном объятии, прикрыв глаза от усталости и счастья.

Ослепительно блеснула молния, и Степанида увидела мокрое взволнованное лицо атамана. А он увидел счастливо улыбающееся лицо молодой женщины. Грянул гром. Степанида на миг прижалась к Арапову, ее губы уткнулись в мокрую рубаху. Ливень обильно поливал их сверху. Степанида вдруг застыдилась и поспешила отстраниться:

– Благодарствую, Василь Евдокимыч...

Из объятий атамана она сразу же поспешила к перекатывающим бревна казачкам. Душа ее ликовала. Она любила и была любима, и сердце ее не обманывало.

Наступившее утро осветило страшный разгром, оставленный после себя ночной бурей: почти все шалаши были разрушены, а их остатки разбросало по всему поселению. На берегу еще не вошедшей в русло реки были свалены в кучу чудом спасенные бревна и оба струга.

Работа на берегу все еще кипела. Измученные казаки крепили бревна, а рядом бурлили мутные пенистые воды Сакмары. Наклоняя головы, чтобы защититься от ветра и мелкого дождя, люди упорно спасали плоды своего труда.

Среди них суетился не знавший усталости Кочегуров. Осунувшийся за ночь и не обращающий внимания на ноющие раны, он деловито отдавал распоряжения. Его крепкие руки посинели от холода и покрылись многочисленными ссадинами.

Рядом с казаками трудились и их жены. Они ни за что не соглашались бросить непосильную для них работу. Женщины сдерживали себя усилием воли, и глаза их задорно горели от гордости.

Атаман, покачиваясь, прошел по селению, дошагал до избы, непоколебимой скалой стоявшей посреди лагеря, и медленно поднялся по ступенькам. Он одобрительно осмотрел два недостроенных дома, которые даже без крыш легко выдержали натиск стихии. Арапов довольно отметил, что буря еще больше сплотила людей, и гроза была совсем не плохая, и поработали на славу. И стоило сюда приехать хотя бы для того, чтобы увидеть вот такую сумасшедшую, сногшибательную силу разбушевавшейся природы.

Последние дни изрядно помучали казаков. Жара была страшная. Со степи дул нескончаемый горячий, как адское пламя, ветер. Работать было невыносимо тяжело. Липкий пот не успевал высыхать на телах казаков. С Яицка не пришел ни один струг с зерном – в родном городке их, наверное, давно уже считали погибшими. Одежда, пропитанная потом, ломалась, а заменить ее было нечем. Казаки без конца латали прогнившую от постоянной носки обувь.

Кормились в основном рыбой и остатками пшена. Ходить на охоту времени не было. Сперва пшенная каша, приправленная рыбой, нравилась всем. Потом на нее смотрели с неприязнью, а в наступившую жару – с нескрываемым отвращением. Все сводилось к тому, что в Яицк необходимо было срочно направить гонца. Предстоящая зима обещала быть морозной и затяжной, и запас провианта поселенцам пришлось бы кстати.

Вечерами не знали, куда деваться. Поужинав, все отдыхали вокруг костра, который разводили на берегу реки. Сучья шипели в огне, пламя и дым метались во все стороны – того гляди спалит лицо. Но казаки не унывали: пели старинные песни, много спорили, рассказывали о былых походах, строили планы на будущее.

Арапов не был хорошим рассказчиком, но его любили за ясную и убедительную речь, за знание жизни и мудрость, которая чувствовалась под внешне грубоватой простотой.

Наступившим вечером снова все собрались у костра, и атаман, сорвав шапку, сказал:

– Браты, мы славно потрудились минувшей ночью и минувшим днем. Буря казала нам, как крепко мы строим. Осень не за горами, и она дозволит нам завершить строительство куреней. А ешо нам надобно отрядить в Яицк посыльного за продуктами и порохом. Мож хто ешо решится на переезд в нашу крепостицу?

Высказав все, что собирался, Арапов сел. Следом вскочил Кочегуров и, тоже грянув шапку о землю, заговорил:

– Я... я в Яицк иду! Вниз по течению и один сдюжу, а обрат на весла охочих зараз сыщу.

– Да уймись ты, Петро. – Атаман тронул есаула, и тот сразу сел, правильно поняв, что от него требуется. – В Яицк отрядим ково-то из баб. Вниз по реке оне стекут без усилий. А ты и здесь сгодишься, буйна башка. Кыргыз недалече, и каждая сабля пуще продуктов надобна!

– Баб так баб, – вздохнув, согласился Кочегуров. – Твоя правда, атаман. Казаков здесь кот наплакал. А ежели и впрямь кыргыз нагрянет...

– Типун те на язык, пустомеля! – Арапов обвел взглядом притихших баб и остановил его на Степаниде. – Собирайся в путь, касата! И ешо ково-нибудь с собой возьми!

– А я што, крайняя? – возмутилась молодая казачка, которая не хотела отдаляться от атамана по причине, известной лишь им. – Што я хуже ково из баб ружом владею?

– Вот потому и выбрал я тя, што гораздо лучше, – нахмурился не привыкший к неповиновению Василий. – В пути мало ли што может случиться, а на ты я эдак на казака могу положиться.

Не подыскав подходящих слов, Степанида насупилась и замолчала. Какая буря бушевала в ее душе, осталось неведомым присутствующим. Ну а атаман сделал вид, что не замечает страданий красавицы, и обратился к казакам со следующими словами:

– Чую, беда недалече, детушки! Кыргызы не являться, а энто худо. Знать, к походу готовятся. Нас мало, но степняки казака дюже опасаются. Чуют нехристи, што крепостица наша не по зубам им.

– Был бы жив старый хан ихней, кыргызы никада б не дозволили нам на энтом месте закрепляться, – вставил Кочегуров. – Воинственный был, зараза. Много нам кровушки злыдень попортил.

– У кыргызов пушек нет и ружей тож, – высказался Данила Осипов. – В энтом и преимущество наше.

– А ешо частокол, вал земной, што мы сообча округ насыпали, – задумчиво вставил Петр Пудовкин.

– Так то оно так, но не следут забывать про стрелы ихне, – печально ухмыльнулся Арапов. – Ими степняки владеют ловко и умело! Их много, а нас... А ежели осаду удумат?

– Все надежды на Степаниду и подмогу. – Есаул хлопнул себя по колену и посмотрел на притихшую казачку. – Пошто голову повесила, краля? Скажи обчеству слово свое.

– Согласная я, чево уш тут. – Степанида встала, гордо расправила плечи и кивнула в сторону Марии Осиповой. – Айда и ты собирайся, Марья, ежели не брезгушь. Все двоим веселее будет добираться.

Детей тоже решили отправить в Яицк. Слишком рискованно было оставлять их в поселке. Если киргизы с войском придут, дети могут стать легкой мишенью для их стрел и создадут значительные неудобства защищающимся казакам. Время для отплытия было назначено на утро. Учили все и даже то, что вышедшая после дождя из берегов река вдвое быстрее доставит струг в Яицк.

Отправив усталых людей спать, атаман взялся караулить. Вооружившись ружьем и парой пистолетов, он принялся обходить поселение, изредка присаживаясь у костра, чтобы подбросить дров или немного поразмышлять, глядя на веселые огненные искорки.

В общем-то он был доволен налаженным бытом. Да что там доволен, даже счастлив. Арапову нравилась кочевая неустроенная жизнь в тесном общении с разными людьми. И он думал так: «Вот оставь человека одного в такой неустроенности – пропадет! Не от болезни, не от голода – от тоски-скуки. А вместе – все хорошо». Он бы на всю жизнь согласие дал – построить здесь городок казачий, а затем в другое место перекочевать выше по реке и сначала. У киргизов земли немерено и пустоты много. И чем дальше их отодвинуть...

Сзади хрустнула ветка. Арапов мгновенно оказался на ногах, резко развернулся и, взведя курки, направил пистолеты в темноту и полным угрозы голосом крикнул:

– А ну, кто там тьмой прикрывается? Выходи немедля, не то враз курки спущу!

– Не пуляй зазря, Василий, я энто.

Атаман узнал голос Степаниды и опустил руки. В его мужественной душе вновь шевельнулось что-то неведомое, радостное, что случалось с ним всегда, как только он видел красавицу Степаниду. Разрядив пистолеты, он заткнул их за пояс и, борясь с обуявшим его смятением, сел. Глядя на костер, Арапов подвинулся на бревне, словно приглашая казачку присесть рядом.

Степанида осторожно села и, стараясь не касаться его, тихо сказала:

– Скажу вот те, Василий, што несчастна я.

Голос ее дрогнул, и женщина, шмыгнув носом, замолчала.

– Пошто так? – не отрывая взгляда от огня, поинтересовался атаман, внутренне борясь с овладевшим им желанием.

– Должна казать, ведь затем и пожаловала. Замуж я собралася, под венец.

– Замуж? С кем энто под венец? – Арапов едва не задохнулся от вдруг овладевшего им чувства ревности.

– Токмо с тобой под венец я пойду, сокол мой Василий!

Атаман онемел. Мозг его сковала неведомая сила, рот приоткрылся, а во рту разом все пересохло.

– Ну... и... ох... все пропало! Хосподь прибрал мово Гурьяна, а я-то жива ведь?

Арапов глотал ртом воздух и, будучи не в силах что-то сказать, продолжал бестолково пялиться на костер.

– Гурьян сгинул, а после Хоспода и него – ты для мя самый дорогой и желанный на свете!

– Пошто думаешь, што Гурьяна нет? – облизнув губы, кое-как выдавил из себя атаман. – Мож, живехонек он, угодил зараз в полон к кыргызам?

Степанида слегка вздрогнула и тихо заплакала:

– А мне што с тово теперя? Аль гадать всю жисть оставшуюся про то, жив ли Гурьяша аль нет?

– Ну... – Арапов задумался, но не нашелся что сказать в ответ.

– Да и не любила я его так, как ты, Вася, – всхлипнув, продолжила женщина. – Теперя вот я и поняла энто. У ко сердечко не затронуто, тому энто не понять. И я не понимала; засва-тали и се, думала, люди женятся – так надо. Но стоило токо мне ево потерять, а ты увидать,

как я поняла зараз, сколь мало жил Гурьяша в моем сердце; ешь, пьешь, работаешь, спишь, молишься, а думаешь не о муже сгинувшем, а о те... Боже, боже! За каки грехи на мя, бедную, свалилось тако бремя непосильно! Ох, Василий, – громче зарыдала Степанида, совсем забывшись и схватив руку атамана, – помоги, не отвергай мя, бога ради! Некому здесь мне душу излить без остаточка, вот я и пришла сюды. Заклинаю тя, не отвергай меня! Сделай энто во имя той, што выкормила тя своим молоком, во имя супружницы твоей, безвременно помершей! Помоги, иначе горе меня изведет. Пуцай не мила я те шас, но када-нибудь и твое сердце узнат любовь и ты поймешь, как ноет и страдат у меня душа! – Степанида плача опустила голову на вздымающуюся от сильнейшего волнения грудь Арапова, и он привлек ее к себе.

Скупые слезы блеснули на глазах казака, и, глядя женщину по голове, он как только мог принялся ее утешать:

– Не проливай слез зазря, голуба. Зрю, как глубоко ранено сердечко твое, как тоскует и болит душа твоя. Тяжело потерять мужа смолоду, но вернуть ево я не могу. Айда, я отведу тя в избу ко всем. Поспишь, помолишься – и все зараз к утру и пройдет.

– Нет. – Степанида вскочила и решительно замотала головой. – Утречком я по твоему же указу отплываю в Яицк. Ужо свидимся ли апосля, не ведам ни ты, ни я. Я могу и не доплыть до Яицка, а тя может сразить стрела кочевника. Ты... ты... прямо шас вот возьми меня!

– Хосподь с тобой, дева! Што ты вытворяешь со мной? – Арапов почувствовал, как сердце рвется из груди, а желание овладеть молодой красивой женщиной увеличилось в бессчетное количество раз. Но он не мог сделать это, не зная твердо, жив Гурьян или нет. Из последних сил борясь с охватившей его страстью, атаман огромным усилием воли овладел своими чувствами и ответил: – Нет, не могу так я! Прости мя за то, Степанидушка!

– Тады прощевай, Василий, – сказала она приглушенным голосом и нерешительно протянула Арапову руку.

Атаман взял ее впервые в жизни. Вздрогнул, словно от удара молнии. Сильно закипела его кровь, мурашки побежали по телу. Он стоял неподвижно, точно ноги его вросли в землю, глядел в глаза Степаниды и бережно сжимал мягкую ладошку.

Рука женщины дрожала, дрожала и она сама, отвернув склоненную голову. В глазах ее отразился загадочный блеск, точно небесная звездочка пробилась сквозь густой туман, а губы двигались, словно творили молитву Господню.

– Прощевай, Василий! – шепнула Степанида и не уходила.

– Прощевай, голуба! – сказал Арапов, продолжая сжимать ее руку.

Женщина медленно подняла глаза, на лице отразились одновременно и радость, и печаль; едва слышно она проговорила:

– Береги себя. А я вернусь! Обязательно вернусь к те, Вася! – и, вырвав руку, медленно пошла в сторону избы.

Все кружилось у нее перед глазами; казалось, небо сошло с землей. Сквозь слезы она пролепетала:

– Хосподи, как я несчастна!

Только она собралась шагнуть на ступеньки, как перед ней внезапно появился атаман. Степанида вздрогнула и опустила глаза.

Тяжело дыша, Арапов нежно взял ее за плечи и горячо выдохнул:

– Люблю тя, голуба! Больше жизни люблю! Ежели хошь...

Степанида ничего не сказала: она протянула руки, обвила шею атамана и, борясь с рыданиями, прошептала:

– И ты мне люб, сокол мой ясный! Люб! Люб! Люб!..

Разбушевавшаяся стихия нанесла немалый урон и поселению кулугуров. Только, в отличие от казаков, спасавших свое имущество, кулугуры провели всю ночь в молитве, стоя на коленях под проливным дождем.

Пребывая в молитвенном экстазе, они не видели, как мощные порывы ветра срывали крыши с их жилищ, как вода заполнила землянки. Все их помыслы были обращены только к Богу, пославшему им испытание, которое они должны были преодолеть.

Взбухшая от избытка воды земля под ногами молящихся была истоптана, взрыхлена каблуками, завалена хламом от разоренных жилищ. Кулугуры, даже не пытавшие навести порядок, сгрудились вокруг Гавриила. Куда ни смотри, везде перепуганные и переполненные верой лица. И над ними – отчетливый, ясный, согретый возбуждением голос старца:

– Браты и сестры! Не каждому человеку дано сделать в жизни дело, остающееся в веках. Вам энтэ щастье дано!

Кулугуры, втягивая головы в плечи, доверчиво вслушивались в пламенную речь своего вождя. Перечеркивая резкими взмахами рук неприглядную картину, Гавриил своими вдохновенными обещаниями создавал будущее поселение.

– Верующие! Вы вдохнете жизнь в дикие берега Сакмары! Вы возведете здесь земной Эдем! Вы молоды, богопослушны, вы бесстрашны – обещайте же Хосподу нашему выполнить без сомнений энту миссию!

– Обещам! – крестясь, хором вторили кулугуры.

– Браты и сестры! Седня зачинается новая замечательная жисть. Дык зачем же се с восстановления поселения!

Гавриил первым засучил рукава и крикнул молодым счастливым голосом:

– Верующие, а ну пособи.

Женщин старец послал вычерпывать воду из землянок и восстанавливать крыши, чтобы обеспечить всех ночлегом.

– Столяры, плотники, а ну выходи с инструментом.

Большую часть мужского населения старец отрядил в лес на заготовку бревен, а меньшую – на восстановление поселения.

В полдень, когда наступило время обеденной трапезы, девушки пытались созвать всех к столу.

– Апося, – отмахнулся увлеченный работой Гавриил. – На пустой желудок легче.

Темнело небо, предвещая вечер. Уже без былой удали, с усилием двигались руки и ноги. Все ошутимее становилась тяжесть, и все острее чувствовался голод.

– Кон-чай-ай! – крикнул старец.

Последние бревна медленно проползли наверх бугра к поселку на спинах истомленных людей.

Отбросив топор, трудившаяся наравне с мужчинами Нюра с удивлением разглядела растертые до крови ладони.

– Вот те раз! – бормотала она, морщась от боли и пытаясь улыбнуться.

Довольно оглядывая восстановленное поселение, Гавриил умиленно сказал подошедшей супруге:

– Дывысь, Марья. С таким стадом Христовым мы зараз горы свернем!

После сытного ужина кулугуры отвели черед молебну и рассыпались по землянкам, усталость буквально валила с ног. В землянке старца разместились все, кому удалось вернуться живым с злополучной охоты.

Разговор не клеился. Но охотники знали, Гавриил не зря собрал их, что старец ищет заветную ниточку, чтобы положить всему начало.

Вскоре ниточка была нащупана. Все ждали. Гавриил искоса оглядел собравшихся и сорванным голосом хрипло сказал:

– Не сумлеваюсь, што все знате, пошто я вас сюды созвал. – Увидев кивки, старец продолжил: – Вы явились без добычи и многих братьов лишившись. То вина не ваша, а Хосподня воля! Теперя хотелось бы послушать, што стряслось на озере том и пошто степняки раньше обычного на промысел птичий заявились?

Взоры присутствующих пересеклись на притихших Авдее и Семене Гнилине. А те в свою очередь переглянулись, как бы решая кому начать. Их молчаливый жребий остановился на Авдее, и он, откашлявшись, сказал:

– Дык я ж те обо всем поведал ужо, отец преподобный.

– А я сызнава хочу все послушать и поразмыслить над услышанным. – Гавриил нахмурился и сжал кулаки. – Гри все как перед Хосподом, а то прокляну!

Съжившись от столь страшной угрозы, несчастный часто заморгал и, перекрестившись, заговорил.

Поначалу он заикался, путался и часто поглядывал на Гнилину, словно моля о поддержке. Но вскоре разошелся и пересказал все, что с ними случилось на птичьем озере.

Когда Авдей замолк, старец еще долго находился в состоянии глубокого раздумья. Затем он пошевелился на своем сидище и, положив на колени огромные руки, сказал:

– Жаль братьов. Никифора особливо! Славный воин был.

Старец трижды перекрестился на образа и задал, видимо, заранее обдуманый вопрос:

– Пошто в бой неравный увязались? А? Ведь нехристей числом боле вашего было?

– Иначе не можно было, – ответил Семен Гнилин. – Никифор казал, пли по нехристям, не то зашибу.

– Верно казал, – одобрил старец. – Знать, ему сее виднее было!

– И Тимоху, казал, нам беречь, – покосившись на Гнилину, добавил Авдей. – А ешо казал, што коли жив будет, то разом к нам сюды заявится!

– Хорош воин был! – Гавриил вновь глянул на образа и перекрестился. – Царство ему небесное и всем зараз с ним павшим!

Кулугуры дружно перекрестились и вновь уставились на ответчиков, желая не упустить ни единого сказанного ими слова. Но старец больше не интересовался обстоятельствами трагической охоты, а перевел взгляд на притихшего в углу Тимоху. Его густые с проседью брови сошлись у переносицы, а глаза... Они испепелили бы молодого кулугура, если бы только могли это сделать:

– А ты пошто сызнава отца опозорил пред обчеством? Пошто в бой не встрял?

Тимоха опустил голову. Он так растерялся, что сразу не нашелся что ответить. Тимоха дрожал. Он зажмурился и боялся открыть глаза. Его дрожь передалась сидевшим рядом кулугурам, а покрывший лицо пот выставил напоказ его сильное волнение:

– Пошто молчишь, отрок мой? Аль язык откусил, от нехристей драпая?

– Мне... мне Никифор текать велел, – захныкал Тимоха, уподобившись малому дитю. – Он казал...

– Будя, – свирепо прорычал Гавриил и сжал до хруста кулаки. – Как бы мне хотелось, штоб чадом моим был Никифор, а не ты, гаденок. Прочь от очей моих, душа заячья, и три ночи на коленях без пищи и питья замаливай грех свой. Кайся и проси Хоспода даровать те храбрости в сердце. Штоб было оно достойно, а не... – Разгневанный старец впервые не нашел подходящих слов и махнул рукой, приказывая всем немедленно убираться из землянки.

В то время, пока Гавриил беседовал с мужиками, Нюра бродила по поселению, не находя себе места. Любовь к Никифору переполняла ее. А мысль о причинах невозвращения казака

с охоты пугала и угнетала. Ей хотелось увидеть Никифора, обнять его, но казак был где-то далеко, во враждебном краю. Девушка гнала от себя мысли, что его нет в живых. Она ощущала в себе такую силу, что могла бодрствовать ночь напролет. Прямо сейчас Нюра могла бы покинуть кулугуров и уйти на поиски любимого.

Она очутилась у землянки Гавриила в тот момент, когда старец громко сожалел о смерти Никифора. От внезапной новости кровь ударила в голову. Как же это?.. Не может быть! Он жив, жив он...

Нюра отпрянула от двери, когда кулугуры направились к выходу. Крестьясь и вздыхая, они расходились по своим землянкам. Девушка в это время спряталась за кучей неубранных веток, провожая мужчин рассеянным взглядом. Последним вышел получивший нагоняй Тимоха. Зло бормоча что-то себе под нос, парень прямиком пошагал к куче, видимо, испытывая желание справить свою малую нужду. Задумавшись, он наткнулся на выпрямившуюся во весь рост девушку и едва не обделался от испуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.